

Читайте

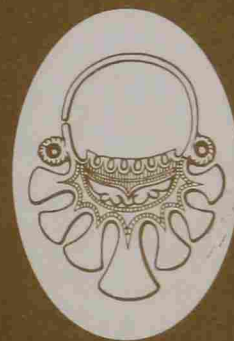
ISSN 0869-6063

Номер 3

Июль - Август - Сентябрь
2006

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>
<http://www.maik.ru>

“НАУКА”

АХЕМЕНИДСКИЕ ГЕММЫ В ХОРЕЗМЕ

© 2006 г. С. Я. Берзина

Государственный музей Востока, Москва

На территории древнего Хорезма найдено небольшое количество ахеменидских гемм-печатей. Их значительно меньше в количественном отношении и они менее разнообразны, чем аналогичные памятники из Согда или Бактрии. Однако в отличие от последних, именно в Хорезме ахеменидские геммы по форме и содержанию стали прототипами местной хорезмийской глиптики, а сюжеты и образы, запечатленные на ахеменидских геммах, дали изобразительное начало хорезмийскому эпосу и космогоническому мифу¹.

Ахеменидские геммы из Хорезма относятся к двум определенным группам. Первая – подвесные печати разных форм с изображением царя-героя, побеждающего льва или львогрифона. Вторая – скарабеиды с изображением птицеголового грифона. Первый сюжет восходит к ассирийским печатям с изображением царя, убивающего льва. Сюжет получил широкое распространение в Ахеменидском Иране. Обожествленный царь борется и побеждает силы хаоса, предстающие в образах львов, львогрифонов, быкообразных существ и сфинксов. Печати с такими изображениями датируются VI–V вв. до н.э. Второй сюжет также восходит к ассирийскому искусству. Образы соколового и орлиноголового грифонов широко использовались в ахеменидской глиптике V–IV вв. до н.э. Геммы-скарабеиды, в частности с этим сюжетом, изготавливались в мастерских малоазийских провинций Ахеменидского Ирана.

Печать первой группы найдена в разрушенном и разграбленном погребальном сооружении, открытом в оазисе Дингильдже. М.Г. Воробьева, руководитель раскопок и автор публикации, писала об интересующем нас предмете следующее: “половина халцедоновой бусины-печати с изображением разинувшего пасть льва” (Воробьева, 1973. С. 83). Материал она описала как “светлый халцедон”, форму печати определила как “скарабелоид” (Воробьева, 1973. С. 207), а для реконструкции изображения привлекла в качестве прямой аналогии печать из II Покровского кургана (Смирнов, 1964. С. 147. Рис. 16, 2б). “Поза льва (на покровской печати – С.Б.) аналогична изображению на

дингильджинской, на которой, видимо, тоже была сцена борьбы, но, вероятно, на двух сторонах печати, так как вытянутая вперед лапа зверя доходит до края печати, немного заходя и на боковую грань. Изображение на другой стороне не читается” (Воробьева, 1973. С. 207). В иллюстрациях гемма была представлена трижды: рисунком изображения на печати и оттиске (Рис. 29, III, 4), фотографией (Табл. II, А, 3) и рисунками обеих сторон сохранившегося фрагмента (Табл. II, Б, 6). Однако все они неудачны и не позволяют составить цельное представление ни о форме геммы, ни об изображении на ней.

Обломок геммы из Дингильдже хранится в Государственном музее Востока (далее ГМВ). До археологов дошла не половина, а только четверть подвесной печати из белого халцедона, имевшей форму бочковидного, уплощенного с четырех сторон цилиндра, плоского сверху и закругленного внизу. Высота примерно 2 см, диаметр 1.6 см. От кругового изображения (рис. 1, 3) на одной (широкой) стороне осталась верхняя часть вставшего на дыбы разъяренного льва: его голова с раскрытой пастью и прижатými ушами и одна протянутая в сторону раскрытая лапа с выпущенными когтями (заходит на узкую сторону). Такое положение лапы было возможно только в том случае, если верхняя часть тулова льва была развернута впрямь. Ниже, в отрыве от вышеописанного изображения, находится какая-то часть животного или предмета, которую анатомически не удастся привязать к фигуре льва. На сохранившемся краешке другой широкой стороны видны мелкие углубления от изображения, которое не определяется. Голова льва обращена на инталье влево, на оттиске вправо. Положение других частей тела льва не фиксируется, как и положение его противника, в котором исследовательница видела, исходя из покровской печати, фигуру ахеменидского царя.

На самом деле дингильджинскую и покровскую печати объединяет только общий сюжет. Формы печатей и изображения на них – разные. В свете современных знаний можно предложить несколько базовых вариантов реконструкции сцены на дингильджинской гемме. Все они были заложены еще в ассирийском искусстве и инспирированы царскими охотами. Что касается последних, то Ашшурнацирапал II (889–859 гг. до н.э.) в одной из

¹ В основе статьи одноименный доклад, прочитанный на конференции “Древность: историческое знание и специфика источника. Памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского”. Институт Востоковедения РАН. Москва, 24 октября 2005 г.

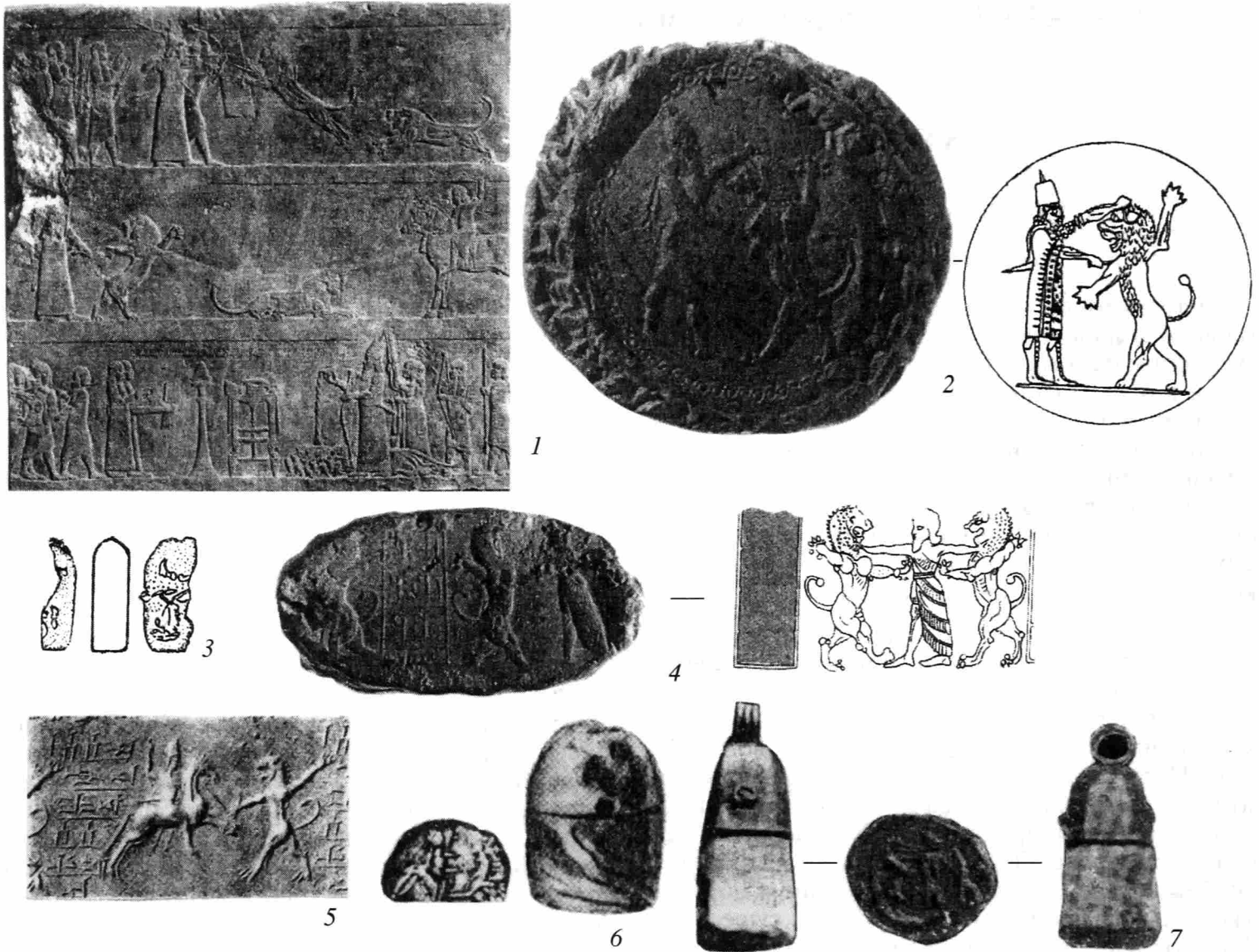

Рис. 1. Сцены львиной охоты на ассирийских памятниках: 1 – рельефная панель из дворца Ашшурбанапала II; 2 – оттиск печати Саргона II, прорисовка оттиска печати Саргона II; 3 – гемма из Алебастровой могилы, Дингильдже. Сцены львиной охоты на ахеменидских геммах: 4 – оттиск печати Фарнака, сына Аршамы; 5 – оттиск печати Айанакки, сына Пиратиш. Ахеменидские печати со сценами львиной охоты из Хорезма: 6 – печать, найденная в мавзолее Чирик-Рабата; 7 – печать найденная во II Покровском кургане.

своих надписей с гордостью сообщает, что убил 450 львов и 390 диких быков, а еще отрубил головы 200 страусам, расправившись с ними с такой легкостью, как будто это были птицы в клетках. Кроме того, царь поймал живыми, с помощью ловушек, 30 слонов, 50 быков, 20 львов и 140 страусов (Дандамаева, 2004. С. 29).

Именно в художественной культуре Ассирии появляются изображения вздыбленного разъяренного льва с головой, повернутой в профиль, в направлении противника, верхней частью туловища впрямь и распростертыми в обе стороны передними лапами. Мы видим такого льва в сценах львиной охоты на рельефной панели, украшавшей стену Северного дворца Ашшурбанапала II (669–635/629 гг. до н.э.) в Ниневии (Garrison, 1991. Fig. 14) (рис. 1, 1), а также на оттиске печати Саргона II, приложенной к документу 715 г. до н.э.

(Garrison, 1991. Fig. 13; Дандамаева, 2004. Рис. 46) (рис. 1, 2). На ранних ахеменидских печатях эта иконография льва повторяется полностью. Оттиск печати Фарнака, сына Аршамы, происходящий из “Архива Крепостной стены” Персеполя и датируемый (согласно документу, к которому печать была приложена) 500 г. до н.э., представляет героя, который душил двух вздыбленных львов с распростертыми в обе стороны лапами. Кстати, герой изображен в ассирийском одеянии (рис. 1, 4) (PFS 16) (Garrison, 1991. Fig. 11, 12; Медведская, 2004. С. 640, 694. Рис. 136). Оттиски других печатей этого архива (PFS 52, PFS 95) также повторяют типичные ассирийские сцены. На эламской цилиндрической печати ахеменидского времени с именем Айанакки, сына Пиратиш, тот же вздыбленный лев с распростертыми лапами представлен в схватке с конным всадником (Б.М., инв. № 89009. Wiseman, 1958. № 107) (рис. 1, 5).

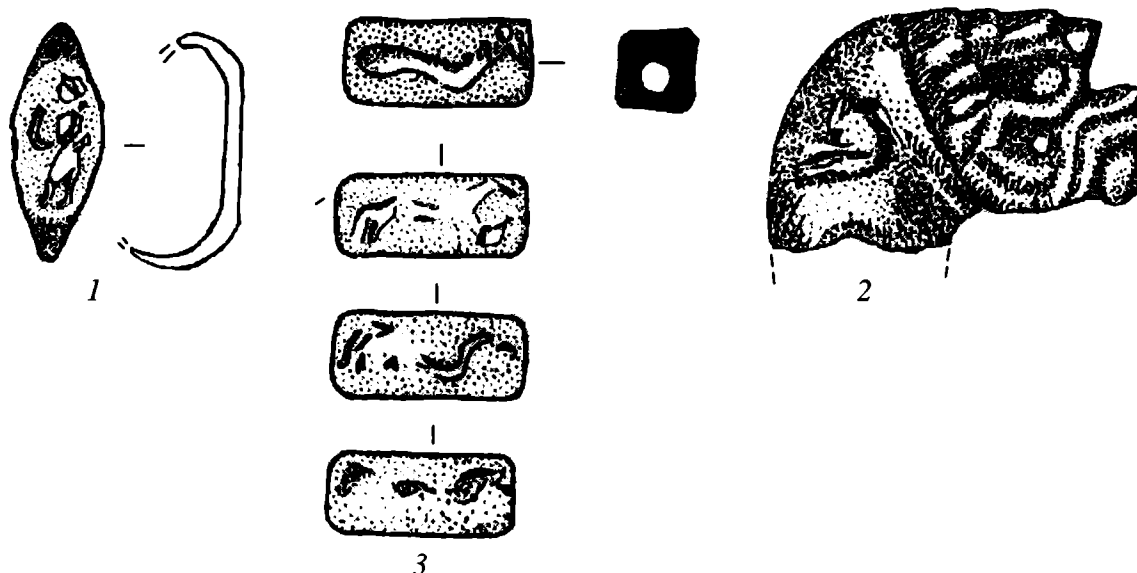

Рис. 2. Ахеменидские памятники из Дингильдже: 1 – кольцо-печать с изображением стреляющего лучника; 2 – бляшка с изображением льва/львицы с цветком лотоса; 3 – призматическая бронзовая печать.

Таким образом, возможны три варианта реконструкции сцены: царь/герой душил льва одной рукой и закалывает его другой, царь/герой душил двух львов, царь/герой верхом на коне готовится поразить зверя. В любом случае гемма-печать сопровождалась надписью с именем владельца. Изготовление дингильджинской геммы следует отнести к концу VI – началу V в. до н.э.

Дингильдже, где была найдена гемма, древний цветущий оазис в Правобережном Хорезме, плотно заселенный в середине I тыс. до н.э. Раскопки и разведки, проводившиеся здесь Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, выявили, что основой хозяйства жителей этого района было ирригационное земледелие. Вода поступала из Амударьи по магистральному каналу, достигавшему в длину 35–40 км, и распределялась отводными сооружениями между многочисленными хозяйствами. Остатки домов и усадеб зарегистрированы в 53 пунктах, кроме того, во многих местах собраны фрагменты керамики, наконечники стрел, каменные поделки и другие предметы, не составляющие крупных скоплений, но свидетельствующие о некогда существовавших там поселениях. Оазис имел общественный центр, отдельно стоящее святилище или небольшой храм с круглым алтарем-жертвенником.

Гемма-печать принадлежала человеку, погребенному в ящике с крышкой, типа саркофага. Ящик и крышка были отлиты из алебастрового раствора. Саркофаг с телом умершего (сохранилась часть черепной коробки) поместили в яму, впущенную в материк. Между стенкой ямы и саркофага, в специально вырытую канаву положили жертвенную и заупокойную пищу, состоящую из частей туш лошади и овцы/козы. В могилу были положены также три собачьи головы и разбитая керамика (ритуальная порча). Найденный в слое

засыпки череп лошади и сама опаленная поверхность засыпки ямы и древней почвы позволили М.Г. Воробьевой предположить, что захоронение сопровождалось тризной. Вероятно, могила имела ограду. От погребального инвентаря на долю археологов достались крохи: фрагмент вышеупомянутой геммы, фрагменты бронзовых браслетов и височных подвесок, отдельные каменные бусины, бирюзовая вставка в серьгу, а также фрагментированный бронзовый перстень-печать с изображением стреляющего лучника (хранится в ГМВ) (рис. 2, 1) М.Г. Воробьева нашла ему аналогию в материалах из раскопок ахеменидского поселения близ Суз, в слое, датированном VI–V вв. до н.э. Изображения ахеменидского царя, стреляющего из лука, известны на дариках Ксеркса, изображения персидских лучников – на геммах-печатах разной формы (Неверов, 2004. № 8, 25).

Погребальное сооружение, которому археологи дали название “Алебастровая могила”, уникально для архаического Хорезма типом погребения (захоронение в саркофаге), содержанием погребального инвентаря, среди остатков которого оказались две ахеменидских печати, а также своим местоположением. Могила была устроена за стенами уникальной хорезмийской усадьбы того же самого времени.

Усадьба выделяется из всех многочисленных усадеб оазиса. Она в 2.5 раза превышала по площади наибольшую из синхронных и в 7 раз наименьшую (а по площади помещений в 4–5 раз первую и в 8 раз вторую). Отличается она и по типу строения, наличию отдельно стоящего здания бассейна, характеру жилых помещений, размеру общей, заключенной в ограду площади усадьбы и, наконец, по инвентарю, включавшему ахеменидские украшения. От последних сохранилась фрагментированная бронзовая бляшка с рельефным изображе-

нием головы льва (львицы) с зажатым в пасти цветком лотоса (Воробьева, 1973. Рис. 25; Табл. П, А, 6; Б, 9) (рис. 2, 2). Бляшка предназначалась для украшения одежды или какого-то предмета. По мнению М.Г. Воробьевой, трактовка деталей бляшки, связанная с переднеазиатским и ахеменидским искусством, позволяет предположить, что она была привозной или, может быть, делалась по импортному образцу (Воробьева, 1973. С. 175). Выявленные закономерности в планировке здания и усадьбы также показывают знакомство с достижениями переднеазиатских и египетских зодчих, проникавшими в Хорезм через Персию. Усадьбу отличало еще и удобное положение по отношению к водным магистралям: к самой усадьбе подходил арык.

По мнению М.Г. Воробьевой, усадьба могла принадлежать не просто богатому хорезмийцу, но, скорее всего, правителю района, который стоял во главе имения ахеменидского вельможи. Этот хорезмиец был доверенным лицом последнего. “На эту же мысль наводит и расположенная недалеко разграбленная могила, среди остатков инвентаря которой оказались такие символы власти, как перстень-печать из бронзы с выгравированным лучником... и печать из халцедона с изображением типичного для раннеахеменидского времени ревущего льва” (Воробьева, 1973. С. 217). Усадьбу и непосредственно связанную с ней Алебастровую могилу М.Г. Воробьева относил к первой половине V в. до н.э., после Кюзели-гыр и до Калалы-гыр I (1973. С. 217).

Еще одна ахеменидская печать с этим сюжетом оказалась также в разрушенном и разграбленном мавзолее в Чирик-Рабате (рис. 1, б) (Трудновская, 1963. С. 201–213) на территории, непосредственно граничившей с Древним Хорезмом на востоке. Носителями археологической чирик-рабатской культуры были подвижные скотоводы, жившие в добрых отношениях, постоянных экономических и культурных контактах с хорезмийцами. По мнению Б.И. Вайнберг, это были исторические дахи/даи (Вайнберг, Левина, 1993), по мнению И.В. Пьянкова – исторические массагеты (2004. С. 746, 750, 758). Попадание печати в Чирик-Рабат с территории Хорезма представляется весьма вероятным. О печати мы можем судить только по иллюстрациям и описаниям (Толстов, 1962. С. 147–148. Рис. 81; Трудновская, 1963. Рис. 9. № 16), современное местонахождение печати неизвестно. С.А. Трудновская описывает и определяет печать следующим образом: “Это печать-конус из белого халцедона с просверленным отверстием для подвешивания. Попавший в огонь камень прокалился и растрескался. Отсутствует фрагмент с частью изображения (рис. 9, 16). На печати вырезана сцена единоборства царя в зубчатой короне с львиноголовым крылатым грифоном. Сохранились лишь верхние половины фигур. По форме, сюжету и стилю изоб-

ражения камень принадлежит к ахеменидским изделиям V–IV вв. до н.э. Очень близкая по материалу, форме и изображению печать была найдена в сарматском кургане у с. Покровка на р. Илек в Южном Приуралье”². Печать, по мнению С.А. Трудновской, использовалась в качестве украшения (1963. С. 211, 212).

Судя по фотоснимку оттиска инталы, царь и вздыбленный львогрифон схватились насмерть. Оба изображены в профиль, встречно друг к другу. Львогрифон протянул одну переднюю лапу к груди царя, другую – к его лицу. Царь левой рукой душит зверя за горло, а в отведенной правой (судя по положению плеча), вероятно, держит оружие.

Мавзолей, куда в свое время был положен владелец геммы, относится к самым ранним из погребальных сооружений этого рода. Остатки былой роскоши позволяют считать его местом погребения представителей родоплеменной знати. С.П. Толстов и С.А. Трудновская датировали мавзолей концом IV или рубежом IV–III в. до н.э. (Толстов, 1962. С. 148; Трудновская, 1963. С. 213). Б.И. Вайнберг и Л.М. Левина считают, что “весь комплекс находок и прежде всего наличие ахеменидской печати позволяют ограничить эту дату IV в. до н.э.” (1993. С. 43). Персидские подвесные печати с аналогичным сюжетом датируются в пределах VI–IV вв. до н.э. (ср.: Никулина, 1994. № 401 – коническая печать VI в. до н.э.; № 444, 445 – пирамидальные восьмигранные печати V–IV вв. до н.э.).

Третья печать с тем же сюжетом (на которую ссылались М.Г. Воробьева и С.А. Трудновская) открыта на территории дальних северных соседей Хорезма, носителей прохоровской археологической культуры. Проблема прохоровской культуры как таковой, границы ее распространения, датировка и даже определение собственно прохоровских комплексов в настоящее время являются предметом научной дискуссии (Зуев, 2000. С. 304–330). Однако тезис о связях прохоровцев с населением Приаралья, о вероятности их первоначального местонахождения в целом или частично в Приаралье не пересматривался, как и возможность попадания хорезмийских памятников в курганы прохоровской культуры с берегов Аральского моря (Мошкова, 1987). Логично считать местом появления ахеменидских предметов в Приаралье именно Хорезм, ахеменидскую сатрапию, откуда они и попали к прохоровцам.

Прохоровцев принято отождествлять с историческими сарматами (М.И. Ростовцев) или савроматами (К.Ф. Смирнов). По мнению современных исследователей истории Средней Азии (Вайнберг, Левина, 1993. С. 93, 94; Пьянков, 2004. С. 748), это

² Трудновская ссылается на публикации: И. Кастанье (1913. С. 80–83), М.И. Ростовцева (1918. С. 19 и сл.; ОАК, 1913. С. 192, 193).

дахи (даи). Печать входила в состав богатого погребального инвентаря местного вождя/правителя, захороненного в нетронутым II Покровском кургане (Ростовцев, 1918. С. 21 и сл.). Печать сохранилась в своем первоначальном виде полностью. К сожалению, ее нынешнее местонахождение не известно. М.И. Ростовцев описывал печать следующим образом: “Печать в виде конуса из белого халцедона ахеменидского типа. Печать оправлена в золотой колпачок со скобкой наверху для подвешивания. На колпачке с двух сторон по накладному завитку из золотой проволоки. На печати обычное для ахеменидских печатей, но очень беглое изображение царя, борющегося со львом, поднявшимся на задние лапы. Правая рука царя схватывает льва за голову, в левой меч. Выс. [интальи] 0.5 см” (Ростовцев, 1918. С. 21. Табл. VI, 10–12) (рис. 1, 7). К.Ф. Смирнов, по публикации которого эта печать стала широко известна в советское время, писал о ней следующее: “Во втором покровском кургане найдена также прямоугольная ахеменидская печать из халцедона, оправленная в золотой колпачок с петелькой для подвешивания. Савроматы бассейна р. Илек, вероятно, использовали эту печать в качестве подвески-амулета” (Смирнов, 1964. С. 147. Рис. 16, 26; печать описана и нарисована неверно).

Судя по фотоснимкам, опубликованным М.И. Ростовцевым, печать из II Покровского кургана представляет собой восьмигранную пирамидальную подвеску со сквозным поперечным отверстием в верхней части и изображением на “доньшке”. Через отверстие проходит стержень, концы которого выступают из колпачка-обоймы и крепятся к ней проволочными заклепками-завитками. Инталья в форме восьмиугольника. В изображении на инталье воспроизводится традиционная сцена схватки ахеменидского царя со вздыбленным львом. Царь сжимает левой рукой шею льва, а в правой, отведенной в сторону, он держит кинжал/меч. Материал, форма геммы и изображение на ней имеют множество аналогий в памятниках ахеменидской глиптики. Это один из традиционных типов ахеменидских печатей V–IV вв. до н.э. (Boardman, 1970. P. 19–44. Pl. I–VIII et al.).

Другие геммы с таким сюжетом в Средней Азии не известны, как и не известно появление этого сюжета на местных печатях. Во всех трех случаях, независимо от этно-политической привязки владельцев последних двух, печати следует рассматривать как инсигнии персидских чиновников, правящих от имени ахеменидского царя. При этом надо учитывать, что две последние были обнаружены не по месту первоначального использования, а по месту находок.

Только первая из них может рассматриваться в контексте прямых отношений Ахеменидского Ирана и Хорезма в силу уже упоминавшихся нахо-

док в большой усадьбе Дингильдже, Алебастровой могиле, а также других ахеменидских печатей из этого оазиса. К ним относятся еще две печати, оставшиеся не атрибутированными. Одна: призматическая бронзовая печать с продольным отверстием внутри, имеющая выгравированные изображения животных на всех четырех сторонах (Воробьева, 1973. Табл. II А, 11; Б, 4) (рис. 2, 3); современное местонахождение не известно. Другая: маленький сердоликовый скарабеоид с грифоном.

Призматическая печать была найдена в архаической усадьбе 11 А (Воробьева, 1973. С. 7, 8). Это характерное изделие IV в. до н.э., одна из форм многогранных печатей, широко известных по памятникам малоазийской глиптики ахеменидского времени (Richter, 1952. P. 189–195. Pl. XXX; Неверов, 1984. С. 47–49; Никулина, 1994. С. 88–93. Кат. № 465–474). Самой близкой аналогией печати из Дингильдже можно считать призматическую халцедоновую печать, хранящуюся в Ашмолеанском музее, Оксфорд. На ее четырех сторонах изображены животные: собака, лисица, ящерица и цапля (Richter, 1968. № 410; Boardman, 1970a. № 934; Никулина, 1994. № 233, 276). Нельзя исключить, что бронзовая печать из Дингильдже могла быть сделана в подражание печати-гемме.

Ахеменидский скарабеоид с изображением летящего соколового грифона на выпуклой стороне найден в окрестностях Дингильдже (Трундовская, Войтов, 1979. № 362), хранится в ГМВ, (рис. 3, 1). Скарабеоид был отнесен С.А. Трундовской к III в. до н.э. На самом деле он датируется временем не позднее середины IV в. до н.э. Дингильджинский скарабеоид входит во вторую группу ахеменидских печатей, найденных на территории древнего Хорезма. Сюда же относятся: фрагментированный скарабеоид из Базар-калы с ушастым и рогатым грифоном, скарабеоид с аналогичным изображением из Беркут-калы и отпечатки большого скарабеоида из Кой-крылган-калы³.

³ С территории Средней Азии известны еще три ахеменидских скарабеоида с грифонами, собственно с львогрифонами. Один из собрания Б.Н. Кастальского, ныне хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (Никулина, 1994. № 542). Второй был найден случайно на средневековом городище Будрач (Брыкина, 1994. С. 32). Третий – также случайно на кушанском городище Бараттепа (Древности Южного Узбекистана. С. 260. № 46), Э.В. Ртвеладзе описывает его как ложный перстень. Место находки первого неизвестно. Оба последних оказались в постахеменидских слоях. Скорее всего, все эти скарабеоиды попали в Среднюю Азию в греко-римское время, подобно скарабеоиду с грифоном из Тилля-тепе (Sarianidi 1985, P. 46. Cat. V, 8. Pl. 74). Единственное изображение львогрифона, которое можно связать со Средней Азией, собственно с Бактрией ахеменидского времени, имеется на золотом перстне из Амударьинского клада (Зеймаль, 1979. Кат. № 109).

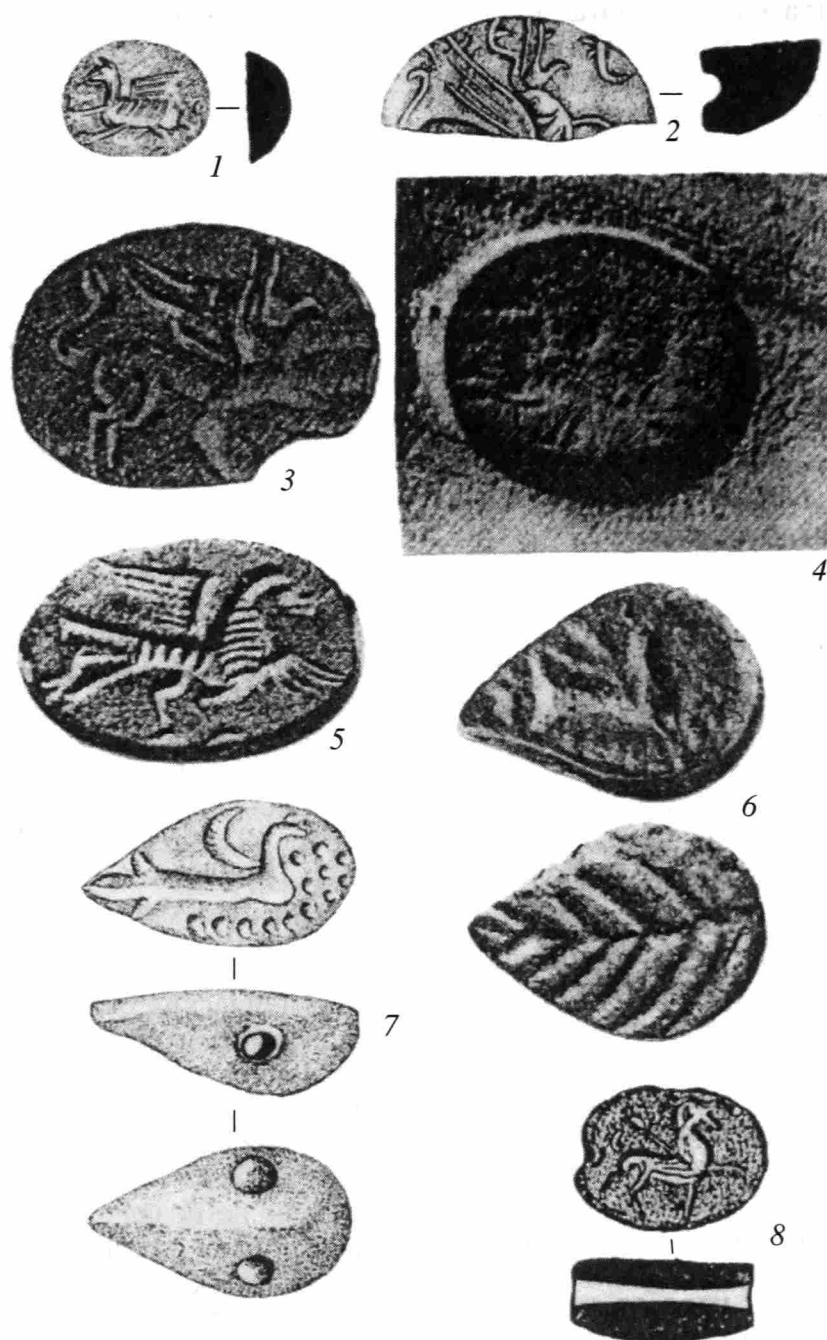

Рис. 3. Ахеменидские печати с изображением птицеголовых грифонов из Хорезма: 1 – скарабеоид из Дингильдже; 2 – скарабеоид из Базар-калы; 3 – скарабеоид из Беркут-калы; 4 – оттиск скарабеоида из Кой-крылган-калы. Хорезмийские печати с изображением птицеголовых грифонов: 5 – скарабеоид из Беркут-калы; 6 – скарабеоид из Беркут-калы; 7 – скарабеоид из разведочного маршрута Б.В. Адрианова; 8 – хорезмийский скарабеоид с изображением конеолене-грифона из Кой-крылган-калы.

Базаркалинский скарабеоид выполнен из черного камня кристаллической породы. На плоской поверхности скарабеоида сохранилась верхняя половина превосходного изображения грифона. Ушастый и рогатый орлиноголовый грифон представлен в движении, возможно в полете, с поднятыми крыльями, выброшенными вперед ногами и задраным вверх хвостом. Перед ним полумесяц лодочкой. Скарабеоид опубликован без описания и атрибуции, отнесен к IV–III вв. до н.э. (Трудновская, Войтов 1979. № 359; хранится в ГМВ) (рис. 3, 2). Скарабеоид принадлежит к изделиям малоазийской

мастерской ахеменидского времени и не может быть датирован позднее IV в. до н.э.

Ахеменидское происхождение имеет также скарабеоид из Беркут-калы, на котором изображен рогатый орлиноголовый грифон, аналогичный предыдущему (Толстов, 1948. Табл. 83, 7. Рис. на С. 56) (рис. 3, 3), описание его не приводится; современное местонахождение неизвестно.

В храме Кой-крылган-калы определенно был стандартный ахеменидский скарабеоид с грифоном, который использовался как печать. Оттиски крупного скарабеоида с изображением летящего

птицеголовго грифона сохранились на фрагментах большого расписного хума из Кой-крылган-калы, датированного IV в. до н.э. (Трудновская, 1967. С. 217) (рис. 3, 4); современное местонахождение фрагментов хума неизвестно.

В Хорезме образы грифонов зафиксированы также и на других памятниках, копирующих ахеменидские образцы. Здесь найдена форма для изготовления скульптурной протомы орлиноголового грифона, аналогичной персепольскому. Протома предназначалась для капителей колонн парадного зала дворца ахеменидского сатрапа в Калалы-гыр I, рубеж V–IV вв. до н.э. (Толстов, 1962. С. 112. Рис. 53; Трудновская, Войтов, 1979. № 206. Рис. 3; Рапопорт, 2000. С. 31. Илл. 7а, б. Рис. 10); хранится в ГМВ. По ахеменидскому образцу был также выполнен керамический ритон с протомой грифона из Кой-крылган-калы, который упоминает М.Г. Воробьева (1967. С. 16. Рис. 46. № 8 (предположительно)); современное местонахождение неизвестно. В связи с завозом драгоценных ахеменидских ритонов на территорию Средней Азии следует упомянуть завершение ивуарного ритона в виде скульптурной протомы льва из Тахти Сангина V–IV вв. до н.э. (Древности Таджикистана, 1985. С. 72. № 186, автор И.Р. Пичикян).

Однако не эти памятники, а именно ахеменидские скарабеи с грифонами стали образцом для собственно хорезмийских печатей. Хорезмийские печати вырезаны из местного камня, конкреций известняка и сланца. Две такие печати, выполненные по типу скарабеоидов с местными вариациями образа птицеголового грифона, подняты на такырах Беркут-калы (Толстов, 1948. Табл. 83. № 4, 9. № 9 хранится в ГМВ, местонахождение № 4 неизвестно), (рис. 3, 5, 6). Еще одна была найдена Б.В. Адриановым в разведочном маршруте 1957 г. хранится в ГМВ (рис. 3, 7).

Первый из упомянутых беркуткалинских скарабеоидов местного производства имеет обычную форму, но отличается от классических образцов грубостью, приземистостью изображения грифона. Второй, толстый и плоский с обеих сторон (размеры: 2.5 × 2 × 1.3 см) имеет листовидную форму. На меньшей стороне вырезано стилизованное изображение грифона, в штриховом обрамлении, на большем – лист дерева с характерными прожилками. Скарабеоид из разведочного маршрута Б.В. Адрианова имеет на одной стороне инталью листовидной формы со стилизованным изображением грифона в штриховом обрамлении (размеры интальи 2.2 × 1 см). Другая его сторона, треугольная в разрезе, имеет сквозное отверстие в высокой части (высота 0.9 см).

Из раскопок в Кой-крылган-кале происходит скарабеоид обычной формы, вырезанный из коричневой известняково-железистой конкреции, с изображением местной модификации образа гри-

фона – конеоленегрифона (Трудновская, 1967. С. 215, 216. Рис. 81, 1; Трудновская, Войтов, 1979. № 358), современное местонахождение неизвестно (рис. 3, 8). Первоначально С.А. Трудновская датировала этот скарабеоид IV в. до н.э., позднее IV–III вв. до н.э. Коненеоленегрифон, пораженный стрелой, очевидно, замещает оленя, пораженного стрелой (о последнем см.: Вайнберг, 2004. С. 216, 217). Таким образом, конеоленегрифон становится персонажем хорезмийского календарного мифа.

Оба сюжета, появившиеся в Древнем Хорезме впервые на ахеменидских печатях, объединяются в сценах хорезмийского героического эпоса и космогонического мифа, воплощенных в ритуальных памятниках из храмов Калалы-гыр 2, Кой-крылган-калы и Гяур-калы 3. Изображение эпического момента – схватки героя/царя со львом – запечатлено на ритуальном предмете (навершие жезла?) из рога оленя, найденном в Калалы-гыр 2 (Вайнберг, 2004. Рис. 5, 24. С. 184, 186, 187, 228), (рис. 4, 1), а также на рельефах четырех ритуальных фляг из Кой-крылган-калы (Толстов, 1962. Рис. 65e; Воробьева, 1967. С. 201, 203. Рис. 75, 6) (рис. 4, 2) и одной из Джанбас-калы (Толстов, 1948. Табл. 82, 1) (рис. 9в). В первом случае представлен типичный сюжет ахеменидских гемм: охота конного лучника на льва. В остальных – вариация этого сюжета, где всадник готовится пронзить льва копьём (Wiseman, 1958. № 108).

Сцена сражения бога/царя с фантастическим быкообразным существом, сопровождаемая хорезмийской надписью “он поразит, сразит”, выполнена в рельефе на ритуальной фляге из Калалы-гыр 2 (Лившиц, 2004. Рис. 6, 22. № 23, С. 205, 206; Вайнберг, 2004. Рис. 7, 10, 11. С. 223–225) (рис. 5). Б.И. Вайнберг трактует ее как изобразительное воплощение части хорезмийского космогонического мифа.

Грифон в виде конегрифона представлен в сценах других частей того же мифа, изображенных на рельефах двух фляг из Кой-Крылган-калы (Толстов, 1962. Рис. 65д, ж; Воробьева, 1967. С. 205. Рис. 78. Табл. XXXII, 1; Вайнберг, 2004. С. 218) (рис. 6), а также фляг из Калалы-гыр 2 и Гяур-калы 3 (Вайнберг, 2004. С. 225–227). Здесь конегрифон поражает чудовищную птицу, образ которой восходит к гриллам малоазийских гемм.

Как мне представляется, создание образа конегрифона, коня-птицы, прямо связано с появившейся (или выведенной) в Древнем Хорезме породой быстроаллюрных боевых коней, известных ныне как ахалтекинцы⁴, и тем особым отношениям, которые складывались между наездником и конем этой породы (Ковалевская, 1977; 2004. С. 38–41;

⁴ В статье употребляется название ахалтекинцы как общепринятое, не противопоставляя друг другу коней единой породы, которую и ныне разводят в двух туркменских оазисах, Текинском и Йомудском.

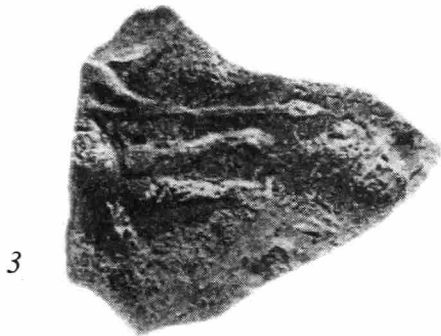
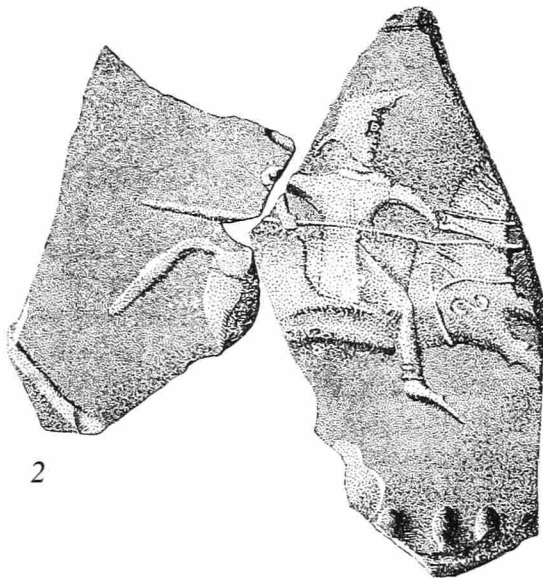
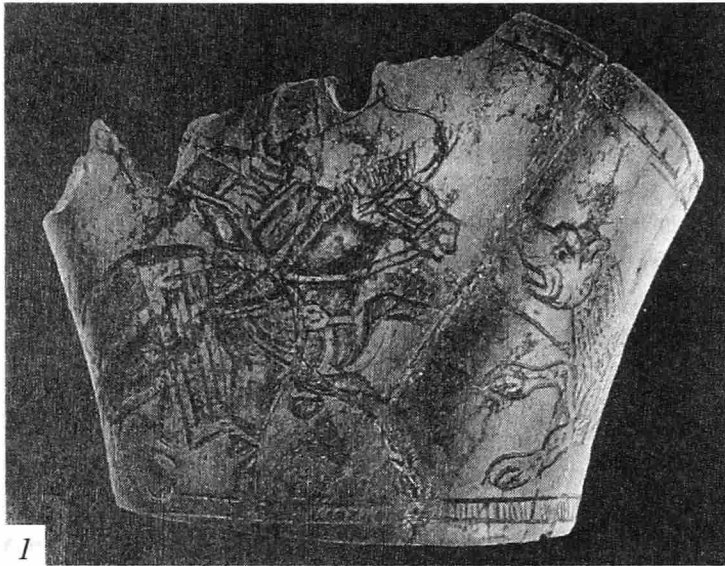

Рис. 4. Хорезмийские ритуальные памятники со сценами львиной охоты: 1 – из Калалы-гыр II; 2 – из Койкрылган-калы; 3 – из Джанбас-калы.

Берзина, 2002. С. 114–122). Здесь, кстати, нелишне будет вспомнить, что изображение хорезмийского правителя или героя на ахалтекинце зафиксировано на самом раннем из местных скарабеоидов⁵, наиболее адекватном классическим ахеменидским образцам (Толстов, 1948. Рис. на обложке и титул. ст., хранится в ГМВ).

⁵ Об этой гемме специально см.: Берзина, 2002.

Рис. 5. Хорезмийский ритуальный памятник со сценой сражения бога-героя с быкообразным чудовищем.

Собранные в статье материалы представляют памятники ахеменидского искусства малых форм, а именно геммы, в Древнем Хорезме и показывают их влияние на формирование художественной культуры этой страны. Закономерность такого процесса определил еще В.Г. Луконин (Луконин, 1977. С. 72). Естественно, тот же процесс имел место и в других странах Средней Азии, входивших в Ахеменидскую империю. Хотя шел менее интенсивно, чем в Хорезме. Глухой отголосок такого явления мы находим в Согде. Так, сцена сражения царя-героя с львогрифоном, восходящая к ахеменидскому образцу, была воспроизведена на деревянных панно в двух домах раннесредневекового Пенджикента. “Под аркой изображены вздыбленный крылатый лев и сражающийся с ним герой, который, взяв льва рукой за затылок, закалывает его мечом. Меч он при этом держит в левой руке. На голове героя шлем, напоминающий фригийский колпак, из-под которого спускаются длинные волосы. Такой шлем и чешуйчатый доспех не зафиксированы в пенджикентской живописи, для которой в отличие от скульптуры не характерны экзотические и архаические реалии. Непосредственный прототип и семантика изображения неясны. В конечном итоге эта композиция восходит к памятникам древнего Ирана VI–IV вв. до н.э.” (Маршак, 1985. С. 240, 241. № 585). Сцена хорошо известна по рельефам Персеполя (Луконин, 1977. С. 71). Особенность пенджикентского изображения, на что обратил внимание Б.И. Маршак, в том, что герой хватается чудовище правой рукой, а закалывает его мечом, который держит в левой руке. Единственное возможное объяснение – архетип

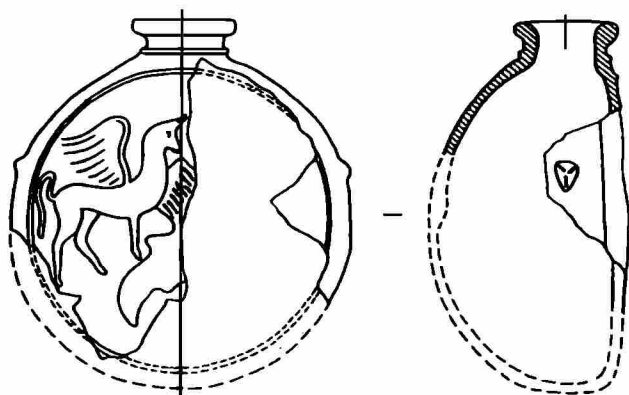

Рис. 6. Хорезмийский ритуальный памятник с изображением конеоленегрфона из Кой-крылган-калы.

сцены был заимствован с геммы-инталы, где изображение вырезалось всегда негативно.

Таким образом, хорезмийские памятники, законсервированные песками и сохранившие хронологический срез цивилизации середины I тыс. до н.э., свидетельствуют влияние ахеменидского искусства в Хорезме, а также могут быть использованы как образец для реконструкции ахеменидского вклада в историю художественной культуры Средней Азии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берзина С.Я. Кони в глиптике древнего Востока и образ ахалтекинца на древних геммах и печатях // *Miras*. № 1. Ашгабат, 2002.

Брыкина Г.А. Гемма с городища Будрач // Тез. конф. Института искусствознания Узбекистана. Ташкент, 1994.

Вайнберг Б.И. Реконструкция верований древних хорезмийцев по археологическим материалам // *Калалы-гыр 2. Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э.* М., 2004.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура // *Низовья Сырдарьи в древности*. Вып. I. М., 1993.

Воробьева М.Г. Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки // *Кой-Крылган-кала – памятник культу-*

ры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1967.

Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н.э. в Древнем Хорезме. М., 1973.

Дандамаева М.М. Древняя Месопотамия. СПб., 2004.

Древности Южного Узбекистана. Сока, 1991.

Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.

Зуев В.Ю. Проблемы хронологии Прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // *ΣΥΣΣΤΙΑ*. СПб., 2000.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник. М., 1977.

Ковалевская В.Б. Быстроаллюрные боевые кони древности – ахалкетинцы // *Ахал-теке информ*. М., 2004.

Лившиц В.А. Надписи и документы // *Калалы-гыр 2. Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э.* М., 2004.

Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.

Маршак Б.И. Панно со сценой битвы героя с чудовищем // *Древности Таджикистана*. Каталог выставки. Душанбе, 1985.

Медведская И.Н. Ахеменидское искусство // *История древнего Востока*. Т. 3. М., 2004.

Мошкова М.Г. Среднеазиатская керамика из поздне-сарматских памятников // *Прошлое Средней Азии*. Душанбе, 1987.

Неверов О.Я. Ахеменидский цилиндр из Херсонеса // *СГЭ*. Вып. 49. Л., 1984.

Неверов О.Я. Иранские геммы // *Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций*. СПб., 2004.

Никулина Н.М. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана по материалам глиптики V–IV вв. до н.э. М., 1994.

ОАК за 1911 г. СПб., 1913.

Пьянков И.В. Средняя Азия в ахеменидское время // *История Древнего Востока*. Т. 3. М., 2004.

Рапопорт Ю.А. Хорезм в древности // Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М., 2000.

Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // *МАР*. Т. 37. Петроград, 1918.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Трудновская С.А. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат // *Матер. Хорезмской экспедиции*. Вып. 6. М., 1963.

Трудновская С.А. Печати // *Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э.* М., 1967.

Трудновская С.А., Войтов В.Е. Древний Хорезм. Каталог выставки. М., 1979.

Boardman J. Pyromidal Stamp Seals in the Persian Empire // *Iran*. № 8. L., 1970a.

- Boardman J.* Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. L., 1970b.
- Garrison M.B.* Seals and the Elite at Persepolis: Some observations on Early Achaemenid Persian Art // *Ars orientalis*. V. 21. Michigan, 1991.
- Richter G.M.A.* Greek Subjects on "Graeco-Persian" seal stones // *Archeologica Orientalia*. In Memoriam Ernst Herzfeld. N.Y., 1952.
- Richter G.M.A.* Engraved Gems of the Greeks and the Etruscans. L., 1968.
- Sarianidi V.* L'Or de la Bactriane. Fouilles de la nécropole de Tilia-Tépé en Afghanistan Septentrional. Leningrad, 1985.
- Wiseman D.J.* Götter und Menschen im Rollsiegel Westasiens. Prague, 1958.

Akhemenid gemmae in Khwarizm

S. Ya. Berzina

Summary

A small quantity of Akhemenid gemmae-seals was found in the territory of ancient Khwarizm. Their number is noticeably smaller than that of analogous monuments from Sogda or Bactria, and they are less multifarious. The Akhemenid gemmae from Khwarizm relate to the two definite groups. The first group consists of hanging stamps of different forms with an imprint of a hero-tzar winning a lion or a lion-gryphon. The second one consists of scarabeoid seals with an imprint of a gryphon with a bird head. However it is in Khwarizm that the Akhemenid gemmae became prototypes of a local Khwarizmian glyptics by form and essence (the end of 5th c. – 3rd c. BC) and the graphic origin of the Khwarizmian epos and the cosmogonic myth began with subjects and images imprinted on the Achemenid gemmae.

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ НА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ВОСТОКЕ

© 2006 г. Г. А. Кошеленко

Институт археологии РАН, Москва

Проблема становления денежного обращения в среднеазиатском регионе уже неоднократно становилась объектом исследований, что естественно, поскольку данное явление представляет собой один из самых важных переворотов в экономической жизни любого общества. В последние десятилетия эту тему активно разрабатывал Е.В. Зеймаль (1978; 1983). Предложенная им схема может быть сформулирована следующим образом: возникновению денежного обращения и появлению самостоятельной монетной чеканки в среднеазиатском Междуречье предшествовало время, когда в данный регион поступали иноземные монеты, которые здесь, однако, воспринимались как слитки драгоценных металлов. Затем началась чеканка собственной монеты, которая являлась только подражанием наиболее широко распространенных иноземных монет. Только после этого наступил момент, когда в некоторых областях этого региона начиналась чеканка действительно самостоятельных монет местными правителями.

Эта абсолютно правильная теоретическая модель, однако, приходит в известное противоречие с реальными фактами, на что указывали оппоненты Е.В. Зеймала (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1983; Ртвеладзе, 2002. С. 14–16). Критики подчеркивали, что, например, селевкидские и греко-бактрийские монеты, выпущенные на местных монетных дворах, ни в коем случае нельзя воспринимать в качестве иноземных, как это делал Е.В. Зеймаль. Точно так же рассмотрение процессов, имевших место на территориях, расположенных к северу от Амударьи, отдельно от того что происходило на юге, неверно, так как эти территории составляли единую историко-культурную область. К этим соображениям необходимо добавить еще и следующее: в период завоеваний Александра Македонского на этих территориях в основанных им городах и военных колониях поселилось значительное число греков и македонян (только в восстании 323 г. до н.э. приняли участие, по свидетельствам античных авторов, 23000 греков). Экономическая жизнь греческого общества в это время была совершенно немыслима без монеты и развитого денежного обращения (Кошеленко, 1972. С. 59–78). В силу этого для важной части населения среднеазиатского ре-

гиона потребность в монете была крайне настоятельной, и ее необходимо было удовлетворять.

Объектом нашего исследования будет период, как правило, выпадающий из зоны внимания исследователей истории среднеазиатского региона вообще и денежного обращения в частности. Мы имеем в виду время от смерти Александра Македонского в 323 г. до н.э. и до подчинения региона создателю новой огромной державы Селевку I в 305–303 гг. до н.э. Этот короткий исторический период был насыщен военными и политическими событиями. Хотя основной сценой борьбы диадохов были Эллада и Передний Восток, тем не менее и центральноазиатский регион был также затронут этими событиями. Кроме того, на каждом этапе борьбы победитель на данный момент стремился поставить на место сатрапов восточных областей своих приверженцев, что, естественно, усугубляло ситуацию.

Кроме того, для большей ясности картины мы решили не ограничиваться только собственно среднеазиатскими сатрапиями, но привлечь материалы по несколько более широкому ареалу, включив также восточно-иранские, а также и связанные с ними индийские области. Использование этих материалов, происходящих из областей, общественный и политический строй которых был однотипным с устройством собственно среднеазиатских, несколько расширяет круг источников и позволяет делать более обоснованные выводы.

Для лучшего понимания проблемы отметим некоторые отправные точки. Прежде всего необходимо указать, что в современной литературе принято считать, что в период царствования Александра Македонского на Востоке его державы действовал только один монетный двор – в Вавилоне (Le Rider, 2003. P. 229–234; Mørkholm, 1991. P. 48–50). Соответственно нам кажется необходимым рассмотреть его продукцию, поскольку он был ближайшим к исследуемым нами регионам. Именно его продукция в основном поступала на Восток.

Монетное дело державы Александра Македонского подвергалось многим изменениям на протяжении его сравнительно недолгого царствования. Ж. Ле Ридер, детально исследовавший эту проблему, считает, что важнейший момент в истории его

развития – 333 г. до н.э. Вскоре после победы при Иссе по приказу македонского царя на монетном дворе Тарса начинают чеканить серебряные тетрадрахмы, которые заменили более ранние типы. На их лицевой стороне изображена голова Геракла, а на оборотной представлен Зевс, сидящий на троне, со скипетром в одной руке, его другая рука вытянута вперед, и на ней – орел, легенда – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ. Вскоре после захвата Тира (июль 332 г. до н.э.) на том же монетном дворе Тарса был начат чекан и новой золотой монеты – статера. Аверс имеет изображение головы Афины в коринфском шлеме, вправо, на реверсе – Ники, держащей в руках στυλῖς (кормовую мачту триеры), легенда такая же, как и у серебряных монет – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ. Предполагают, что данный тип – напоминание о том, что захват финикийских городов означал гибель морской мощи персов. После Тарса эти монеты стали чеканить также Тир и Сидон. Вскоре монетные дворы и собственно Македонии (находившейся под управлением Антипатра) также стали выпускать эти монеты. Именно эти два типа стали ведущими во всей империи Александра. Именно их называют обычно “александровскими”.

Вавилон был занят без боя армией Александра осенью 331 г. до н.э. Большинство исследователей считают, что созданный немедленно монетный двор начал выпускать значительное число монет “александровских” типов, причем наряду с обычными тетрадрахмами здесь чеканились также и декадрахмы (Waggoner, 1979. P. 7–29). Этот обычный чекан Александра Македонского на монетном дворе Вавилона все исследователи разделяют на три группы¹. Относительно хронологического распределения этих групп существуют определенные расхождения во мнениях. Подавляющее большинство исследователей считают, что чеканка этих монет началась практически сразу же после занятия города Александром. Однако Ж. Ле Ридер (Le Rider, 2003. P. 298, 299) предложил достаточно радикальную передатировку. Согласно его выводам, начало чеканки монет групп 1 и 2 нужно отнести к 325/4 г. до н.э., а группа 3 должна датироваться периодом от 321/320 до 318/317 гг. до н.э., при этом все три группы монет должны являться продукцией вавилонского монетного двора (вопреки мнению М.Дж. Прайса, считавшего, что группа 3 выпускалась на монетном дворе Суз). Для наших целей в конечном счете эти расхождения не очень важны, поскольку для нас в первую очередь важен факт присутствия этих типов в продукции вавилонского монетного двора в то время, когда Александр находился на Востоке и в первые годы борьбы диадохов.

Особое место в монетной чеканке вавилонского монетного двора занимали тетрадрахмы (и бо-

лее мелкие номиналы) от имени Мазея – видного персидского вельможи (ранее бывшего сатрапом Киликии, а затем Сирии), перешедшего на сторону Александра после битвы при Гавгамелах и назначенного им на пост сатрапа Вавилона. Эти монеты обычно называют “монетами со львом” – характерной особенностью их является изображение льва на оборотной стороне, здесь же имелась арамейская легенда с именем Мазея. На лицевой стороне имелось изображение Баала (Le Rider, 1972. P. 1–7; Price, 1991a. P. 70, 71; Mørkholm, 1991. P. 48; Nicolet-Pierre, 1999. P. 285–299). Ж. Ле Ридер предполагает, что это право чеканки монеты было результатом специального соглашения, когда Мазей предложил сдать Вавилон завоевателям без боя. Выполняя функции персидского сатрапа Киликии, Мазей обладал правом чеканки монеты от своего имени. В Вавилоне он получил от новой власти то же право. Однако наличие на монетах ряда символов и греческих букв заставляет думать, что определенный контроль представителей центрального правительства все же осуществлялся.

После смерти Мазея в 328 г. до н.э. чеканка монет этого типа продолжалась (хотя и после некоторого перерыва) вплоть, кажется, до 280 г. до н.э., хотя имя из легенды исчезло. Эти монеты в некоторых отношениях отличались от монет Мазея (Le Rider, 1972. P. 6, 7). В дальнейшем они, возможно, оказали, определенное влияние на развитие монетного дела Селевкидов².

Еще одна группа монет – результат деятельности вавилонского монетного двора – местная имитация афинских “сов”. Эта группа монет давно уже привлекает внимание специалистов и ей посвящена обширная литература (Newell, 1938. P. 82–88; Le Rider, 1972. P. 1–7; 2003. P. 284–290; Price, 1991. P. 67, 68, 71; 2003. P. 274–277; Van Alfen, 2000. P. 9–58). Существуют довольно значительные расхождения относительно многих вопросов, связанных с их происхождением, характером, временем начала и конца выпусков, но для нашей темы они в сущности второстепенны, поскольку в самых основных выводах, важных для нас, исследователи едины. Некоторые из этих монет имеют надпись ΑΘΕ. Другие же носят арамейскую легенду с именем Мазака, бывшего сатрапа Египта, сдавшего страну Александру без сопротивления, хотя имеются сомнения в том, что легенда прочитана правильно³.

² Высказывались предположения, что в начале собственной монетной чеканки Селевка I на ряде новых монетных дворов (Селевкия на Тигре, Сузы, Экбатаны, Карры) лежал этот тип (Waggoner, 1965. P. 25; Kriti, 1997; Le Rider, 2003. P. 277).

³ Э.Т. Ньюэлл высказал предположение, что Александр назначил Мазака на какой-то пост в награду за сдачу Египта. Право чеканить монету от своего имени ему также было дано по примеру Мазея. Целый ряд исследователей принял это объяснение (Le Rider, 2003. P. 286). Однако у ряда исследователей имеются сомнения в справедливости подобного объяснения.

¹ Начиная с работы Э.Т. Ньюэлла 1923 г. (Newell, 1923).

Кроме того, на этом монетном дворе выпускались и золотые монеты: двойные дарики и дарики⁴. Они повторяют тип, характерный для ахеменидского чекана: с изображением на лицевой стороне царя с луком и копьем, на оборотной стороне – *quadratum incusum*. В дальнейшем на этой стороне появляются греческие буквы и монограммы, причем некоторые из них такие же, как и на монетах Мазея. Ж. Ле Ридер полагает, что в самом этом факте нет ничего удивительного. Александр в это время уже видел себя легальным наследником власти Ахеменидских царей и соответственно считал вполне допустимым подобный тип монеты. Эти монеты чеканились примерно до 300 г. до н.э. (Mørkholm, 1991. P. 48).

Ж. Ле Ридер, как и многие другие исследователи (Bellinger, 1963. P. 70–77; Mørkholm, 1991. P. 49), полагает, что нет никаких доказательств того, что на огромных пространствах к востоку от Вавилона при жизни Александра был открыт хотя бы один монетный двор. Существует мнение, что в македонской армии находился “походный” монетный двор, выпускавший свою монету в случае необходимости. Однако, как отмечает Ж. Ле Ридер, это предположение не находит никаких подтверждений.

Только после смерти великого завоевателя началось создание новых монетных дворов. В частности, в период регентства Пердикки был открыт монетный двор в Сузах (Mørkholm, 1991. P. 58)⁵. В 311/10 г. был открыт Селевком монетный двор в Экбатанах (Mørkholm, 1991. P. 72). Дальнейший процесс распространения власти и укрепления контроля Селевкидов над восточными сатрапиями привел к резкому увеличению числа монетных дворов на Востоке.

Однако на территории восточных сатрапий чеканилось и обращалось в последние годы жизни Александра и в период сразу же после его смерти большое количество монет, которые не были выпущены на официальных монетных дворах империи. Этот факт имеет большое значение, но он никогда не был объектом специального внимания. Ряд отдельных серий подвергался анализу, но в целом это явление никогда не рассматривалось.

Уже само обилие таких выпусков заставляет предполагать наличие серьезных и глубоких причин, порождавших это явление. К числу таких выпусков относятся: 1) подражания афинским монетам (“совам”) IV в. до н.э.; 2) монеты, имеющие на

лицевой стороне изображение голов Афины (иногда Зевса), но на оборотной стороне изображение орла; 3) монеты правителя по имени Софит; 4) монеты, имеющие на лицевой стороне изображение сражения всадника с боевым слоном; 5) монеты от имени Асписана; 6) монеты от имени Вахшувара.

Более подробное рассмотрение каждой из этих групп позволяет, как нам кажется, сделать некоторые достаточно важные выводы.

Естественно, что начать необходимо с первой группы. Как мы уже отмечали, она представлена прекрасно выполненными подражаниями афинским монетам (“совам”) IV в. до н.э. (Bernard, 1985a. P. 20, 21; Voregachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 25. № 63–67). На лицевой стороне представлена голова Афины в шлеме вправо, на оборотной – сова, изображенная в профиль вправо, голова же ее – в фас. Легенда: АΘΕ. От оригиналов данная группа отличается только несколькими деталями в изображении Афины, иными дополнительными элементами монетного типа и монограммами, которые никогда не встречаются на собственно афинских монетах (рис. 1, 1).

Известны следующие номиналы: тетрадрахмы (аттической весовой системы), дидрахмы, драхмы и гемидрахмы (за редким исключением почти все – более легкой весовой системы). До недавнего времени были почти неизвестны бронзовые монеты, принадлежащие этой группе, раскопки в Ай-Ханум заполнили эту лауну, дав достаточное количество экземпляров нескольких номиналов (Bernard, Guillaume, 1980. P. 12; Bernard, 1985a. P. 19). Монеты происходят (помимо раскопок Ай-Ханум) из Амударьинского клада, а также из приобретений на рынке в Равалпинди⁶ и т.д. По общепринятому мнению, район их чеканки и обращения – долина р. Амударья (древний Окс), т.е. Бактрия (Nicolet-Pierre, 1973. P. 35–38; Bernard, 1985a. P. 20). Хотя ранее иногда высказывалось мнение о том, что эти монеты относятся к ахеменидской эпохе и выпускались греками, жившими в городе Бранхидов (Narain, 1957. P. 1–6), в настоящее время эта теория, кажется, полностью оставлена (Mørkholm, 1979. P. 67).

В эту группу необходимо включить также несколько монет, которые стали известны после публикации клада, найденного в Афганистане (Nicolet-Pierre, Amandry, 1994. P. 34–54). Детально они были рассмотрены Е. Николе-Пьерр (Nicolet-Pierre, 1999. P. 296–305). Эти монеты полностью повторяют описанные выше “совы”, но с одним дополнением. На лицевой стороне у них имеется греческая надпись ΣΤΑ-ΜΝΑ, на оборотной стороне иногда встречаются буквы Φ-Λ. Естественно, что в этих буквах видят сокращенную форму имени, причем буквы ΜΝΑ – начало патронима (Le

⁴ Впервые идею о принадлежности этих монет к чекану вавилонского монетного двора высказал еще Ф. Имхоф-Блумер (Imhoof-Blumer, 1895. S. 1–22).

⁵ О. Моркхольм высказывал даже предположение, не настаивая, впрочем, на нем, что открытие его имело место за несколько месяцев до смерти Александра (Mørkholm, 1991. P. 53). Несколько более радикальны взгляды М. Дж. Прайса (Price, 1991b. P. 484–489), относившего открытие этого монетного двора к 325 г. до н.э. Нам представляется, однако, что концепция Ж. Ле Ридера более справедлива.

⁶ Отметим, что один экземпляр был найден достаточно далеко от Бактрии – в Систане (Rapson, 1904. P. 673. Pl. I, 1).

Рис. 1. 1 – Подражание афинской тетрадрахме. Вероятно, бактрийский чекан; 2 – Диобол (?). Л.с. – голова Афины, о.с. – орел (по А.Х. Атаходжаеву); 3 – Тетрадрахма Софита. Коллекция Хироямы (по П. Бернару).

Rider, 2003. P. 281). Последнее предположение, по-видимому, не может быть поддержано, так как эти три буквы присутствуют на монетах, относящихся и к другим группам.

Какие же выводы можно сделать на основании этих монет. Прежде всего необходимо указать, что подлинные афинские «совы» были знакомы жителям Бактрии уже в V в. до н.э., как показывают находки ряда кладов: кабульского, амударьинского, балхского (Schlumberger, 1953. P. 1–62; Bellinger, 1962. P. 51–67; Troxell, Spengler, 1969. P. 1–19; Mac Dowall, Taddei, 1978. P. 201–203). Естественно, как уже было сказано, местное население воспринимало их только как слитки драгоценного металла, а не как монету. Тем не менее ее облик был уже знаком, к тому же вавилонский монетный двор (по

той же самой причине) в годы правления Александра активно выпускал эту монету. Естественно, когда встал вопрос о начале чеканки собственной монеты, образцом для нее послужил хорошо известный и местному населению, и грекам монетный тип. Тот факт, что помимо серебра в эту группу входили и бронзовые монеты различных номиналов, заставляет думать, что эти монеты уже служили для рыночного обмена, являясь подлинной монетой, а не слитком металла. Естественным является предположение, что инициаторами этого нововведения были правители тех областей, где имелось наибольшее количество греков-поселенцев и греков-наемников.

Для решения вопроса о том, кто именно и когда выпускал эти монеты, решающее значение имеют

те буквы, которые имеются на некоторых выпусках. В интересующем нас регионе в рассматриваемое время были два правителя, имена которых начинались на “Ста” (ΣΤΑ): Стасанор и Стасандр.

Стасанор был греком с Кипра (из города Солы) и был одним из “друзей” Александра. Он занял достаточно высокий пост еще при Александре. Согласно свидетельству Курция Руфа, Стасанор был назначен правителем Ареи вместо Арсама (Curt. Ruf. VIII, 3, 17). По свидетельству Арриана (Arr. IV, 18, 3), он получил в управление также Дрангиану. Свой пост он сохранил и во время перераспределения властных полномочий в 323 г. до н.э., при Пердикке, как об этом свидетельствуют Диодор (Diod. XVIII, 3, 3) и Юстин (Just. XIII, 4, 21–23). Тогда же ранее единая “сдвоенная” сатрапия Бактрия-Согдиана была разделена на две, и Согдиана была передана Стаганору, также греку и киприоту (Just. XIII, 4, 21–23).

После гибели Пердикки происходит новый передел сатрапий. На этот раз, по свидетельству Диодора (Diod. XVIII, 39, 6), Бактрия и Согдиана были вручены Стасанору, а Ария и Дрангиана – Стасандру. Следующий раз правители сатрапий Востока упоминаются в связи с событиями 317–316 гг. до н.э., когда они совместно с Эвменом противостояли Антигону Одноглазому. Не приводя всего списка сатрапов, приведших свои войска в Сузиану, упомянем только, что Диодор говорит о Стасаноре как о правителе Ареи и Дрангианы. В его войске находился также отряд из Бактрии (Diod. XIX, 14, 6). Хотя в данном месте имя сатрапа Бактрии (и Согдианы?) не приведено, из дальнейшего изложения ясно, что им оставался Стасанор, который сохранил свой пост и после того, как армия Эвмена потерпела поражение (Diod. XIX, 48, 1). Стасандру повезло меньше, он был смещен со своего поста, и на его место был назначен Эвит (Diod. XIX, 48, 2). Однако практически сразу же после назначения он умер, и на его место Антигон поставил Эвагора.

Исходя из вышеизложенного, вполне можно предполагать, что буквы ΣΤΑ представляют собой сокращение имени Стасанора (Le Rider, 2003. P. 282). Он правил гораздо дольше, чем Стасандр. Во всяком случае не исключено, что он мог сохранить свой пост вплоть до похода Селевка. Именно в Бактрии находилась основная масса греков, для которых, в первую очередь, и чеканилась монета. Необходимо обратить внимание на то, что “маркирование” монет своим именем Стасанор проводил очень осторожно, что было нелишним в тогдашней достаточно сложной ситуации.

Вторая группа монет представлена драхмами и диоболами по весовой системе, чуть более легкой, чем аттическая (Bernard, 1985a. P. 21). Лицевая сторона – голова Афины в шлеме вправо, оборотная – орел вправо с головой, повернутой назад

(рис. 1, 2). Тип лицевой стороны очень близок типу ранней чеканки Александра Македонского. Помимо Бактрии отдельные экземпляры засвидетельствованы и в Согдиане, в частности на городище Афросиаб (Атаходжаев, 2005. С. 33–35. № 1). У некоторых диоболов на лицевой стороне не голова Афины, но голова Зевса. Отмечается очень большое техническое и стилистическое сходство данной группы с предыдущей. На основании этого делается вывод об их практической одновременности и одной и той же зоне обращения (Nicolet-Pierre, 1973. P. 35–42; Bernard, 1985a. P. 22). В настоящее время трудно сказать, кто именно выпускал эти монеты, но вполне вероятно, что они также принадлежали чекану Стасанора. Чеканка данной группы монет, видимо, также была порождена в первую очередь экономическими причинами.

Наконец, третья группа представлена уникальной тетрадрахмой (из коллекции И. Хироямы) (Voreagachchi, 1996. P. 19–32; Voreagachchi, 1999a. P. 55; Voreagachchi, 2003. P. 87. № 53), достаточно многочисленными драхмами и более мелкими номиналами (весовая система более легкая, чем аттическая). На лицевой стороне имеется изображение головы правителя вправо в шлеме, вокруг которого имеется венок, греческая легенда – ΣΩΦΥΤΟΥ (рис. 1, 3). Иногда вместо головы правителя представлена голова Афины в шлеме. На оборотной стороне – изображение петуха (Whitehead, 1943. P. 60–72; Bernard, 1985a. P. 21). Монеты происходят из Афганистана и северо-западной части Индийского субконтинента. Уже в конце XIX в. было высказано предположение об индийском происхождении имени Софит (Lévi, 1890. P. 234–240), в сущности справедливое, но основанное на ложных этимологиях (Mookerji, 1946–47. P. 188–190). Исследователей смущало сочетание индийского имени и чисто греческого облика персонажа, представленного на лицевой стороне монет. Р.Б. Уайтхэд предложил видеть в Софите иранца, правившего где-то в долине Окса, ставшего независимым в период падения династии Ахеменидов. Этот вывод был принят, в частности, А.К. Нарайном, который, однако, продлил время правления Софита до 295 г. до н.э. (Narain, 1949. P. 93–99). В дальнейшем к этой проблеме в связи с публикацией монетных находок из раскопок Ай-Ханум обратился П. Бернар (Bernard, 1985a. P. 21, 24–28). Исследователь привлек особое внимание к близкому техническому и стилистическому сходству монет данной группы с ранее рассмотренными группами монет, особенно второй. Он высказал предположение о том, что все эти монеты были выпущены на одном и том же монетном дворе. Бесспорна их принадлежность одной и той же эпохе (время от Александра до Селевкидов) и одной и той же области. Вместе с тем П. Бернар указывал на то, что Софит – имя скорее всего индийское.

Рис. 2. Декадрахмы Эвдама (по П. Бернару).

Иногда утверждается, что Софит представлял собой мелкого правителя, сумевшего “выкроить” себе земли где-то на границе между владениями Селевка I и Чандрагупты. Соответственно его время несколько сдвигается, считается, что он правил в самом конце IV – начале III в. до н.э. (Mørkholm, 1991. P. 73). О. Болеараччи также думает, что Софит правил когда-то в период сразу же после похода Селевка I на Восток (Voreagachchi, 1996. P. 19–32).

Недавнее открытие в Старом Кандагаре (столице Арахосии) греческой надписи II в. до н.э. (по палеографическим особенностям текста наиболее вероятная дата надписи – от 200 до 100 г. до н.э.) от имени Софита заставило вновь обратиться к проблеме монет, выпускавшихся от имени Софита (Bernard et al., 2004. P. 227–356). Исследовавший в связи с этим монеты Софита П. Бернар стремился доказать, что Софит представлял собой маурийского правителя Арахосии и соответственно эти монеты должны относиться к самому концу IV – началу III в. до н.э. Он также старался показать, что эти монеты – заключительное звено в длительной цепи эволюции монет, начальным звеном которой являются подражания афинским “совам” (Bernard et al., 2004. P. 282–316).

Принять эту концепцию довольно трудно. У нее в сущности только один опорный пункт: совпадение двух имен. Отметим также, что ранее сам П. Бернар прекрасно показал, что монеты Софита теснейшим образом связаны с бактрийским чеканом пост-александровского времени (Bernard, 1985b. P. 21, 24–28). В данной работе он еще боль-

ше усиливает эту аргументацию⁷. Однако он в данном случае поворачивает ситуацию: для него все эти монеты предшествуют эмиссиям Софита, но в Арахосии.

Попытки доказать эту теорию, предпринятые П. Бернаром, нельзя признать успешными. Все монеты, которые он рассматривает в этой связи, настолько связаны с Бактрией, что “отправить” их в Арахосию просто невозможно. Видимо, надо признать, что монеты Софита также производились где-то в Бактрии, при этом, как считают сейчас практически все исследователи, в период, непосредственно предшествующий походу Селевка. Причина же появления здесь правителя с индийским именем остается сейчас необъяснимой. Можно только предполагать, что в это время происходило какое-то политическое дробление ранее единой Бактрии.

Причины чеканки данной группы монет были двойственными: как экономическими, так и политическими. Наличие мелких номиналов говорит в пользу экономической причины. Появление имени правителя, от лица которого осуществлялась эмиссия, свидетельствует о желании широко оповестить мир о политических амбициях. Очень показательным сравнением выпусков Стасанора и Софита: первый заявляет о себе очень осторожно, второй же – “в полный голос”. Если справедлив вывод о более позднем времени эмиссии монет Софита, то это отличие вполне вписывается в общую картину: прошло уже более 10 лет с того момента, когда правители Запада вмешивались в дела восточных сатрапий. Они были предоставлены сами себе и уже начали привыкать к своей независимости, которой, как им казалось, уже никто не угрожал.

Особого внимания заслуживают монеты, которые уже давно известны в науке и которые неоднократно были объектом исследований – монеты, которые, как это единодушно считают исследователи, имеют изображение сражения Александра Македонского с Пором на р. Гидасп⁸.

В состав этой группы входят декадрахмы (рис. 2). На лицевой стороне представлена сцена

⁷ П. Бернар очень четко показывает эволюцию монетного дела того монетного двора, который выпускал эти монеты: 1) подражания “совам”; 2) монеты того же типа, но место совы на реверсе занимает орел (иногда голова Афины заменена головой Зевса – у мелких номиналов); 3) монеты Софита. Дополнительным аргументом в пользу именно такого течения эволюции служит совпадение дополнительных элементов монетного типа: кадуцей, присутствующий на оборотной стороне монет Софита и на оборотной стороне монет с изображением орла; присутствие надписи ΣΤΑ-ΜΝΑ или просто ΜΝΑ на лицевой стороне некоторых “сов”, но точно так же в форме ΜΝΑ, ΜΝ или просто Μ на некоторых монетах Софита (Bernard et al., 2004. P. 283, 284).

⁸ Начиная, кажется, с 20-х годов XX в. (Hill, 1922. P. СХIV–СХVI).

Рис. 3. Тетрадрахмы Эвдама (по П. Бернару).

битвы: идущий вправо слон, на котором сидят два персонажа. Сзади – всадник, поражающий копьем одного из персонажей. На оборотной стороне представлен мужчина в военном облачении, изображенный в фас, но с головой, повернутой влево. В правой руке у него эгида, левой он опирается на копье. Слева к нему подлетает Ника, с венком в руках. Данный персонаж – Александр Македонский, как он был представлен на прославленной картине Апеллеса. До недавнего времени было известно три бесспорных экземпляра монет этой серии. Однако еще несколько подобных монет относительно недавно было найдено в составе клада, происходящего из окрестностей Багдада (Dügg, 1974. S. 34–36; 1976. P. 43).

В этом же кладе имелись также и несколько тетрадрахм, бесспорно относящихся к этой же группе (рис. 3). Важнейший аргумент в пользу этого вывода – единство монограмм, имеющих как на декадрахмах, так и на тетрадрахмах. Известны два типа тетрадрахм.

Первый тип характеризуется изображением идущего вправо лучника, натягивающего свой большой лук на лицевой стороне, и изображением идущего вправо слона. Второй тип имеет на лицевой стороне изображение идущего вправо слона, на котором едут два персонажа. Над ними – штандарт. На оборотной стороне – колесница, запряженная четырьмя скачущими вправо конями. На колеснице – два персонажа. Один из них – более крупного размера, он натягивает большой лук.

Хотя смысл изображений на этих монетах предельно ясен – это прославление победы Александра над Пором, но остается еще несколько вопросов, по которым нет согласия: кто именно выпускал эти монеты, когда и на каком монетном дворе⁹. По первому вопросу существуют следующие точки зрения: сам Александр Македонский (Hill, 1927. P. 205, 206; Price, 1982. P. 75–88; Lane Fox, 1996. P. 65–94), Александр Македонский или Пердикка (Goukowsky, 1972. P. 477), индийский царек Таксил (Hollstein, 1989. P. 5–17), наконец, Эвдам, один из индийских сатрапов, который прибыл со своими войсками, включая большое количество слонов в Сузиану, чтобы вместе с другими восточными сатрапами и Евменом сражаться с Антигоном Одноглазым (Bernard, 1985b).

Соответственно сторонники первого и второго решений относят эти монеты к самым последним годам жизни Александра – после завершения индийского похода. П. Бернар таким образом относит чекан этих монет к 317/316 гг. до н.э., как предполагали и некоторые более ранние исследователи (Hill, 1927. P. 206). С нашей точки зрения, наиболее обоснована концепция П. Бернара, который стремился показать, что на декадрахмах изображена сцена битвы Александра Македонского с Пором, при этом не на основе реального события (в самой этой битве Александр и Пор не встречались “лицом к лицу”), но уже в легендарной обра-

⁹ Иногда вообще полагают, что данные предметы не являются монетами, считая их чем-то вроде наградных медалей (Holt, 1998. С. 125–127).

Рис. 4. Тетрадрахма Асписана (по О. Мокхольму).

ботке, как один из рассказов из складывающегося мифа об Александре. Он же стремится доказать, что монеты эти были выпущены на монетном дворе Суз в тот период, когда Эвдам находился там в составе войск коалиции сатрапов Востока, сражавшихся вместе с Евменом против Антигона Одноглазого¹⁰. В поддержку тезиса П. Бернара можно высказать еще некоторые соображения. Если бы эти монеты выпускались в последние годы царствования Александра и являлись бы “наградными”, выдававшимися во время коллективной свадьбы в Сузах или при отпуске ветеранов в Сузах, то на них неизбежно находилось бы имя Александра. Изображение Александра на реверсе декадрахм с пучком молний Зевса в руке хорошо согласуется с легитимистской идеологией, исходящей от Пердикки и Евмена, но совершенно не отвечающей настроениям Антигона, являвшегося

¹⁰Большинство исследователей, считающих эти монеты прижизненными александровскими выпусками, считают, что они производились на вавилонском монетном дворе, но Р. Дж. Лэйн Фокс согласен с П. Бернаром относительно Суз как места выпуска этих монет.

в сущности “предателем” дела Александра. В силу этого данные монеты могли быть выпущены только на каком-либо монетном дворе, не находящемся под контролем Антигона. В таком случае наиболее подходящим является монетный двор Суз. Не кажется нам доказательным и тезис В. Холлштайна о чеканке монет Таксилом. Аргументом у него служит мнение о низком качестве исполнения монет, что совершенно не верно. Исходя из этих соображений, мы считаем, что единственной концепцией, которая рационально объясняет все факты, является концепция П. Бернара. Соответственно мы принимаем его вывод.

Данные монеты, учитывая их иконографию и номиналы, а также конкретную ситуацию, в которой они выпускались, можно скорее всего, в первую очередь рассматривать как наградные, выплачиваемые после победы, одержанной в первом сражении с войсками Антигона Одноглазого.

Также требует особого внимания небольшая группа монет, выпущенная на монетном дворе Суз от имени сатрапа Асписана (Robinson, 1921. P. 37. 38; Mørkholm, 1991. P. 58). Он был назначен Антигоном Одноглазым в 316 г. до н.э. (см. выше), но более никогда в источниках не упоминался. Им была выпущена уникальная серия: на лицевой стороне, как у всех обычных монет, выпускавшихся от имени Александра, изображение головы Александра вправо в львином скальпе, на оборотной стороне также вполне обычное изображение Зевса, сидящего на троне влево, левая рука опирается на скипетр, правая протянута вперед, на ней – сидящий орел. Легенда: внизу, под тронем Зевса – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, правее трона, сверху вниз – ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ, наконец, под рукой Зевса, более мелкими буквами – ΑΣΠΙΣΑΝΟΥ (рис. 4).

Данный тип чеканки явно имеет чисто политический характер: с одной стороны, сатрап демонстрирует свою приверженность центральным властям, выпуская монету общегосударственного типа, с другой же – ставит на ней и свое имя.

Наконец, к кругу монет исследуемого нами периода должны быть отнесены и монеты Вахшувара. Они представлены следующими эмиссиями: два типа статеров и один – двойной статер (см. Дьяконов, Зеймаль, 1988. С. 6–10. Здесь же предшествующая литература).

Статеры первого типа (рис. 5, 1) имеют на лицевой стороне изображение головы правителя вправо – в кирбасии (?), поверх которого повязана диадема. За головой арамейская легенда из пяти знаков. Чтение этой легенды, как отмечают И.М. Дьяконов и Е.В. Зеймаль, не получило сколько-нибудь надежного толкования, но они сами предлагают чтение – NRGWR, что они считают “бесспорным” арамейским написанием имени Андрагор (Дьяконов, Зеймаль, 1988. С. 16). На оборотной стороне – персонаж в кирбасии и со

стрекалом (?) в руке, на колеснице, запряженной четверкой лошадей в галопе. Под ногами лошадей находится арамейская легенда из четырех знаков. Чтение этой легенды, согласно И.М. Дьяконову и Е.В. Зеймалю, следующим И. Маркварту, – WHŠW (1988. С. 15).

На статерах второго типа (рис. 5, 2) на лицевой стороне представлена голова Афины вправо, рядом с головой греческие буквы ΠΓ. Обратная сторона в описании И.М. Дьяконова и Е.В. Зеймалья представлена следующим образом: стоящая крылатая богиня влево с жезлом и венком в правой руке и кадудеем (?) в левой. В действительности же изображена Ника, держащая в руках στυλίς (кормовую мачту триеры), справа – арамейская легенда из шести знаков, слева – один знак, согласно чтению И.М. Дьяконова и Е.В. Зеймалья, WHŠWWR (1988. С. 15).

Необходимо указать, что этот тип полностью (за исключением легенды) воспроизводит тип статеров Александра.

Двойной золотой статер: на лицевой стороне голова Александра в слоновьем скальпе, вправо; обратная сторона – стоящая крылатая богиня влево и арамейская легенда из шести (?) знаков. Поскольку эта монета не сохранилась и известна только на основе карандашной протирки (Cunningham, 1881. P. 172. № 23), точное чтение ее легенды невозможно. И.М. Дьяконов и Е.В. Зеймаль только отмечают, что она аналогична одной из двух ранее указанных легенд.

И.М. Дьяконов и Е.В. Зеймаль в своем исследовании этих монет стремились доказать, что эти эмиссии составляли гомогенную группу с монетами селевкидского правителя Парфии Андрагора, провозгласившего свою независимость от центрального правительства. Тем самым они относили их к 30-м годам III в. до н.э. (1988. С. 18.), соответственно они не должны рассматриваться в данной работе. Однако их исследование вызвало достаточно резкую критику, в частности было показано, что считать Андрагора и Вахшувара одним лицом невозможно (Пичкиян, 1991. С. 308, 309; Кошеленко и др., 1999. С. 294–308; Ртвеладзе, 2002. С. 20, 21). Естественно, в связи с этим вновь встает вопрос о времени производства монет Вахшувара.

Необходимо указать, что для большинства современных исследователей представляется совершенно несомненным, что Вахшувар монетных легенд соответствует Оксиарту греческих и латинских авторов, который был одним из местных правителей в Бактрии, а затем, став тестем Александра Македонского, вдобавок к своим владениям в Бактрии получил также в управление и Паратамисады. Соответственно монеты с легендой Вахшувар могут относиться либо к последним годам царствования Александра, как это, например, считал М. Митчинер (Mitchiner, 1975, P. 2, 9, 10),

Рис. 5. 1 – Статер Вахшувара. Тип 1 (по И.М. Дьяконову и Е.В. Зеймалю); 2 – Статер Вахшувара. Тип 2 (по И.М. Дьяконову и Е.В. Зеймалю).

либо к периоду от смерти Александра и до завоевания Средней Азии Селевком, т.е. примерно к 315–305 гг., как это считают Ф. Холт, И.Р. Пичкиян и Э.В. Ртвеладзе (Holt, 1988. P. 96; Пичкиян, 1991. С. 308, 309; Ртвеладзе, 2002. С. 20, 21).

С нашей точки зрения, необходимо обратить внимание на то, что по своему характеру монеты Оксиарта очень похожи на монеты Мазея и Балакра, двух сатрапов, которым, за особые заслуги, было позволено выпускать монету от своего имени. На их монетах, как и на монетах Оксиарта, имеются арамейские легенды. Во всех трех случаях монеты рассчитаны только на локальное обращение. Исходя из этих соображений и учитывая особое место Оксиарта в структуре местного общества, поскольку он был тестем царя, мы можем предположить, что право чеканить свою монету Оксиарт получил непосредственно от Александра Македонского. Естественно, что чеканка ее могла продолжаться и позднее – после смерти царя.

Постараемся теперь подвести некоторые итоги. Предпосылки к введению денежного обращения в самых восточных областях Ахеменидского царства создавались еще в период его существования. Дальнейший толчок им был дан в период завоеваний Александра. Особенно важной была роль греческих военных колоний, для населения которых монета была жизненно необходима. Введению монеты способствовали и политические причины – стремление местных правителей в той или иной форме заявить о своем статусе. Особенно значимым этот фактор стал в начальный период борьбы диадохов, когда стремления к определенной степени автономии, а то и полной независимости стали хорошо заметны у местных сатрапов. Попытка отнести возникновение собственного монетного дела в этом регионе ко времени непосредственно перед походом Селевка на Восток (Voreagachchi, 1999b. P. 87) никогда всерьез не обосновывалась и не может быть принята.

Самый ранний монетный двор, видимо, появился в Паратамисадах, у Оксиарта. Один или два (тесно связанных друг с другом) монетных двора затем начали функционировать в Бактрии. Вскоре к ним добавились монетные дворы в Сузах и Экбатанах.

Данная статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-01116а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атаходжаев А.Х.* Раннеантичные монеты с городища Афросиаб (новые находки) // Матер. по античной культуре Узбекистана. Самарканд, 2005.
- Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В.* Правитель Парфии Андрагор и его монеты // ВДИ. 1988. № 4.
- Зеймаль Е.В.* Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
- Зеймаль Е.В.* Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.
- Кошеленко Г.А.* Восстание греков в Бактрии и Согдиане в 323 г. до н.э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 1.
- Кошеленко Г.А., Гаиров В.А., Бадер А.Н.* Монеты Андрагора как источник ранней истории Парфии // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VII. М.; Магнитогорск, 1999.
- Пичикийн И.Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В.* Об обращении греко-бактрийских монет в Северной Бактрии // Общественные науки в Узбекистане. 1983. № 5.
- Ртвеладзе Э.В.* Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. I. Ташкент, 2002.
- Bellinger A.R.* The Coins from Treasure of the Oxus // American Numismatic Society. Museum Notes. N.Y., 1962.
- Bellinger A.R.* Essays on the Coinage of Alexander the Great. N.Y., 1963.
- Bernard P.* Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne Fouilles d'Aï Khanoum. T. IV. // MDAFA. T. XXVIII. Paris, 1985a.
- Bernard P.* Le monnayage d'Eudamos, satrape grec du Pendjab et "maître des éléphants" // Orientalia Iosephi Tucci memoriae dicata. Serie orientale Roma. T. LVI. № 1. Roma, 1985b.
- Bernard P., Guillaume O.* Monnaies inédite de la Bactriane grecque à Aï Khanoum (Afghanistan) // RN. VI série. 1980. T. XXII.
- Bernard P., Pinault G.-J., Rougemont G.* Deux nouvelles inscriptions grecques de l'Asie Centrale // J. des savants. 2004. Juillet-Décembre.
- Bovearatchi O.* Sophytes, the enigmatic Ruler of Central Asia // Νομισματικά χρονικά. 1996. V. 15.
- Bovearatchi O.* La circulation et la production monétaire en Asie Centrale et dans l'Inde du Nord-Ouest (avant et après la conquête d'Alexandre) // Indologica Taurinensia. V. XV. Turin, 1999a.
- Bovearatchi O.* La production monétaire en Asie Centrale et dans l'Inde du nord-ouest du Ve siècle av. J.-C. au IIIe siècle ap. J.-C. // Matériaux pour l'histoire économique du monde iranien. Studia iranica. Cahier 21. Paris, 1999b.
- Bovearatchi O.* Les successeurs d'Alexandre le Grand en Asie Centrale et en Inde: les gréco-bactriens // Catalogue de l'exposition. De l'Inde à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale Lattes, 2003.
- Bovearatchi O., Aman ur Rahman Pre-Cushana Coins in Pakistan.* Pre-Cushana Coins in the Private Collection of Aman ur Rahman, supplemented by selected coins from the Peshawar Museum and the Private Collection of Khurshid Ahman Khan. Karachi, 1995.
- Cunningham A.* Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper // The J. of the Asiatic Society of Bengal. 1881.
- Dürr N.* Neues aus Babylon // Schweizer Münzblätter. 1974. V. 24.
- Dürr N.* Ein "Elephantenstater" für Porus // Proceedings of the International Congress of Numismatics. International Association of Professional Numismatics. Special Publication 9. L.; Basel, 1976.
- Goukowsky P.* Le roi Pôros, son éléphant et quelques autres // BCH. 1972. T. 96.
- Hill G.F.* British Museum Catalogue. Arabia, Mesopotamia, Persia. L., 1922.
- Hill G.F.* Greek Coins acquired by the British Museum in 1926 // Numismatic Chronicle. 8 serie. 1927. V. 7.
- Hollstein W.* "Taxiles" Prägung für Alexander den Grossen // Revue suisse de numismatique. 1989. T. 68.
- Holt F.* Alexander the Great and Bactria. The Formation of a Greek Frontier in Central Asia. L., 1988.
- Holt F.* Alexander of Macedon and the so-called Porus medaillons // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Матер. междунар. конф. СПб., 1998.
- Imhoof-Blumer F.* Die Münzstätte Babylon // Numismatische Zeitschrift. 1895. V. 27.
- Kritt B.* The Seleucid Mint at Susa. Lancaster, 1997.
- Lane Fox R.J.* Text and image: Alexander the Great, coins and elephants // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 1996. V. 41.
- Le Rider G.* Tetradrachmes "au lion" et imitations d'Athenes en Babylonie // Schweizer Münzblätter, 1972. V. 22.
- Le Rider G.* Alexandre le Grand. Monnaie, finance et politique. Paris, 2003.
- Lévi S.* Notes sur l'Inde à l'époque d'Alexandre // J. Asiatique. 1890.
- MacDowall D.W., Taddei M.* The Early Historic Period: Achaemenids and Greeks // The Archaeology of Afghanistan L.; N.Y.; San Francisco, 1978.
- Mitchiner M.* Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. V. I. The early Indo-Greek and their Antecedents: Alexander the Great, the Satraps of Egypt, Babylon, Ecbatana, Bactria and Kapisa, the Seleucids circa 330–150. L., 1975.
- Mookerji R.K.* The problem of Sophytes // Indian Culture. 1946–1947. V. 13.
- Mørkholm O.* The Hellenistic Period. Greece to India // A Survey of Numismatic Research 1972–1977. International Association of Professional Numismatists. Publication № 5. Berne, 1979.
- Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage from the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336 – 188 B.C.) Cambridge, 1991.
- Newell E.T.* Alexander Hoards, Demanhur 1905 // American Numismatic Society. Numismatic Notes and Monographs. № 19. N.Y., 1923.
- Newell E.T.* Miscellanea numismatica: Cyrene to India // Numismatic Notes and Monographs. № 82. N.Y., 1938.

- Narain A.K.* Some interesting coins of Sophytes and the problem of his identification // *J. Numismat. Soc. India*. 1949. V. 9. № 2.
- Narain A.K.* *The Indo-Greek*. Oxford, 1957.
- Nicolet-Pierre H.* Monnaies grecques trouvées en Afghanistan // *RN*. VI série. 1973. T. XIII.
- Nicolet-Pierre H.* Argent et or frappés en Babylonie entre 331 et 311 ou de Mazdai à Séleucos // *Travaux de numismatique grecque offerts à G. Le Rider*. L., 1999.
- Nicolet-Pierre H., Amandry M.* Un nouveau trésor de monnaies d'argent pseudo-athéniennes venu d'Afghanistan (1990) // *RN*. 1994.
- Price M.J.* The "Poros" coinage of Alexander the Great: a symbol of concord and community // *Studia Paolo Naster oblata*. I. *Numismatica antiqua*. Louvain, 1982.
- Price M.J.* Circulation at Babylon // *Mnemata. Papers in Memory of N.M. Waggoner*. N.Y., 1991a.
- Price M.J.* The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. Zürich; L., 1991b.
- Rapson E.J.* Note on ancient coins collected in Seistan by M.G.P. Tate // *J. Royal Asiatic Soc.* 1904.
- Robinson E.S.G.* Aspeisas satrap of Susiana // *Numismatic Chronicle*. 1921. V. I.
- Schlumberger D.* L'argent grec dans l'empire achéménide. A propos d'un trésor d'époque perse découverte à Caboul (Trouvaille du Tchaman-i Hazori) // *Curiel R., Schlumberger D. Trésors monétaires d'Afghanistan*. MDAFA. T. XIV. Paris, 1953.
- Troxell H.A., Spengler W.F.* A Hoard of early Greek Coins from Afghanistan // *American Numismatic Society. Museum Notes*. 1969. № 15.
- van Alfen P.G.* The "owls" from the 1973 Iraq hoard // *American J. of Numismatics*. 2000. № 12.
- Waggoner N.M.* The early Alexander Coinage at Seleucia on the Tigris // *American Numismatic Society. Museum Notes*. 1965. № 16.
- Waggoner N.M.* Tetradrachms from Babylon // *Greek Numismatic and Archaeology. Essay in Honor of Margaret Thompson*. Wetteren, 1979.
- Whitehead R.B.* The Eastern satrap Sophytes // *Numismatic Chronicle*. 1943.

Formation of monetary circulation in the Hellenistic East

G. A. Koshelenko

Summary

The author analyses coins issued by mints of the Hellenistic East (territories to the east of Media) in the period from the death of Alexander the Great (323 AD) and up to the establishment of the control of Seleucus I over these territories (approximately 305–303 BC). The author makes a conclusion that the coin production copying Athenian "owls", coins issued on behalf of Sophytos, Eudamos, Aspeisas, Wahshuwar was caused by political as well as economical reasons. Wahshuwar who may be identified as Oxyartes, father-in-law of Alexander, was the first to begin the minting of coins. The mass presence of the Greeks on these territories created the economical prerequisites for minting.

НАХОДКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ МОНЕТ К СЕВЕРУ ОТ АМУДАРЬИ-ОКСА

© 2006 г. К. Абдуллаев

Институт археологии АН Республики Узбекистан, Самарканд

За последние десятилетия в нумизматике Средней Азии эпохи античности был сделан значительный прорыв, связанный в первую очередь с археологическими исследованиями, а также, как это ни печально, с возросшей активностью кладоискательских “работ” на территории Афганистана, Таджикистана и Узбекистана. Первая категория находок, несмотря на свою относительную малочисленность, ценна своей информативностью, вторая преобладает по количеству, но сведения об ее происхождении не всегда достоверны. Предлагаемые в настоящей статье монеты большей частью являются новыми находками, осуществленными в процессе археологических исследований памятников, расположенных на территории Северной Бактрии и Согда.

Селевкиды

1. Селевк I. Тетрадрахма. Поселение Бойсарытепа. Сазаган, Самаркандская область. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Голова Геракла (Александр-Геракл) в львином скальпе в профиль, вправо. Скульптурно выполненная голова с тщательно проработанными деталями. На голове, подобно шлему, надет скальп хищника с заостренным вверх клыком. В углу разверстой пасти видно ухо персонажа. Некоторые детали львиной морды выполнены в виде ряда зерни, например нос хищника. Две зерни представлены отдельно вне головы надо лбом и одна над мочкой уха. Грива льва передана длинными и короткими завитками с заостренными и закрученными концами. Край верхней челюсти льва, закрывающей частично лоб персонажа, также обрамлен короткими завитками. Спереди шкура завязана на узел со свисающими лапами хищника (рисунок, 1).

О.с. По центру фигура Зевса Этафора на троне влево. Голова божества изображена в профиль, корпус в три четверти. Прическа показана в виде валика, обрамляющего лицо, из-под которого назад спадают длинные закрученные локоны. На макушке рельеф головы чуть заострен. Правая рука вытянута вперед и держит на ладони орла, обращенного к персонажу. Левая рука опирается на длинный скипетр, обозначенный зернью и увенчанный трехчастным навершием. Ступня левой ноги покоится на подставке, между тем как левая

подогнута и опирается на носок. С левого бедра свисает конец плаща-гиматия. Трон с перекрещивающимися планками в верхней части показан анфас. Ножки трона профилированы, между ними в средней части проходит горизонтальный ряд зерни. Под этой линией и ножками трона размещена монограмма, снизу также горизонтальная линия. Другая монограмма располагается в левом поле под рукой, держащей орла. С края левого поля вертикально размещен якорь, обращенный вверх. Внизу слева, на уровне подставки – миниатюрная фигурка пасущегося коня. Легенда в две строки внизу горизонтально в пространстве между зернью и горизонтальной линией – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, справа по вертикали снизу вверх – ΣΕΛΕΥΚΟΥ. Диаметр – 29.4 × 26.0 мм, толщина – 3.01 мм, вес – 16.97 г. Отношение осей 180°. Сохранность хорошая. Монетный кружок скифатный и имеет чуть вытянутую овальную форму (Abdullaev et al., 2004. P. 10–13).

2. Антиох I. Хаприн. Джем. Самаркандская область. Частная коллекция. Л.с. Профильное изображение головы царя в диадеме. Из-под ленты видны завитки волос, крупные спереди надо лбом и более мелкие на затылке, последние разработаны более тонко и обозначены более четко. Над лентой беспорядочные крупные локоны. Ушная раковина показана в виде небольшого С-образного рельефа, небольшим же рельефом передана мочка уха. Над переносицей – два тонких завитка. Зернь следует по кругу двумя рядами: крупная по внешнему краю и мелкая по внутреннему (рисунок, 2).

О.с. Сидящая фигура бога Аполлона на омфале влево. Левая рука опирается о лук, правая вытянута вперед и держит стрелу. Сиденье украшено ромбовидной сеткой. Фигура обнажена, по правому бедру проходят три поперечные рельефные линии, означающие складки плаща. Левее и чуть выше расположен контрольный знак в виде треугольника, вписанного в круг.

Легенда дана в две вертикальные строки: за спиной божества – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, причем первая буква Β, вернее ее верхняя часть, срезана штемпелем, аналогично выглядит и последняя буква сигма; впереди фигуры также вертикально – ΑΝΤΙΟΧΟΥ. Вся композиция подчеркнута внизу горизонталь-

Рисунок. 1 – тетрадрахма Селевка I. Лицевая и оборотная стороны; 2 – драхма Антиоха I. Лицевая и оборотная стороны; 3 – халк Евтидема I. Лицевая и оборотная стороны; 4 – гемидрахма Деметрия I. Лицевая и оборотная стороны; 5 – халк Деметрия I. Лицевая и оборотная стороны; 6 – трихалк Деметрия I. Обратная сторона; 7 – бронзовая монета Евкратиды. Лицевая и оборотная стороны; 8 – тетрадрахма Гелиокла. Лицевая сторона; 9 – драхма Гелиокла. Лицевая и оборотная стороны; 10 – тетрадрахма Деметрия I. Лицевая сторона; 11 – тетрадрахма Евкратиды. Лицевая и оборотная стороны.

ной линией. Оси изображений Л.с. и О.с. смещены на 180°. Диаметр – 25.2–25.6 мм, толщина – 4.7 мм, вес – 16.5 г. Монета в хорошей сохранности: драхма.

3. Антиох I. Халк. Бойсарытепа. Сазаган, Самаркандская область. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Голова Аполлона в трехчетвертном повороте вправо.

О.с. Композиция смещена влево. В центре поля фигура, напоминающая антропоморфную (трофей?). Слева нечетко фигурка Ники (?). Читаются лишь некоторые буквы легенды. В правом поле по вертикали – ΒΑΣΙΛΕ... . Плавно скошенный гурт. Диаметр – 16.4 мм, толщина – 3.3 мм, вес – 2.8 г.

4. Антиох I. Халк. Хайтабад. Канал Занг. Сурхандарьинская область. Частная коллекция.

Л.с. Голова (Афины?) вправо. Различимы лишь верхняя часть прически из прямых волос, глазная впадина, надбровные дуги, переносица, нижний контур подбородка.

О.с. Неразличима, в нижней части сохранились буквы: ...ΠΙΟ... . Частично верхняя часть буквы "X". Диаметр – 18–20 мм, толщина – 3.5 мм, плавно скошенный гурт. Сохранность плохая, местами лунки от порчи металла.

Греко-Бактрия

5. Диодот (Диодот с именем Антиоха?). Халк. Еркурган. А-16, помещение 8. Кашкадарья. Институт археологии, Самарканд, к-254 (Баратова, 2000. С. 131. Табл. I, 1).

Л.с. Голова вправо в профиль.

О.с. Стоящая фигура Зевса с эгидой влево. Знак у правой ноги на уровне икр. Легенда плохо различима. Справа по вертикали лишь отдельные буквы ...Σ...Λ... . Диаметр – 18.1 мм, толщина монеты – 2.6 мм, вес – 1.65 г.

6. Евтидем. Халк. Старый Термез. Цитадель, стратиграфический шурф-1 (XII ярус). Институт археологии, Самарканд (Pidaev, 2003. P. 5. Fig. 9, 3).

Л.с. Голова Геракла в профиль, вправо. Две зерны на уровне переносицы. Прическа в виде рядов округлых буклей. Короткая борода с усами. Скошенный гурт.

О.с. С трудом различима галопирующая лошадь вправо (?). Внизу по горизонтали фрагменты двух букв ΕΥ.... Диаметр – 19.8–20.02 мм, толщина – 3.01 мм, вес – 4.69 г. Соотношение осей Л.с. и О.с. – 90°.

7. Евтидем. Халк. Старый Термез. Цитадель, стратиграфический шурф-1 (XIII горизонт). Институт археологии.

Л.с. Голова Геракла в профиль, вправо. Отличная от предыдущей прическа в виде овальных буклей и подтреугольных завитков. Крупный завиток надо лбом.

О.с. Галопирующая лошадь вправо. Изображение сохранилось частично. Легенда в две горизонтальные строчки, сверху сохранились лишь верхние элементы букв – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу – нижние части Θ до копыта лошади, далее – ...ΥΔΗΜΟΥ. Диаметр – 21.1 мм, толщина – 3.9 мм, вес – 5.8 г. Соотношение осей Л.с. и О.с. – 90°.

8. Евтидем. Халк. Хайтабад. Русло канала Занг. Сурхандарьинская область. Частная коллекция.

Л.с. Голова бородатого Геракла вправо.

О.с. Изображение галопирующей лошади вправо. Горизонтальная надпись в две строки. Сверху – ...ΑΣΙΛΕΩΣ, причем последняя буква "сигма" имеет нечеткий верхний элемент. Внизу первая буква слова стерта, остальные читаются отчетливо – ...ΥΘΥΔΗΜΟΥ. По кругу едва заметная зернь. Диаметр – 20–21 мм, толщина – 3.5 мм. Монета в хорошей сохранности.

9. Евтидем. Халк. Кампыртепа. Сурхандарьинская область. Случайная находка. Институт искусствознания им. Хамзы, Ташкент.

Л.с. Бородатая голова молодого Геракла вправо.

О.с. Галопирующая лошадь вправо (рисунок, 3). Легенда в две горизонтальные строчки, вверху над лошадью – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, снизу – ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ. Диаметр – 19.0 мм, вес – 8.5 г.

10. Деметрий. Драхма (гемидрахма). Дальверзинтепа. Северо-восточный фас крепостной стены, верхний слой. Сурхандарьинская область. Институт искусствознания им. Хамзы, Ташкент.

Л.с. Бюст царя в шлеме в виде головы слона вправо (рисунок, 4).

О.с. Обнаженная фигура Геракла фронтально. Правая рука в жесте венчания, левая держит палицу, с руки свисает шкура Немейского льва. Монограмма в виде буквы Ν помещена в нижнем левом поле. Легенда в две вертикальные строчки справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Диаметр – 17.0 см, вес – 2.97 г.

11. Деметрий. Обол. Еркурган. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Бюст царя вправо в шлеме в виде головы слона.

О.с. Обнаженная фигура Геракла, стоящая анфас. Правой рукой герой венчает голову, в левой держит палицу. С руки свисает шкура Немейского льва. Легенда в две вертикальные строчки: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Линии монограммы заканчиваются округлыми рельефами. Диаметр – 11.0 мм, толщина – 1.2 мм, вес – 0.43 г.

12. Деметрий. Халк. Место находки – предположительно Мунчактепа. Байсунский район, Сурхандарьинская область. Термезский археологический музей.

Л.с. Голова слона вправо с трубящим хоботом. На шее колокольчик. Зернь по кругу (рисунок, 5).

О.с. Кадуцей. Две вертикальные строчки. Справа от кадуцея – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Знак расположен в левом нижнем поле и представляет собой букву Ν. Диаметр – 27–24 мм; толщина – 3.2 мм, вес – 4.8 г.

13. Деметрий. Дихалк. Канал Занг. Округа Хатабадтепа, Джаркурганский район, Сурхандарьинская область. Частная коллекция.

Л.с. Голова слона с трубящим хоботом вправо. Колокольчик отсутствует. Зернь по кругу в правом поле.

О.с. Кадуцей. Легенда в две вертикальные строчки. Справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Знак расположен в левом нижнем поле и представляет собой круг с пересеченной по диаметру линией с утолщениями на концах. Диаметр – 28–29 мм, вес – 11.3 г.

14. Деметрий. Тетрахалк. Джандавляттепа. Шерабадский район, Сурхандарьинская область. Верхний слой, в кладке кирпича. 2002 г. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Голова правителя вправо в слоновьем шлеме. Круговая зернь.

О.с. Голова трубящего слона вправо. Внизу горизонтальная строчка, возможно, ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Диаметр – 31.42 мм, толщина – 5 мм, вес – 21.8 г.

15. Деметрий. Трихалк. Городище Старого Термеза. Чингизтепа I. 2002 г. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Голова Геракла вправо (?).

О.с. Стоящая фигура Артемиды фронтально. Правая рука извлекает стрелу из-за спины (рисунок, 6). Легенда в две вертикальные строчки. Справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Монограмма помещена в левом нижнем поле в виде буквы Κ с вытянутой вертикальной линией, верх которой оформлен полукружием, образующим букву Α.

16. Евкратид. Обол. Раннее подражание. Талашкантепа II. На поверхности памятника. 1979 г. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Голова царя в диадеме вправо. Зернь по кругу в правом поле.

О.с. Колпаки Диоскуров. Схематично. Легенда в две вертикальные строчки, слева нечитаемо, справа – ...ΠΑΤΙΔΥ. Монограмма под правым колпаком в виде буквы Ν. Диаметр – 9.4 мм, толщина – 1.2 мм, вес – 0.49 г.

17. Евкратид. Бронза. Кампырттепа. Помещение 13. Сурхандарьинская область. Институт искусствознания им. Хамзы, Ташкент.

Л.с. Бюст царя в “бактрийском” шлеме вправо (рисунок, 7).

О.с. Всадники Диоскуры вправо. Легенда по кругу от 10.00 – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ, снизу под изображением по горизонтали ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ. Монограмма помещена под передними копытами лошадей в виде Α с рельефной точкой по центру под горизонтальной перекладной. Диаметр – 38.0 мм.

18. Евкратид. Дихалк квадратной формы. Билингва. Стратиграфический шурф. Джандавляттепа. Сурхандарьинская область. 2003 г. Институт археологии, Самарканд.

Л.с. Бюст правителя в шлеме, в профиль вправо по центру. Легенда в три строки. Читаются отдельные буквы. Слева по вертикали: ...ΙΔ..., сверху по горизонтали: Μ...Γ...ΟΥ, снизу по горизонтали: ...ΙΔ... .

О.с. Скачущие вправо всадники Диоскуры. Легенда в две горизонтальные строчки. *Maharajasa Evukratidasa* (?). Детали неразличимы. Размер – 23.0 × 22.4 мм, толщина – 4.6 мм, вес – 6.7 г.

19. Гелиокл. Тетрадрахма. Джам. Урочище Коразов. Частная коллекция.

Л.с. Голова царя вправо (рисунок, 8). Лицо довольно молодое, с выступающим вперед прямым носом, плотно сжатыми губами и острым, выдающимся вперед подбородком. Шея короткая и довольно полная. Голова украшена диадемой, показанной в виде двух параллельных рельефных линий. На затылке диадема завязана в узел; один конец опущен вниз сразу от узла, другой (верхний) имеет сначала изгиб. Верхняя часть прически состоит из коротких, свободно расположенных булел. Ниже диадемы волосы показаны менее рельефно: небольшая челка спускается на лоб, очень короткие пряди на шее, ушная раковина открыта.

Драпировка гиматия передана несколькими лаконичными линиями. Спереди край драпировки показан в виде буквы S в зеркальном отражении. От верхней части изгиба расходятся веерные складки, и к этому же изгибу притянута складка плаща из-за шеи. Изображение на л.с. заключено в ободок из рельефной пунктирной линии.

О.с. Стоящая фигура Зевса. Левая рука, поднятая до уровня головы, опирается о копье, правая опущена и держит пучок крылатых молний. Под фигурой горизонтальная черта, означающая землю. Монограмма помещена справа от фигуры в нижней части, под пучком молний и представляет собой букву Ш с перекладной, расположенной чуть пониже центра; слева от верхнего угла отходит по диагонали прямая; от левой вертикальной линии под прямым углом до середины монограммы отходит другая линия. Концы всех линий оканчиваются небольшими округлыми утолщениями. Легенда из трех строк: по вертикали справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΗΛΙΟΚΛΕΟΥΣ, снизу – ΔΙΚΑΙΟΥ. Диаметр – 29.7 мм, толщина – 4 мм, вес – 16.97 г.

20. Гелиокл. Драхма. Кампыртепа. Помещение 93. Сурхандарьинская область. Институт искусствознания им. Хамзы, Ташкент.

Л.с. Бюст царя в диадеме вправо.

О.с. Зевс, стоящий фронтально (рисунок, 9). Левая рука опирается о копьё. В правой опущенной руке пучок молний. Легенда в три строки. Справа по вертикали – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΗΛΙΟΚΛΕΟΥ, внизу под горизонтальной чертой ΔΙΚΑΙΟΥ. Монограмма в виде Α, вписанной в букву Π, размещена в левом нижнем поле на уровне голени. Диаметр – 19.0 мм, вес – 3.10 г.

Монеты из частных коллекций

21. Антиох I. Драхма. Частная коллекция.

Л.с. Голова царя вправо в диадеме. Зернь справа по кругу вдоль скошенного гурта. Прямой, чуть удлиненный нос. Лицо пожилого человека со складками от крыльев носа и на уголках рта.

О.с. Протома рогатой лошади. Легенда: вертикальная строчка за головой лошади – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, горизонтальная – под протомой – ΑΝΤΙΟΧΟΥ. Знак монетного двора располагается в правом нижнем углу в виде треугольника, вписанного в круг. Зернь по кругу. Оси ΑΡ на 180°. Диаметр – 17.2 мм, толщина – 2.55 мм, вес – 4.85 г.

22. Деметрий I. Тетрадрахма. Частная коллекция. Приобретена на Ургутском базаре.

Л.с. Бюст царя в шлеме в виде головы слона вправо. По кругу ободок из пунктирных рельефов (рисунок, 10).

О.с. Стоящая в анфас обнаженная фигура Геракла. Правая рука в жесте венчания, на голове венки. Левая рука держит палицу, с руки свисает шкура Немейского льва. Легенда в две вертикальные строчки: справа – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева – ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Монограмма в левом нижнем поле на уровне голени в виде буквы Κ с удлиненной вертикальной линией, конец которой заканчивается полукружием в виде Ρ. Оси изображений смещены примерно на 30°. Диаметр – 34.6 × 34.2 мм, толщина – 3.05 мм, вес – 17.09 г.

23. Евкратид. Тетрадрахма. Частная коллекция, приобретена на Ургутском базаре.

Л.с. Бюст царя вправо (рисунок, 11). Голова украшена диадемой. Концы диадемы свисают вниз параллельно. Ободок из рельефных пунктиров с поперечными черточками. Плащ скреплен аграфом на правом плече.

О.с. Диаскуры-всадники вправо. На голове всадников конической формы колпаки, украшенные на макушке звездой. В правой руке пальмовая ветвь, лежащая на плече. В левой наперевес горизонтально длинные копьё. Легенда в две горизонтальные строчки, сверху – ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу под горизонтальной линией – ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ. Монограмма в виде Κ с вытянутой вертикальной линией, в верхней части под углом 90° вправо ее про-

должает короткий отрезок. Диаметр – 31.7 мм, толщина – 2.1 мм, вес – 16.49 г.

КОММЕНТАРИИ

Селевкидские монеты

Важным событием в нумизматике древнего Согда была находка в процессе археологических работ тетрадрахмы Селевка Никатора. Пожалуй, это первая находка в культурном слое, подтверждающая не только подлинность монеты, но и историко-культурный контекст. Монета происходит из напластований раннеантичного поселения Бойсарытепа.

Относительно редкие находки монет Селевка I на территории к северу от Амударьи (Окса) получили детальное отражение в специальной литературе (см. ниже). “Прорыв” в эллинистической нумизматике за последние десятилетия был следствием как оживленного “антикварного” бизнеса, включая и кладоискательские раскопки, так и находок монет в процессе планомерных археологических раскопок.

Из относительно недавних находок следует выделить драхму Селевка с изображением головы коня вправо и якоря на оборотной стороне, найденной на территории Хонако-Ховалингского района в Таджикистане (Довутов, 1997. С. 5–8). Аналогичный халк был найден в Туркменистане близ Кушки (Губаев, Новиков, 1991. С. 3–14). Тетрадрахма Селевка с изображением головы Геракла вправо в львином скальпе на лицевой стороне и сидящего на троне Зевса на оборотной, скорее всего, входила в состав большого клада из Куляба (800 экз.), включавшего селевкидские и греко-бактрийские серебряные монеты (Voregachchi, 1999–2000. P. 59, 60. Pl. XIII, 7)¹.

В нумизматической литературе отмечены отдельные монетные находки или упоминание о них, но, как правило, информация эта зачастую не подкреплена достоверными фактами, да и история самих монет нередко загадочна и туманна. В связи с этим можно упомянуть дихалк Селевка с головой Геракла и слоном, шагающим вправо, найденным на Афрасиабе (Зеймаль, 1983а. С. 65, 66). Внушительное количество тетрадрахм и драхм Селевка I содержится в Амударьинском кладе (47 экз.), однако спорным остается вопрос его локализации. Из общего количества монет этого царя в кладе были выделены шесть монетных дворов, включая монетный двор в Бактрах, причем 4 тетрадрахмы были выпущены в период правления до 285 года и 5 драхм в период соправления “верхними сатрапи-

¹ Автор отмечает, что наиболее потертыми из клада являются монеты, чеканенные в честь Александра, Селевка I, Антиоха I и Антиоха II (см.: Ibid. P. 60). Это может свидетельствовать, в свою очередь, о длительном обращении этих монет.

ями” с сыном Антиохом (монеты с именами Селевка и Антиоха) (Зеймаль, 1983а. С. 29, 30).

Если принимать монеты Амударьинского клада как монеты сокровищницы храма Окса в Тахти Сангине, как это делают Б.А. Литвинский и И.А. Пичикян, и такую возможность мы не исключаем, то характер нумизматического источника приобретает несколько иной смысл. А именно, монеты могли быть приношением паломников из различных пунктов селевкидского государства. Это косвенно подтверждается и различием монетных дворов на монетах.

Принципиально важным моментом в развитии денежного обращения к северу от Окса в селевкидскую эпоху является вопрос о рубежах государства. Здесь ясно и бесспорно то, что денежная масса, выпускавшаяся на рынки, была рассчитана не только на центры полиса как базы государственной структуры, но и на города и поселения периферии, какой бы отдаленной или враждебно настроенной она ни была. Период активной колонизации падает на время соправления Селевка с Антиохом I в “верхних сатрапиях”, правление Антиоха I и Антиоха II. Более частые находки монет Антиоха I на территории к северу от реки Окса уже носят не случайный характер. Они отличаются от предыдущих не только количеством, но и разнообразием географических пунктов.

Привлекаемая в настоящей статье тетрадрахма была найдена в кишлаке Хаприн, расположенном около 5 км на юго-восток от селения Джам. Холм, на котором была найдена монета, имеет слой античного времени.

По классификации Э. Ньюэлла, монета относится к серии II, группа А. Наиболее близкую аналогию джамскому экземпляру по иконографии дает монета, приведенная автором в обширном исследовании восточного селевкидского чекана (Newell, 1978. P. 241. № 696. Pl. LP, 5). Серия II в чекане Антиоха I относится к периоду с 268 по 261 г. до н.э., когда, по всей вероятности, Антиох становится полноправным и единодержавным правителем не только Верхних сатрапий, но и всей селевкидской империи.

Анализ монет Антиоха I в составе Амударьинского клада позволил Е.В. Зеймалю выделить одну характерную деталь, а именно, что все монеты, помимо одной драхмы, чеканенной в Каррах, принадлежат монетному двору в Бактрах (1983а. С. 30–32)². Помимо этого комплекса автор отмечает единственную (на тот момент – К.А.) бесспорную находку на территории Таджикистана, происходящую из раскопок Тахти-Сангина.

Со времени публикации последней сводки в монографии Е.В. Зеймала “Древние монеты Таджи-

кистана” был сделан ряд интересных находок монет Антиоха в Северной Бактрии. Помимо халка, найденного в русле канала Занг, были найдены 5 халков на Тахти-Сангине и в храме Окса. Халки представляют два типа: голова Геракла в львином скальпе на л.с. и фигурой быка-зебу вправо на о.с. и голова Афины вправо / Ника перед трофеями (Zeimal, 1997). Кампыртепа дал также два типа халков Антиоха : голова Геракла вправо в львином скальпе / бык-зебу вправо; голова Аполлона в фас / Ника перед трофеем (Ртвеладзе, 2002. С. 84). Еще один тип халка представлен монетой, найденной в окрестностях Денау и привлеченной Е.В. Зеймалем (1983б. С. 67). Следует напомнить и халк, найденный к востоку от Афрасиаба, с изображением шагающего животного вправо на л.с. и вертикально размещенного кадуцея на о.с. (Буряков, Федоров, 1967. С. 106; Ерназарова, 1974. С. 166; Зеймаль, 1983б. С. 67; Bernard et al., 1990. P. 359, 360; Bernard, 1996. P. 347).

Говоря о серебряном чекане Антиоха, следует упомянуть две драхмы из коллекции священника Зампаева, происхождение которых до настоящего времени остается неясным, несмотря на то что они неоднократно привлекались в нумизматической литературе (Зеймаль, 1983а. С. 32, 44; Ртвеладзе, 2002. С. 99).

Совершенно неожиданную картину дали находки селевкидских монет на территории Согда, в частности юго-западной части Самаркандской области. Наряду с тетрадрахмой Селевка I, о которой мы говорили выше, на том же Бойсарытепа (близ селения Сазаган) был найден халк Антиоха I. Материал, полученный с этого памятника, подтверждает существование здесь поселения раннеэллинистического времени. Интересен и тот факт, что в соседнем селении Хаприн близ Джама была найдена тетрадрахма Антиоха I. К сожалению, слой, в котором она была найдена, не зафиксирован, но с полной достоверностью можно говорить, что она происходит именно с археологического объекта.

Холм, на котором была обнаружена монета Антиоха, представлял собой поселение раннеантичного времени, и, по сообщению специалистов, побывавших на месте, располагал мощными (до двух метров) слоями, относящимися к античному периоду. Интересно также сообщение о находке близ селения Сазаган клада селевкидских монет. Клад состоял предположительно из нескольких десятков экземпляров, состав, к сожалению, остался неизвестным (судя по описанию, тетрадрахмы Антиоха). Примерно в то же время некоторые тетрадрахмы попали на антикварный рынок Ургута. Несколько экземпляров этого клада были приобретены Национальным банком внешнеэкономической деятельности Узбекистана, где и хранятся в его коллекции. Одну из них упоминает Э.В. Ртвеладзе как тетрадрахму Антиоха I с головой царя вправо / протомой лошади. Однако ин-

² Заслуга в определении и значении этого монетного двора в восточном чекане Селевкидов принадлежат Э. Ньюэлу (Newell, 1978).

формация о месте находке на городище Афрасиаб не является достоверной (Ртвеладзе, 2002. С. 84). Происхождение монет, приобретенных Банком на Ургутском рынке, может быть связано с одним из двух источников: либо кладом из Сазагана (что вероятнее), либо они были частью большого клада из Куляба, о котором мы упоминали выше.

Концентрация монет Селевкидов на таком узком пространстве Сазагана и Джама с поселениями античного времени, как бы отгораживающими самаркандский оазис от широкой степи, открывающейся после отрогов Каратепа, подчеркивает пограничный характер этой зоны.

Греко-бактрийские монеты

К настоящему времени самые ранние монеты Греко-Бактрии, представленные чеканом царя Диодота с памятников, расположенных к северу от Амударьи, не позволяют с достаточной степенью уверенности дифференцировать чеканы Диодота I и Диодота II. Тем не менее находки этих монет, в особенности медных выпусков, в археологических слоях свидетельствуют об их обращении на рассматриваемой территории. Отметим вначале монеты этого царя в составе кладов. Клад греко-бактрийских монет из Бухарской области включал пять тетрадрахм Диодота (Ртвеладзе, Ниязова, 1984; Курбанов, Ниязова, 1989; Ртвеладзе, 2002. С. 99). Напомним, что клад был обнаружен при строительстве канала в грунте, привезенном с археологического памятника. Таковым считается холм Тахмачтепа, наиболее ранние слои которого относятся ко II–I вв. до н.э. Клад греко-бактрийских монет, содержащий 50 тетрадрахм, включая Диодота (5 экз.), Евтидема (43 экз.) и Агафокла (2 экз.), связывают именно с этим памятником (Ртвеладзе, 2002. С. 87–96. Табл. VI, VII).

Второй значительной по количеству монет Диодота находкой можно считать клад из Куляба. Из инвентаризированных Осмундом Бопераччи 205 монет к чекану Диодота относятся: с именем Антиоха II – 4 тетрадрахмы, 7 драхм, 1 гемидрахма (аттический весовой стандарт); с именем Диодота – 2 тетрадрахмы, 8 драхм (аттический весовой стандарт) (Voreagachchi, 1999–2000. P. 36–38; 59, 60. Pl. XIV, 17–21; Pl. XV, 22–38).

Из находок достоверного характера заслуживают внимания тетрадрахма Диодота из Шахринау и дихалк, найденный на городище Тахти Сангин (Таджикистан) в слое кушанского времени (Зеймаль, 1983а. С. 43, 44). Два халка этого царя были обнаружены во время раскопок городища Кампыртепа (Ртвеладзе, 2002. С. 97).

К одному из относительно часто встречаемых типов монет на территориях, находящихся к северу от реки Окса-Амударьи, относятся медные монеты греко-бактрийского царя Евтидема с изображением головы Геракла вправо на лицевой стороне и галопирующей лошади вправо на оборотной.

В Таджикистане зарегистрировано 15 монет этого типа: Тахти Сангин – 9, Шахринау – 2, Гиссарский канал, Тамашотепа, Тепаи-Шах (Зеймаль, 1983а. С. 32, 44). Ртвеладзе в своей сводке приводит 17 монет, происходящих из Сурхандарьинской области (8 – Термез, 7 – Кампыртепа, 1 – Шортепа, 1 – Дальверзинтепа) (Ртвеладзе, 2002. С. 99). К этим монетам следует добавить еще два пункта – это канал Занг (Абдуллаев, 1998. С. 51, 52) и городище Джандавлягтепа (Шерабадский район, Сурхандарьинская область). В Маргиане на городище Гяуркала зарегистрированы 4 халка Евтидема (Смирнова, 1999. С. 248–250). К достоверным находкам, связанным с территорией Термеза, монет Евтидема II Е.В. Зеймаль относит купроникелевый дихалк из частной коллекции термезского учителя Ю.Б. Генса (Зеймаль, 1983а. С. 45).

Частые находки медных монет этого царя к северу от реки Амударьи, но южнее Гиссарских отрогов (Железных ворот) и их широкая топография на этом пространстве дают основание полагать, что территория примерно от Железных ворот на север уже не принадлежала Евтидему и отложилась от его власти. Об этом свидетельствуют также и подражания тетрадрахам, локализация которых концентрируется в Согдиане (Voreagachchi, 1991–1992. P. 1–21).

Также часто на этом пространстве встречаются монеты сына и преемника Евтидема – Деметрия. Монеты царя Деметрия входили в состав кладов, найденных во время археологических раскопок греческого города Айханум в Афганистане. По мнению Р. Одуэна и П. Бернара (Audouin, Bernard, 1974. P. 33), серебряный чекан под именем Деметрия подразделяется на две серии: одна – со стоящим Гераклом, коронуящим себя, другая – со стоящей Афиной, держащей копье и щит (в кундузском кладе как раз представлены эти две серии – Curjel, Fussman, 1965. Pl. II–VII). Некоторые размещают эти две серии между двумя одноименными царями: первую связывают с Деметрием I, а вторую с Деметрием II. Макдоналд (Macdonald, 1962. P. 403) был первым, кто различил монеты двух Деметриев. Ему следовали В.В. Тарн и А. Нарайан, между тем как другие относили их к одному и тому же царю (Bivar, 1951. P. 29, 30). Драхмы царя Деметрия зафиксированы в Северной Бактрии в двух пунктах: Халчаяне (Пугаченкова, 1966. С. 109) и Дальверзинтепа (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1983. С. 347). С городища Старого Термеза происходит обол Деметрия (Массон, 1933. С. 6.). Из недавно найденного в Кулябе клада селевкидских и греко-бактрийских Деметрий представлен 5 тетрадрахмами (бюст царя вправо в слоновьем скальпе / фигура венчающего себя Геракла), 1 драхмой, 44 подлинными оболами и 5 подражаниями (Voreagachchi, 1999–2000. P. 42–45. Pl. XIX–XXI).

Из старых собраний происходит дихалк с изображением Артемиды на оборотной стороне, про-

исходящий из долины Сурхандарьи (коллекция В.П. Турчинского, Ташкент). К относительно новым находкам медных монет Деметрия можно отнести два дихалка с головой слона и кадуцеем из Кампыртепа (Ртвеладзе, 2002. С. 99). Аналогичные монеты были найдены при земляных работах в г. Турсунзаде (Таджикистан) (Зеймаль, 1983а. С. 45) и на канале Занг (округа Хайтабадтепа, Сурхандарьинская область) (Абдуллаев, 1998. С. 51, 52). Из публикуемых в настоящей статье медных монет Деметрия следует обратить внимание на монету из Мунчактепа, дающую новый пункт в топографии этих монет. Тип медных монет с изображением Артемиды на оборотной стороне из Кампыртепа (два экз.) (Rtveladze, 1995. P. 20–24. Pl. I, 4; Ртвеладзе, 2002. С. 99) дополняется новой находкой с городища Старого Термеза (Чингиз 1). Новый тип медных монет Деметрия дает экземпляр, найденный на городище Джандавляттепа (Шерабадский район), – голова царя в слоновьем скальпе / голова трубящего слона (?). Обращает на себя внимание большой вес этой монеты.

Следует отметить интересную находку медной монеты из Кампыртепа с портретом царя вправо и стоящей фигурой Геракла. Иконография явно подражательного характера, это же подтверждается и легендой с упрощенными и искаженными буквами. Автор публикации справедливо относит эту монету к типам подражаний Деметрию (Ртвеладзе, 2002. С. 109).

Согд по монетам царя Деметрия дает довольно скромное количество экземпляров. В Пастдаргомском районе (Самаркандская область) была найдена тетрадрахма Деметрия (Зеймаль, Вафаев, 1982. С. 38–42)³. Более достоверную локализацию дает обол с головой царя в слоновьем скальпе и фигурой венчающего себя Геракла, найденный при раскопках городища Еркурган, привлекаемый в настоящей статье.

Из представленных в настоящей статье монет Евкратиды первая монета-обол получила достаточное освещение в научной литературе. Первые

³ Монеты царя Деметрия представлены в среднеазиатских музейных собраниях серебряными: тетрадрахма ТШ 155/156 (о.с. – стоящая Афина); оболочки – СМ Н-68, Н-69, Н-70, Н-8922, Н-8359, Н-8360, Н-9963, Н-9964. Можно полагать, что две последние монеты происходят из коллекции Б.Н. Кастальского, так как, по сведению М.Е. Массона, Кастальский в 1929 г. приобрел у термезских шейхов несколько монет, найденных на городище Старого Термеза, и среди них обол Деметрия “необычного типа”. Е.В. Зеймаль предполагает (1983а. С. 45), что ими могут быть экземпляры Н-9963 или 9964. Медные монеты этого царя в музейных коллекциях представлены следующими: тетраалк – щит с головой медузы / трезубец (ТШ 155/44); тетраалки – голова слона / кадуцей (ТШ 15/14; СМ Н-5484 и Н-9965 – коллекция Кастальского); дихалки – голова Геракла / стоящая Артемида (ТШ 15/15, 15/16, СМ Н-67, Н-8380, Н-9966, Н-10214 – две из коллекции Кастальского) как правило, беспаспортные, за исключением экземпляров из коллекции Б.Н. Кастальского.

ее публикаторы предложили видеть в ней новый тип подражания оболам Евкратиды (Ртвеладзе, Пидаев, 1981. С. 20–23). Действительно, по накопленному материалу, который более всего концентрируется в среднем и нижнем течении реки Кафирниган, устойчивую иконографию с последующей подражательной эволюцией дает тип с головой в шлеме и колпаками Диоскуров. Монета из Талашакантепа должна относиться “к совсем иной, новой группе подражаний, восходящих к оболам Евкратиды, на л.с. которых царь изображен без шлема” (Зеймаль, 1983а. С. 95). Однако на данном этапе, когда мы имеем единственный экземпляр, говорить о новой подражательной линии представляется преждевременным.

Медная монета Евкратиды, найденная в слоях Кампыртепа, дает великолепно исполненную иконографию, вполне соответствующую изображениям на подлинных монетах этого царя. Вряд ли у нас есть основания связывать ее с подражательными выпусками. С большой долей вероятности можно отнести ее к чекану Евкратиды, который мог восполнить в момент экономического кризиса серебряные монеты медными. Второе предположение представляется менее вероятным, а именно, что это медная монета неизвестного нам типа и номинала.

Редкой (если не первой) монетой, встречаемой в археологическом слое, является медная монета (халк) Евкратиды квадратной формы с портретом царя в шлеме на лицевой стороне и скачущими диоскурами на оборотной стороне. Монета была найдена в слое с другими монетами кушанского типа. Скорее всего, она попала из Индии с общей денежной массой в кушанский период.

Подлинная тетрадрахма Гелиокла, найденная на территории Согда, – явление относительно редкое в нумизматике Средней Азии. Следует отметить одну характерную особенность в локализации подлинных монет самого Гелиокла – это относительная редкость находок монет этого царя к северу от Амударьи и в то же время обилие медных подражаний в сакский и юэчжийский периоды тетрадрахмам и драхмам. Как отмечает Е.В. Зеймаль, не было зарегистрировано каких-либо находок монет Гелиокла и в Таджикистане (Зеймаль, 1983а. С. 46). К югу от реки Амударьи монеты этого царя хорошо представлены в кладе из Кундуза (Curiel, Fussman, 1965).

Как уже отмечалось выше, тетрадрахма греко-бактрийского царя Гелиокла является одной из наиболее редких монет, находимых к северу от реки Амударьи. В сводке, данной в монографии Е.В. Зеймала (1983а), отмечается отсутствие подлинных монет этого царя. Из поля зрения автора выпала монета, приведенная в каталоге монет Южного Узбекистана (1981). Серебряная драма царя Гелиокла была обнаружена в помещении 93

на цитадели во время раскопок городища Кампыртепа (диаметр – 1.7 см, вес – 3.1 г.) (Древности Южного Узбекистана, 1991. С. 309). Однако эту монету по ряду иконографических и палеографических признаков можно, скорее всего, отнести к самым ранним подражаниям драхам этого царя. Об этом же свидетельствует редуцированный вес образца.

При раскопках кургана № 14 Кызылтепинского могильника (Бухарская область), была обнаружена монета. “Серебряная монета с портретным изображением на одной стороне и фигурой в обрамлении надписи – на другой. Вес монеты – 12.29 г. Рядом найден наконечник стрелы с опущенными жалъцами и обломанным черешком, а около железной пряжки – два бронзовых гвоздика с полусферическими шляпками” (Обельченко, 1992. С. 57).

Судя по фотографии, можно сделать некоторые существенные дополнения к описанию монеты. Во-первых, исключительная реалистическая манера в передаче портрета, а также аккуратно выполненный рельефный ободок приближают ее к монетам самого Гелиокла. Обратная сторона также демонстрирует “нормативную” иконографию с реалистично выполненной фигурой Зевса, задрапированной в плащ. Только в написании легенды можно наблюдать некоторые отклонения: укороченные элементы у “капш” и уменьшение “омикрона”. Однако эти “недочеты” отнюдь не влияют на достоверность изображений. Интересна монограмма, помещенная под горизонтальную строчку легенды, в виде треугольника. Монограмма данного типа передает, по схеме М. Митчинера, монетный двор в Балхе (Бактры) (Mitchiner, 1975. P. 160). Однако тем более странным кажется вес, приведенный автором, – 12.29 г (?), вес, который существенно отличается от аттического стандарта. Только расхождение в весе может вызвать сомнение в подлинности чекана Гелиокла. Другим существенным моментом в характеристике данной монеты, указывающим на то, что это не подлинная монета греко-бактрийского царя, а подражание его чекану, – это субэратность. В беседе с автором находки удалось выяснить, что при случайной деформации монеты в изломе прослежен тонкий внешний слой серебра, а ядро имеет медную основу (автор выражает свою благодарность О.В. Обельченко за эту ценную информацию).

Все изложенные выше факты склоняют думать, что монета из кургана № 14 Кызылтепинского могильника относится к самым ранним подражаниям монетам Гелиокла.

Таким образом, к настоящему времени стали известны три монеты греко-бактрийского царя Гелиокла (за исключением раннего подражания из Кызылтепа – Бухарская область), место находки которых можно твердо локализовать к северу от Амударьи. Едва ли можно допустить, что эти мо-

неты были связаны с правлением Гелиокла на этой территории. Скорее всего, они попали на территорию Согда и Северной Бактрии позже, а если даже и в период правления этого царя, то с монетной массой, которая обращалась к югу от Амударьи. Многочисленные медные подражания тетрадрахам и драхам Гелиокла с их разветвленной подражательной линией и длительностью обращения, скорее всего, свидетельствуют о довольно сложной политической ситуации к северу от реки Амударьи в предюэчжийский и юэчжийский периоды (Абдуллаев, 1999. С. 368–377).

Три монеты, помещенные в конец нашего сообщения: драхма Антиоха (к сожалению, отсутствует фотография), тетрадрахма Деметрия и тетрадрахма Евкратиды, были приобретены на Ургутском базаре. Со слов коллекционера, они происходят из Афганистана, но полной уверенности в достоверности самих монет и их происхождения нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдуллаев К. Находки эллинистических монет из канала Занг // Нумизматика Центральной Азии. Вып. III. Ташкент, 1998.
- Абдуллаев К. Еще раз о подражаниях монетам Гелиокла (К вопросу о политической истории Бактрии во второй половине II в. до н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. М.; Магнитогорск, 1999.
- Баратова Л. Древние монеты из Каршинского оазиса // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 31. Самарканд, 2000.
- Буряков Ю.Ф., Федоров М.Н. Эпиграфические и нумизматические находки в Узбекистане в 1965 году // Эпиграфика. М.; Л., 1967.
- Губаев А.Г., Новиков С.В. Редкая селевкидская монета из Кушки // Памятники Туркменистана. 1991. № 2.
- Довутов Д. Драхма Селевка с городища Шахри Мунк // Нумизматика Центральной Азии. Ташкент, 1997.
- Древности Южного Узбекистана. Каталог. 1991.
- Ерназарова Т.С. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IX в.) // Афрасиаб III. Ташкент, 1974.
- Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983а.
- Зеймаль Е.В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток. М., 1983б.
- Зеймаль Е.В., Вафаев Г. Тетрадрахма Деметрия из долины Зерафшана // Общественные науки в Узбекистане. 1982. № 5.
- Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В. Еще раз о месте находки Амударьинского клада // Изв. Отд. обществ. наук Академии Тадж. ССР. 1962. Вып. I.
- Кошеленко Г.А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н.э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 4.

- Курбанов Г.Н., Ниязова М.И.* Каталог Греко-бактрийских монет Бухарского музея. Бухара, 1989.
- Массон М.Е.* Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930–1931 гг. // Матер. Узкомстариса. Вып. 5. Ташкент, 1933.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Эллинистический храм Окса. Т. I. М., 2000.
- Обельченко О.В.* Культура античного Согда. М., 1992.
- Пугаченкова Г.А.* Халчаян. Ташкент, 1966.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В.* Об обращении Греко-бактрийских монет в Северной Бактрии // Общественные науки в Узбекистане. 1983. № 5.
- Ртвеладзе Э.В.* Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. I. Ташкент, 2002.
- Ртвеладзе Э.В., Ниязова М.* Первый клад греко-бактрийских монет из Бухары // Общественные науки в Узбекистане. 1984. № 6.
- Ртвеладзе Э.В., Пидаяев Ш.* Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.
- Смирнова Н.М.* Находки эллинистических монет на городище Гяуркала (Туркменистан) // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVI. М., 1999.
- Abdullaev K.* Nomadism of Central Asia. Archaeological Evidence // In the Lands of the Griffons. Florence, 1995.
- Abdullaev K., Franceschini F., Raimkulov A.* The Tetradrachm of Seleucos I from Sazagan Region of Uzbekistan // Circle of Inner Asian Art. Newsletter. Issue 19. L., 2004.
- Audouin R., Bernard P.* Tresor de Monnaies Indienne et Indo-Grecques d'Ai Khanoum (Afganistan) // RN. 6-e serie. T. XVI. 1974.
- Bernard P.* Les monnaies hors tresors. Questions d'histoire greco-bactriennes. Fouilles d'Ai Kahnoum IV // MDAFA. T. XXVIII. Paris, 1985.
- Bernard P.* Le temple du dieu Oxus a Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? // Studia Iranica. T. 23. Fasc. 1. Paris, 1994.
- Bernard P.* Maracanda-Afrasiab Colonie Grecque // La Perse e L'Asia Centrale da Alessandro al X Secolo. Atti dei Convegni Lincei 127. Roma, 1996.
- Bernard P., Grenet F., Isamiddinov et al.* Fouilles de la mission franco-sovietique a l'ancienne Samarkand (Afrasiab). Premiere campagne 1989 // CRAI. 1990.
- Bivar A.D.H.* The Bactra coinage of Euthydemus and Demetrius // NC. 1951.
- Bopearachchi O.* Monnaies greco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonne. Paris, 1991.
- Bopearachchi O.* The Euthydemus' imitations and the date of Sogdian Independence // Silk Road Art and Archaeology. V. 2. Kamakura, 1991–1992.
- Bopearachchi O.* La circulation et la production monetaires en Asie centrale et dans l'Inde du nord-ouest (avant et apres la conquest d'Alexandre // Indologica Taurinensia. V. XXV. Torino, 1999–2000.
- Curiel R., Fussman G.* Le tresor monetaire de Qunduz. MDAFA. T. XX. Paris, 1965.
- Huff D., Pidaev Ch., Chaydoullaev Ch.* Uzbek-German archaeological researches in the Surkhandarya region // La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie centrale. Paris, 2001.
- Macdonald G.* CHI I. 1962.
- Mitchiner M.* Indo-Greek and Indo-Scythian coinage. V. 2. L., 1975.
- Newell E.* The Coinage of the Eastern Seleucid mints. Numismatic Studies № 1. N.Y., 1978.
- Pidaev Sh.* Termez during the Greco-Bactrian Period // Silk Road Art and Archaeology. V. 9. Kamakura, 2003.
- Rtveladze E.V.* Decouvertes en Numismatique et Epigraphie Greco-Bactriennes a Kampyr-tepe (Bactriane du Nord) // Revue Numismatique. 1995. V. 150.
- Zeimal E.V.* Coins from the excavation of Takht-i Sangin (1976–1991). Study in Silk Road coins and culture. Kamakura, 1997.

Finds of Hellenistic coins to the north of the Amudarya river

K. Abdullaev

Summary

The author published the images of silver and golden coins of Seleucid dynasty and rulers of Greco-Bactria found in the last years in the territory of northern Bactria and Sogdiana. On the basis of the analysis of these finds he makes a conclusion that local mints and a sufficiently developed monetary circulation existed there already from the very end of the 4th c. AD (period of the conquest of the Central Asian region by Seleucus I).

ГОНЧАРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э. (структура и система размещения)

© 2006 г. С. Б. Болелов

Государственный музей Востока, Москва

В 1961 г. была опубликована статья М.Г. Воробьевой, в которой на основании данных картографии был поставлен вопрос о системе и принципах размещения гончарных производств на территории Средней Азии (1961. С. 147–179). Имеющиеся в настоящее время археологические данные позволяют вернуться к этой проблеме и рассмотреть структуру и систему размещения гончарных производств на территории Средней Азии на протяжении длительного исторического периода.

Предметом изучения послужили объекты, связанные с гончарством и датированные в пределах второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. Столь длительный отрезок времени выбран не случайно.

В середине I тыс. до н.э. гончарный круг и двухъярусный обжигательный горн распространяются практически на всей территории региона. Этот период можно считать начальным этапом становления ремесленного товарного производства керамической посуды на территории Средней Азии (Массон, 1974. С. 7, 8).

После гибели державы Ахеменидов и походов Александра здесь возникают первые крупные государственные образования. Следствием этого процесса в сфере экономики является формирование единого внутреннего рынка в историко-культурной области, что знаменуется возникновением внутригосударственной единой монетной системы (Ртвеладзе и др., 2000. С. 59–70). Изменения в социально-экономической структуре общества влияли на структуру и систему размещения ремесленных керамических производств, а подчас и формировали ее.

В середине I тыс. н.э. области Средней Азии подвергаются неоднократным вторжениям извне, что приводит к коренным изменениям в политической и социально-экономической системе древних обществ (Неразик, 1997. С. 43, 44).

На фоне этих исторических событий и социально-экономических изменений рассматривается структура и система размещения гончарных производств.

Всего на территории Средней Азии в настоящее время зафиксировано более 70 археологиче-

ских объектов середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э., непосредственно связанных с керамическим производством (рис. 1).

Наибольшее количество памятников (30), открыто в Хорезме. Значительное количество объектов раскопано в северной Бактрии и Маргиане – 18 и 7 соответственно. Хуже изучено керамическое производство этого времени в Согде (5 объектов) и Парфиене (6). На территории среднего и нижнего течения Сырдарьи и в Фергане гончарные производства указанного периода практически не исследованы. Все учтенные объекты различны по размерам и объему производства, а также по месту расположения относительно населенного пункта. По этим признакам можно выделить несколько типов памятников.

Ремесленные гончарные поселения (1-й тип) – наиболее крупные по объему производства – от 15 до 40 обжигательных горнов. Это рассредоточенные неукрепленные поселения, где практически около каждой усадьбы располагались обжигательные горны. К этому типу относятся Нурумское поселение в левобережном Хорезме, поселение к северу от Бабиш-мулла 1 (рис. 2, Б), Джин-депе в Маргиане, а также, по всей видимости, Алтын 3 в Бактрии. Самые ранние из них – Алтын 3 и Бабиш-Мулла 1 датируются серединой – второй половиной I тыс. до н.э. Нурумское поселение и Джин-депе – первыми веками до н.э. – первыми веками н.э.

Наиболее изученным среди перечисленных является Нурумское поселение, занимавшее центральную часть небольшого одноименного оазиса (рис. 2, А).

Основным занятием жителей поселения, помимо земледелия, было гончарное производство. Здесь зафиксировано не менее 40 обжигательных горнов; 9 из них раскопаны. Отдельно стоящих мастерских не выявлено, но рядом с горнами обнаружены следы навесов и рабочие площадки (рис. 3, А). Вероятно, при благоприятных погодных условиях здесь формовались крупные сосуды. По этнографическим данным в Хорезме крупные сосуды, а также тонуры-печи для лепешек делали на улице (Екимова, 1959. С. 347–350). Видимо, такая же ситуация была и в древности – в теплое время года

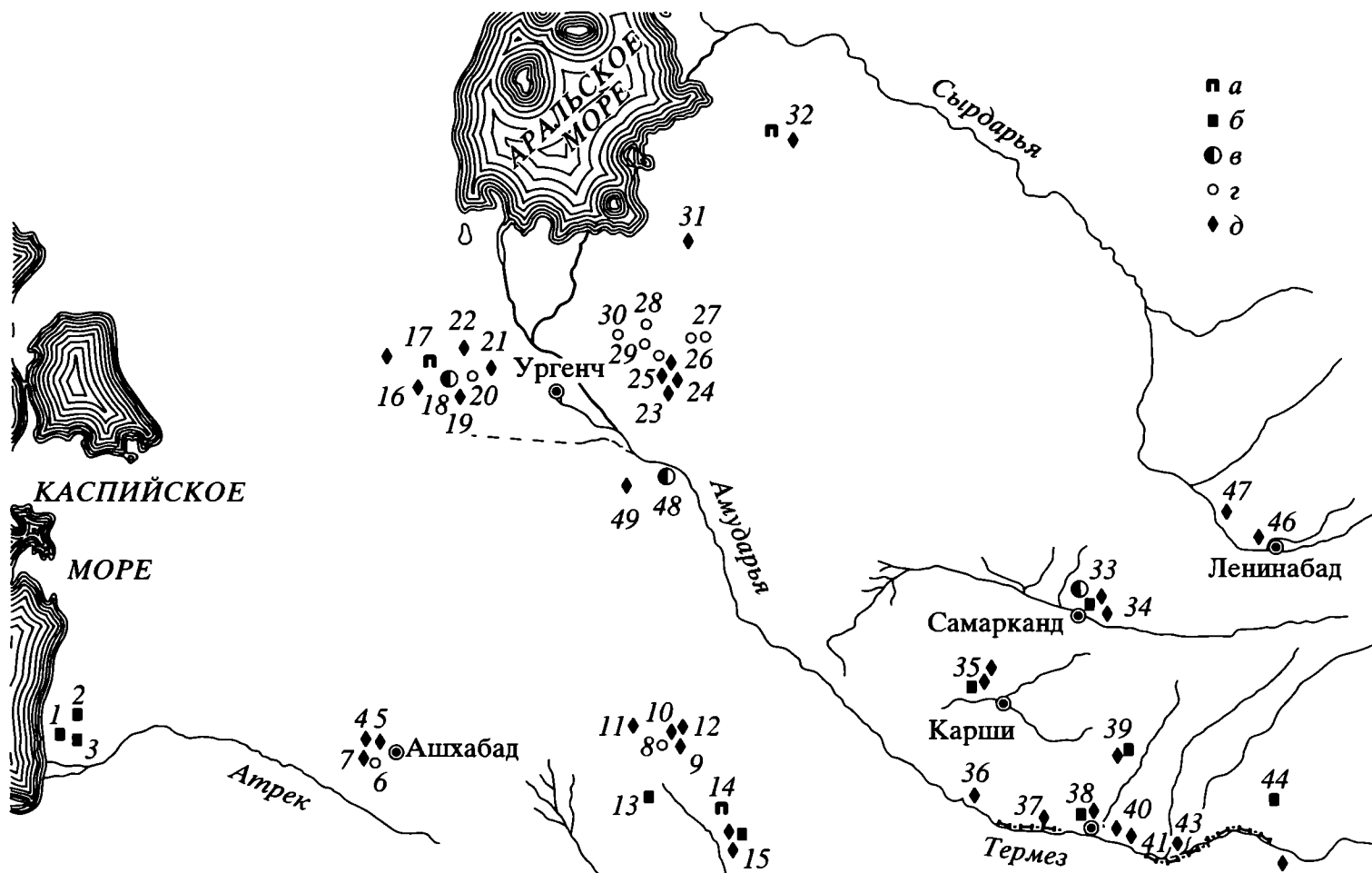

Рис. 1. Керамические производства на территории Средней Азии. а – ремесленные поселения; б – гончарные кварталы; в – крупные производственные центры; г – производственные центры; д – отдельные гончарные мастерские.

посуда формовалась на улице, недалеко от дома, рядом с горнами, а зимой сосуды изготавливали в помещении усадьбы. В данном случае можно говорить об одной из форм гончарного производства, выявленной А.А. Бобринским по археологическим и этнографическим данным на территории Восточной Европы. Это – постоянное или непостоянное рабочее место в одном из помещений жилого дома и нетрадиционное обжиговое устройство (горн, находящийся рядом с домом). Такая форма гончарного производства фиксирует переход от работы на заказ и для собственных хозяйственных нужд к работе на рынок (1989. С. 12–20).

Общая площадь раскопанной на Нурумском поселении усадьбы составляет 616 м². Площадь жилых помещений – 155 м². Приблизительно такими же были размеры домов на Джанбаскалинском поселении в правобережном Хорезме. По мнению Е.Е. Неразика, в таком доме могли проживать 7–10 человек (1979. С. 45). Материалы, полученные на Джанбаскалинском поселении, дали основание предполагать, что его населяли люди примерно одного уровня состоятельности, очевидно свободные общинники (Неразик, 1987. С. 78). То же самое можно сказать и о Нурумском поселении, с той лишь разницей, что на Джанбаскалинском поселении жили земледельцы, а на Нурумском, в основ-

ном, профессионалы ремесленники, сочетавшие ремесло с земледелием. На Джанбаскалинском поселении во владение одного домохозяйства входили земельный надел, виноградник, оросительное устройство (Неразик, 1987. С. 16). По сведениям иранских и индийских источников, недвижимость родственной агнатической группы составляли дом, поле, роща, колодец, оросительный канал (Неразик, 1979. С. 43). Если предполагать, что на Нурумском поселении жили свободные общинники, имеющие во владении земельные наделы, на территории которых находились обжигательные горны, то следует признать, что в состав домовладения входила керамическая мастерская. В этом случае каждую усадьбу на Нурумском поселении можно считать жилищно-производственным комплексом, включающим в себя земельный надел, дом, хозяйственные постройки и ремесленное производство (рис. 3, Б).

Наличие на Нурумском поселении следов других производств, помимо гончарного (Вайнберг, Болелов, 1999. С. 46–61), дает основание полагать, что оно было небольшим торгово-ремесленным центром – “торговым селением”. Такие поселения – “базары” существовали на территории Хорезма много позднее, во времена Хивинского ханства. В них был дом правителя – хакима, а также ремес-

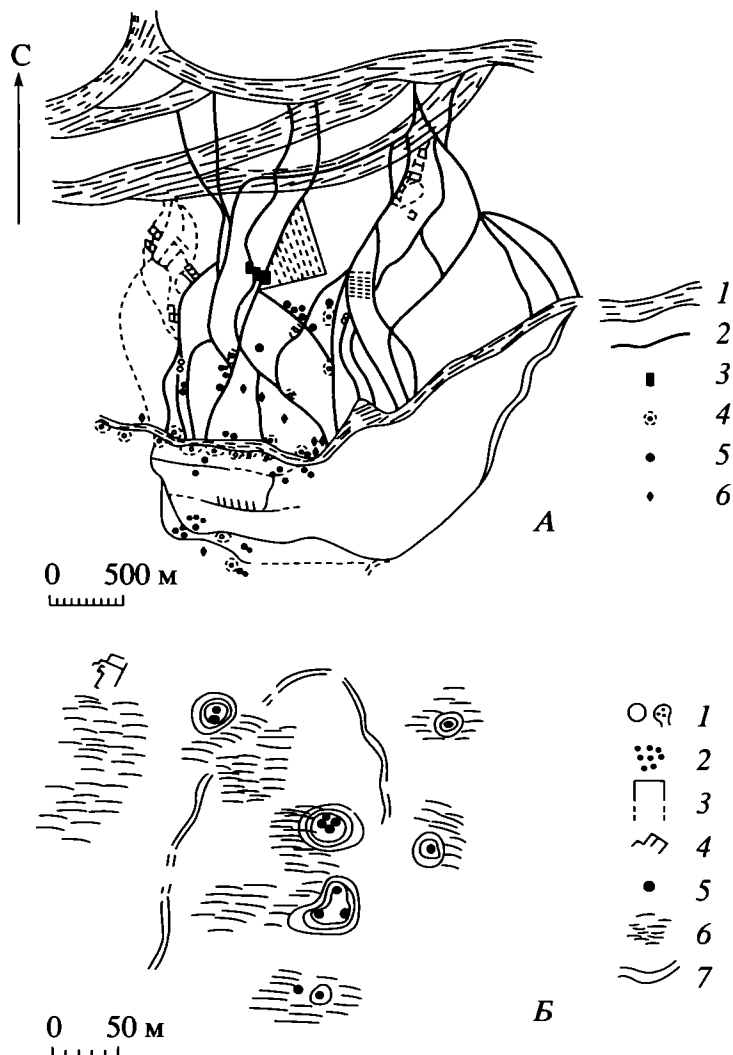

Рис. 2. Ремесленные гончарные поселения. Нурумский оазис и поселение гончаров к северу от городища Бабиш-Мулла. А – Нурумский оазис: 1 – русло; 2 – каналы; 3 – центральные усадьбы; 4 – усадьбы; 5 – горны; 6 – винодавили. Б – поселение гончаров к северу от городища Бабиш-Мулла: 1 – горны; 2 – скопления керамики; 3 – следы построек; 4 – усадьбы; 5 – горны; 6 – керамический шлак, керамика; 7 – русла.

ленные производства и торговые лавки. Эти поселения снабжали товарами не только туркмен, живших на близлежащих землях, но и кочевников из отдаленных районов (Вайнберг, 1961. С. 17, 18).

Раскопки проводились также на территории поселения Джин-депе в Маргиане. Общая площадь поселения около 3 км². Здесь было не менее 15 обжигательных горнов (Древнейшие государства..., 1985. С. 378. Табл. ХС, 7). Его планировка обнаруживает определенное сходство с Нурумским. В центре возвышался бугор (дом правителя?), а вокруг располагались “кварталы” (возможно, крупные усадьбы – Б.С.). Один из жилых массивов был частично раскопан. Он включал в себя три домовладения. К двум из них относятся обжигательные горны, бывшие, видимо, собственностью домовладельца (Кошеленко, 1966. С. 78–81).

Приведенные данные позволяют предположить, что в ремесленных поселениях проживали свободные общинники-ремесленники, обладав-

шие собственностью на землю и средства производства. На других ремесленных поселениях раскопки не проводились, но их планировочная схема, например поселения к северу от городища Бабиш-Мулла 1 (рис. 2, Б), дает основание считать, что по своей структуре они близки поселениям описанным выше.

Объекты 1-го типа расположены на окраине земледельческих оазисов, в зоне расселения скотоводов, для которых, надо полагать, и предназначалась их продукция (Кошеленко, 1966. С. 73; Болелов, 1997. С. 69). К их возникновению могла быть причастна государственная власть. Можно провести параллель между ремесленными поселениями Средней Азии и поселениями в окрестностях Ниппура V в. до н.э., где ремесленники были наделены землей из государственных фондов, распределены на артели (*hatru*) и отбывали государственные повинности за право пользования землей (Дандамаев, 1974. С. 180, 181). Возможно, часть земельных наделов ремесленников была в частной собственности, как, например, в византийском Египте (Фихман, 1965. С. 73–75).

Гончарные кварталы (2-й тип). Этот тип памятников зафиксирован на большинстве крупных городищ в южных областях Средней Азии. Они располагались на территории города, в пределах крепостных стен. Гончарные кварталы изучены на городищах Дальверзин-тепе в северной Бактрии и Еркурган в Согде. Они были на городищах Саксанохур и Зар-тепе (Пидаев, 1988. С. 34) в северной Бактрии, а также на Афрасиабе (Шарахимов, 1977. С. 115) и Мерве (Филанович, 1974. С. 21–23; Ахраров, Усманова, 1980. С. 49–56). Гончарный квартал занимал участок городища, где в условиях плотной городской застройки располагались мастерские, горны и жилые помещения.

На Дальверзин-тепе квартал керамистов находился в южной части городища. Здесь раскопан жилищно-производственный комплекс, а рядом с ним 4 обжигательных горна. Всего на Дальверзин-тепе раскопано 11 обжигательных горнов I–II вв. н.э. (рис. 4) (Пугаченкова и др., 1978. С. 125–130). В северо-западной части квартала открыт небольшой храм Бактрийской богини, который можно трактовать как кварталное святилище (Пугаченкова, 1981. С. 112–117).

На городище Еркурган остатки гончарного производства выявлены на четырех раскопах в восточной части городища. Квартал керамистов существовал в этой части города с первых веков до н.э. и вплоть до эпохи раннего средневековья. Горны располагались в одном из помещений или в небольшом дворике отдельного домовладения – жилищно-производственного комплекса (Исамиддинов, Хасанов, 2000. С. 60–106). В южной части квартала выявлен участок, отделенный общей стеной от остальной части города (Исамиддинов, Раимкулов, 1991. С. 123–132).

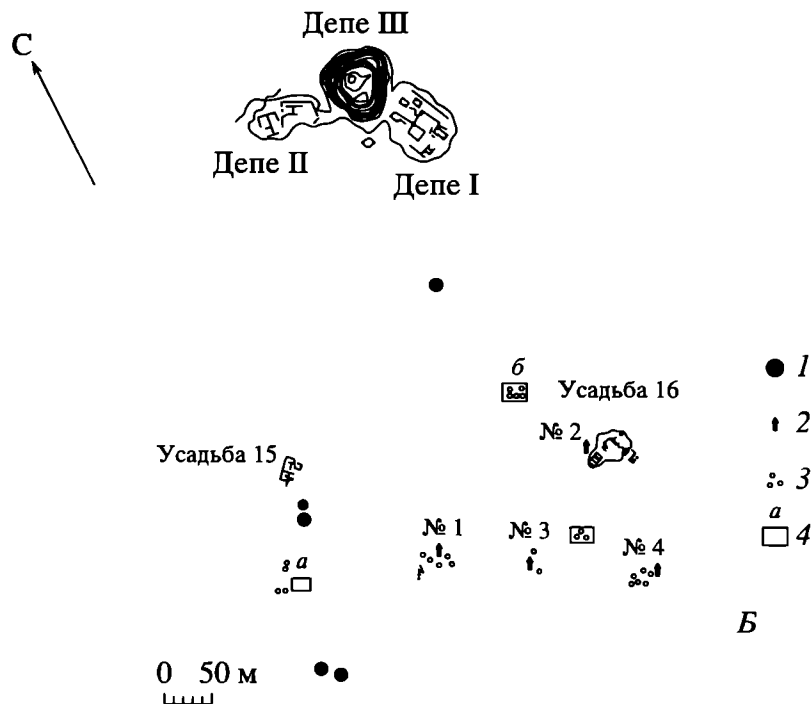
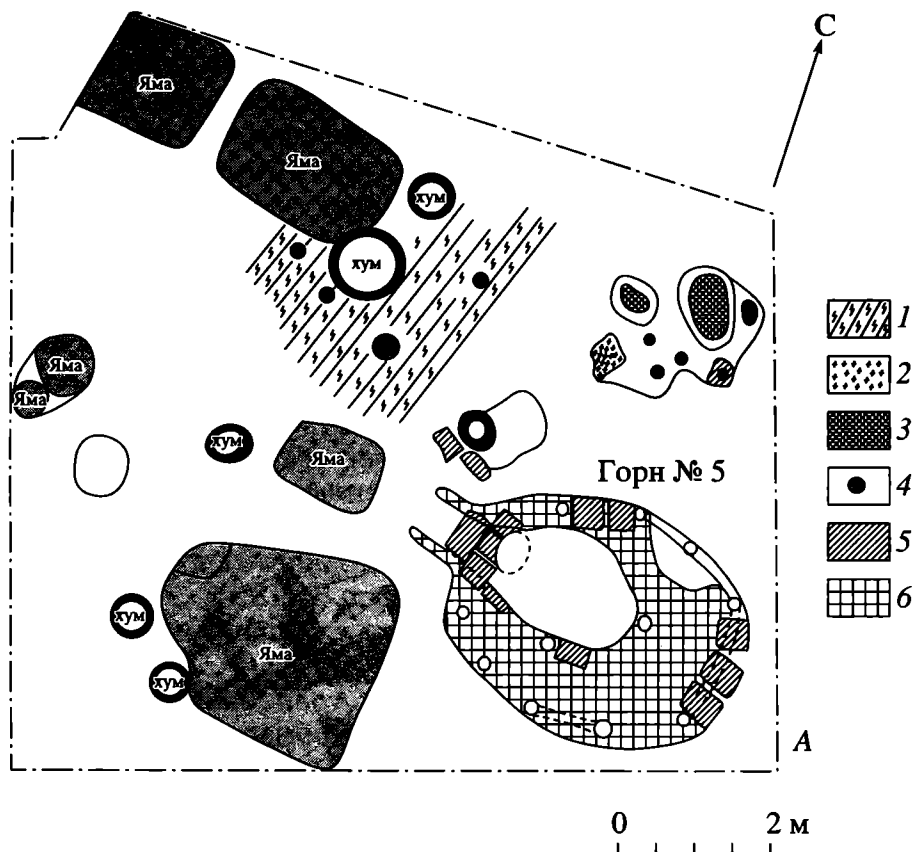

Рис. 3. Нурумское поселение. А – горн № 5 Нурумского поселения: 1 – разрушенная кладка сырцовых кирпичей; 2 – пережженный гипс; 3 – зольники; 4 – столбовая ямка; 5 – сырцовые кирпичи; 6 – прокаленная поверхность пода обжигательной камеры. Б – план центральной части Нурумского поселения: 1 – обжигательный горн; 2 – винодавильня; 3 – стационарно установленные хумы; 4 – отдельные небольшие постройки.

На городище Саксанохур в южном Таджикистане, на территории квартала керамистов, функционировавшего на протяжении всего периода жизни городища, открыты два жилищно-производственных комплекса и 9 обжигательных горнов. Хозяйственные помещения были небольшо-

ми – 2,4 × 1,8 м; жилые – несколько больше – 4 × 3 м (Мухитдинов, 1968. С. 28–35).

На территории Мерва и Афрасиаба широкомасштабных исследований гончарных кварталов эпохи античности не проводилось, но существовавшие керамического производства в определенной

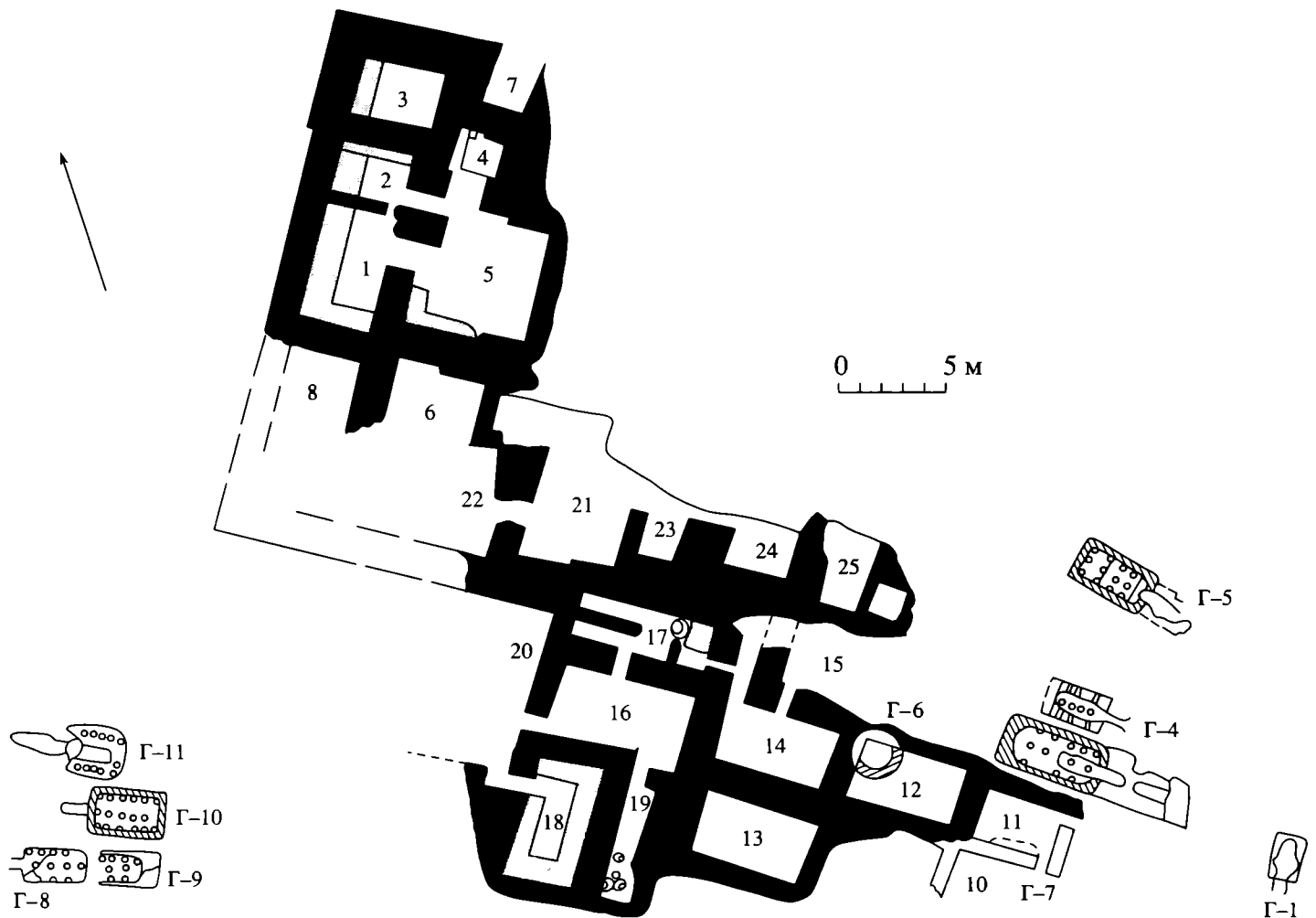

Рис. 4. Квартал керамистов на Дальверзин-тепе.

части городища в этот период установлено точно по материалам шурфов и зачисток.

Исследователями истории и археологии Средней Азии не раз поднимался вопрос о времени возникновения ремесленных организаций или цехов на территории Среднего Востока. Большинство исследователей относит их формирование к эпохе развитого средневековья. Подробные известия о них датируются не ранее XIII–XIV вв. н.э. (Беленицкий, 1940. С. 43–47; Лунина, 1962. С. 406, 407; Белова, 1995. С. 181). Однако в письменных источниках содержатся данные, свидетельствующие о существовании организаций ремесленников и в значительно более раннее время.

В Индии организации ремесленников – *шрени*, состоявшие из людей разного социального и имущественного статуса, но занимавшихся определенным производством, существовали уже в середине I тыс. до н.э. Их созданию способствовали локализация ремесел и существование наследственных профессий (Бонгард-Левин, Ильин, 1985. С. 287). Взаимоотношения между членами корпораций регулировались существующим законодательством, а внутри была определенная иерархия (Литвинский, Седов, 1983. С. 133, 134).

По документам нововавилонского и ахеменидского периодов из Месопотамии известны свободные ремесленники, работавшие по договору и получавшие за работу плату (*idu*) деньгами и продовольствием. Царские ремесленники упоминаются лишь в немногочисленных текстах (Дандамаев, 1974. С. 178, 179). Существует точка зрения, что уже в это время ремесленники были объединены в автономные корпорации (Mendelsohn, 1940. С. 68–72; Weisberg, 1967. С. 99–103). Более распространенным является мнение, что объединения ремесленников состояли из зависимых государственных работников (Дандамаев, 1974. С. 175; 2004. С. 69–80). На территории Ирана эпохи Ахеменидов известны лишь царские ремесленники, которые находились под строгим контролем государства (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 185). В источниках упоминаются мастерские по производству посуды, оружия и одежды в Сузах, корабельные верфи и мастерские по производству посуды в Египте (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 184). Мастерские по производству царской посуды открыты в Вавилоне (Strommberger, 1967. С. 41).

В государстве Селевкидов существовали фискальные службы, которые собирали налог с ре-

месленников. В Персии, наряду с налогом, который платила община, сатрапы собирали на свои собственные нужды налоги непосредственно с подданных, в том числе налоги с ремесленников (Бинкерман, 1985. С. 104). В Парфянском государстве налоги на ремесло входили в систему “царских налогов” (Луконин, 1987. С. 149). Видимо, во всех этих документах идет речь о свободных или лишь в какой-то степени зависимых от государственной власти ремесленниках, но не говорится об организации, объединявшей людей по профессиональному признаку.

Данные об автономных ремесленных корпорациях в Иране относятся ко времени правления Сасанидов. В пехлевийских текстах говорится о различных группах ремесленников, у которых было 16 храмов огня (Касумова, 1983. С. 80, 81). В протоколах несторианских соборов упоминаются старшины ремесленных объединений. Анализ терминов, зафиксированных в источниках, дает основания полагать, что это были ремесленные корпорации, внутри которых существовала своя иерархия (Тревер, 1967. С. 157–160). Каждая отрасль ремесленного производства в городе имела свой рынок. Представители одинаковых профессий объединялись в производственные объединения – профессионально-цеховые организации со своими уставами. Выработывались условия работы и условия оплаты труда (Пигулевская, 1956. С. 219–225; Солодухо, 1963. С. 160–164).

В Иране VI–VII вв. были и царские ремесленники. В документах помимо “главы земледельцев” упоминается “глава ремесленников”, который, по видимому, ведал царскими мастерскими (Тревер, 1967. С. 159; Луконин, 1987. С. 143). Аналогичная ситуация зафиксирована в Египте IV – первой половины VII в. по текстам папирусов из Оксинирха (Фихман, 1965. С. 90).

Таким образом, по данным письменных источников, можно говорить о том, что в эпоху раннего средневековья и в Иране, и в Византии наряду с государственными мастерскими существовали автономные ремесленные корпорации.

В письменных источниках по областям Средней Азии таких данных нет. Вместе с тем некоторые исследователи считают возможным существование в этом регионе корпораций ремесленников уже в кушанское время, подчеркивая при этом, что степень их “оформленности” была ниже, чем в Индии (Литвинский, Седов, 1983. С. 135).

Археологические данные косвенно свидетельствуют в пользу такого предположения. Об определенной обособленности и организационной самостоятельности свидетельствует наличие на Дальверзин-тепе квартального храма, а на Еркургане небольших святилищ и общеквартальной внешней стены. О наличии у ремесленников своих храмов в более позднее время прямо говорят при-

водившиеся выше сведения пехлевийских “Риваятов” (Касумова, 1983. С. 80).

Социальный статус людей, проживавших и работавших в кварталах керамистов в древности, остается неизвестным. Они могли быть как свободными ремесленниками, работающими на рынок, так и зависимыми, в первую очередь удовлетворяющими потребности правителя.

Гончарные кварталы зафиксированы только в южных, наиболее урбанизированных областях Средней Азии – Бактрии, Маргиане и Согде, где город являлся ремесленным и торговым центром сельскохозяйственной округи (Литвинский, 1981. С. 121; Болелов, 2001. С. 24). Этот тип гончарного производства является традиционным, особенно для южного Туркменистана, где в конце III – начале II тыс. до н.э. специализированное гончарное ремесло окончательно отделяется от земледелия. В структуре крупного городского центра (Алтын-депе) выделяется квартал керамистов – планомерное воплощение функции города как ремесленного центра (Масимов, 1976. С. 90; Массон, 1976. С. 66–70). На территории Бактрии, где крупных протогородских центров эпохи бронзы не обнаружено, а население проживало в укрепленных общинных поселках, гончарные кварталы не выделяются (Аскарлов, 1977. С. 130–134). Возможно, они появляются здесь не ранее конца II – первой трети I тыс. до н.э., когда в Бактрии возникают городские центры с цитаделью типа Алтын 1, Алтын-Диляр-тепе, Кызыл-тепе, Джаркурган (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 29).

В областях, где процессы урбанизации проходили не столь интенсивно и преобладало сельское население, например, Хорезм второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э., гончарных кварталов в городах пока не зафиксировано (Неразик, 1981. С. 222; Болелов, 1997. С. 66, 67). Единственный обжигательный горн, располагавшийся в пределах городских стен, был открыт в Хазараспе, но размеры этого производства неясны, и преждевременно говорить о существовании здесь квартала керамистов (Воробьева и др., 1963. С. 168–170). Однако до проведения полномасштабных археологических раскопок крупных городских центров в южном Хорезме нельзя говорить и о полном отсутствии на территории области гончарных кварталов. В то же время, в северных районах, где городища, наряду с сельскими поселениями, изучены лучше (Городище Топрак-кала, 1981. С. 138, 139), на территории города (Топрак-кала, Куня-Уаз) они не зафиксированы.

Производственные центры (3-й тип) – компактная группа горнов от 5 до 15. По месту расположения относительно поселения можно выделить два варианта этого типа памятников: а) производственные центры, вынесенные за пределы поселения на значительное расстояние; б) – группа

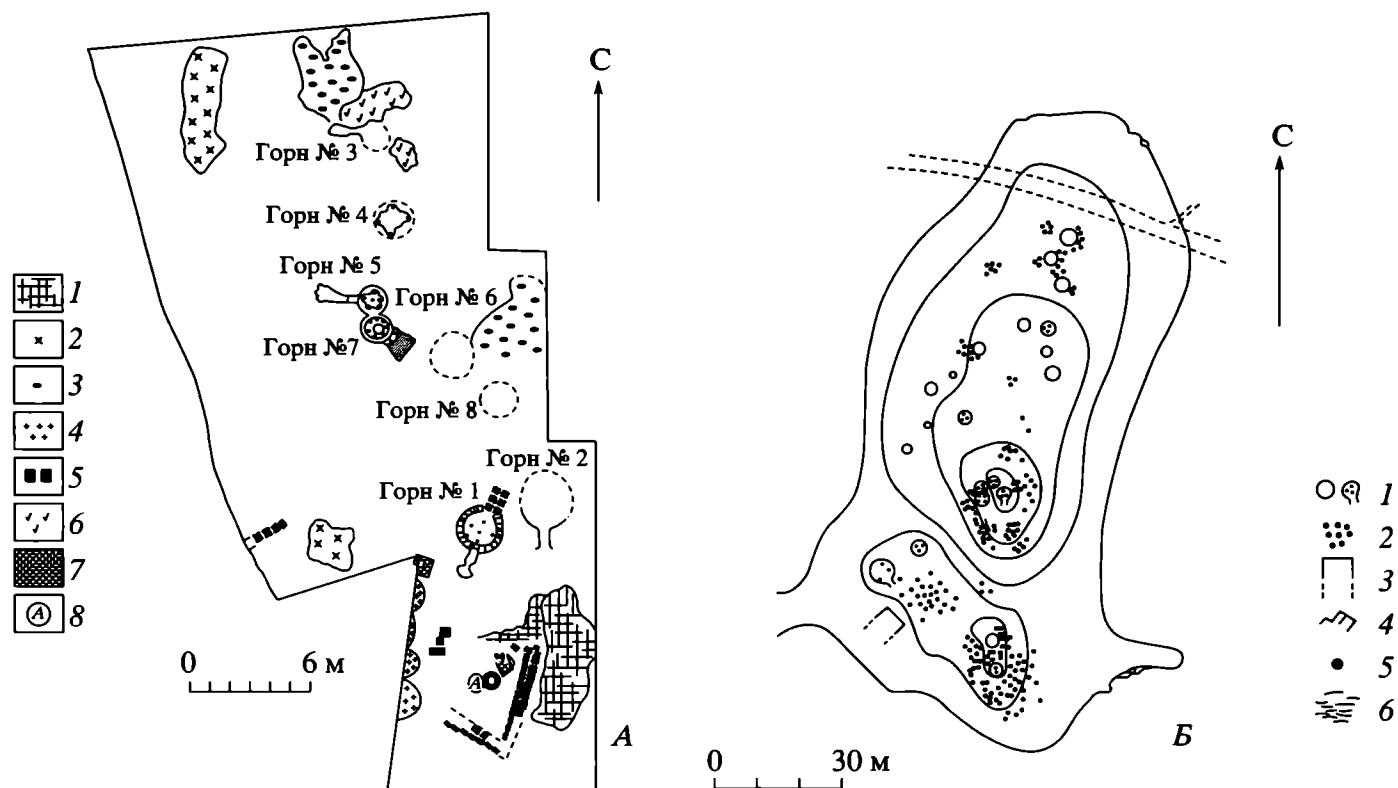

Рис. 5. Производственные центры на территории Хорезма: городища Кюзели-гыр и окрестности замка Якки-Парсан. А – Производственный центр Кюзели-гыр: 1 – деструктурированный сырцовый кирпич; 2 – скопление золы серого цвета; 3 – отвалы бракованной керамики; 4 – ямы с пережженным гипсом; 5 – сырцовый кирпич; 6 – скопления фрагментов терракот; 7 – прокаленная до красна глина (очаги); 8 – нижняя часть необожженного сосуда. Б – Производственный центр в окрестностях Якке-Парсана: 1 – горны; 2 – скопление керамики; 3 – следы построек; 4 – усадьбы; 5 – горны; 6 – керамический шлак, керамика.

горнов, расположенная на краю поселения, но вне пределов жилой застройки.

Этот тип производства чаще встречается в сельскохозяйственных районах. Наибольшее количество объектов зафиксировано в Хорезме (9), известны они и в других областях (северное Уч-депе в Маргиане, Ак-тепе и Хатын-Рабат в Бактрии, Гаш-депе в Парфии).

Для Хорезма характерен только первый вариант. В большей степени изучен производственный центр Кюзели-гыр (IV–II вв до н.э.). Он включал в себя 8 обжигательных горнов с рабочими площадками около них и небольшую мастерскую. Здесь же, рядом с мастерской находились производственные очаги и ямы с пережженным гипсом (рис. 5, А). Никаких жилых построек этого же периода рядом не зафиксировано (Воробьева, 1959. С. 200–201). Аналогичная ситуация зафиксирована и на других производственных центрах (рис. 5, Б) (Воробьева, 1961. С. 149. Рис. 1; Неразик, 1968. С. 55). Они располагались на берегах каналов или русловых протоков вне поселений, в пределах освоенных ирригационных районов. Надо полагать, производства работали не постоянно, а во время определенного сезона.

Это были крупные мастерские, в которых трудились коллективы ремесленников – артели, производившие продукцию как на заказ, так и на ры-

нок, обслуживавшие население ирригационного района. Производство глиняной посуды на заказ во время определенного сезона, как можно предполагать, широко было распространено в древности. В одном из папирусов Оксинирха гончар, подтверждая получение платы за 1224 кувшина, обязуется поставить (читай изготовить) их в установленный срок, к сбору винограда (Фихман, 1965. С. 90).

Сезонный характер гончарного производства явление достаточно распространенное и универсальное. Следы временных гончарных мастерских II–IV вв н.э. зафиксированы в Поднепровье, на поселениях черняховской культуры. По данным этнографии, выделяются временные и постоянные сезонные производства. Организаторы временных сезонных производств перемещаются из района своего постоянного местожительства в район обитания непосредственных потребителей их посуды. Постоянные сезонные производства рассчитаны исключительно на местного потребителя. Они создавались в рамках долговременных поселений (Бобринский, 1991. С. 86, 87).

Производственные центры в Хорезме можно отнести к категории сезонных производств, которым, однако, присущи некоторые черты постоянных. Они создавались неподалеку от жилых поселений, существовавших не один десяток лет; вслед-

ствие чего можно предполагать, что они работали в течение нескольких сезонов. Кроме того, вряд ли хорезмийский обжигательный горн функционировал один-два сезона. Это достаточно сложное строительное сооружение, существовавшее довольно долго, о чем свидетельствуют следы многочисленных ремонтов.

Временные сезонные гончарные производства существовали в Средней Азии и много позже. В конце XIX в. в отдаленные селения Ташкентского оазиса, обычно в летнее время, выезжали мастера и на месте делали и обжигали посуду (Пещерева, 1959. С. 164; Неразик, 1976. С. 217).

В южных земледельческих областях Средней Азии производственные центры располагались на окраинах неукрепленных поселений. Типичным примером является Северное Уч-депе в Маргиане (середина I тыс. до н.э.), где на расстоянии 200–300 м от центрального бугра поселения зафиксированы две компактные группы горнов. Судя по микрорельефу поселения, рядом с ними были какие-то постройки (Массон, 1959, С. 83). Аналогичное производство, но более позднего времени – не ранее III–IV вв. н.э., выявлено на поселении Гаш-депе в Парфиене (Губаев, Кошеленко, 1968. С. 37–41).

В северной Бактрии известно два производственных центра. Торгово-ремесленное поселение Хатын-Рабат (первые века до н.э. – первые века н.э.), где функционировало крупное гончарное производство, находилось неподалеку от Термеза (Пугаченкова, 1968. С. 31).

Еще один производственный центр, где раскопано три горна, располагался в 300–350 м от поселения Ак-тепе II (IV–V вв. н.э.) в Бишкентской долине (Кобадиян). Мастерские находились рядом с горнами (Седов, 1987. С. 113).

Наличие рядом с горнами и в том, и в другом случае жилых зданий дает основание предполагать, что производство работало на постоянной основе.

По масштабам производства эти два центра вполне сопоставимы, но, как представляется, выполняли различные функции в экономической системе земледельческих оазисов. Хатын-рабат, видимо, являлся торгово-ремесленным центром для близлежащих земледельческих поселений в округе Термеза.

К северу от Ак-тепе II находятся крупные курганные могильники – Тулхарский и Аруктаусский (Литвинский, Седов, 1984. С. 5), оставленные скотоводческим населением. Это дает основание считать, что производственный центр Ак-тепе II удовлетворял потребности не только жителей окрестных поселений (Седов, 1987. С. 113), но и снабжал керамикой скотоводов.

Два производственных центра располагались около культовых центров. Кюзели-гыр находится

в 7 км к северо-востоку от культового центра Калалы-гыр 2. Доказательством того, что продукция Кюзели-гыр вывозилась на Калалы-гыр 2, являются находки на том и другом памятнике терракотовых статуэток, отгиснутых в одной форме (Воробьева, 1959. С. 203). Производственный центр III – начала IV в. н.э. открыт в 150 м от буддийского культового центра Кара-тепе в Старом Термезе (Пидаев, Като Кюдзо, 2003. С. 133). Небольшое керамическое производство вместе с кирпичеобжигательной печью раскопано на поселении Айртам, неподалеку от буддийского храма (Тургунов, 1973. С. 59, 63). Совсем не обязательно, что эти производства являлись частью храмового хозяйства. Возможно, посудой, изготовленной на Кюзели-гыр, пользовались во время ритуальных праздников, проходивших на Калалы-гыр 2, а керамические производства на Кара-тепе и Айртаме обслуживали паломников. Работали здесь, надо полагать, свободные ремесленники, приглашенные или нанятые храмовой администрацией. Подобная практика существовала на Востоке и ранее. В Месопотамии, в позднеавилонский период, храмы располагали небольшим числом своих рабов-ремесленников, и храмовая администрация постоянно обращалась к свободному ремесленному труду (Дандамаев, 1974. С. 177, 178).

Несколько особняком, в первую очередь по объему производства – 20 горнов и более, в ряду памятников 3-го типа стоят крупные производственные центры, такие как Сары-тепе 2 в 8 км от Афрасиаба, Хумбуз-тепе в южном Хорезме и Гяур-кала в Присаракамышской дельте.

Гяур-кала расположена неподалеку от Нурумского оазиса (Неразик, 1976. С. 17). По-видимому, эти керамические производства работали в один и тот же период времени и выполняли схожие функции – снабжали посудой кочевников на северо-западных границах государства.

Возможно, несколько другие функции выполняли производственные центры середины I тыс. до н.э. Сары-тепе 2 и Хумбуз-тепе.

Сары-тепе 2 занимает площадь 3 га. Здесь зафиксировано 20 обжигательных горнов, а также ямы с производственными отвалами (Иваницкий, 1992. С. 22, 23).

Хумбуз-тепе расположено на левом берегу Амударьи, в 17 км к востоку от Хазараспа и занимает, в настоящее время, площадь 4,6 га. Здесь зафиксированы следы 10 обжигательных горнов. Есть основания полагать, что их было больше. Рядом с раскопанным горном выявлена часть производственного помещения (Болелов, 1999. С. 85–90).

Оба памятника находятся в нескольких километрах от крупных центров обширных земледельческих областей. Возникновение этих производственных центров знаменует собой первоначаль-

ный этап становления ремесленного гончарного производства на территории Согда и Хорезма. Здесь раскопаны самые ранние на территории области двухъярусные обжигательные горны. Предполагаемые объемы производимой продукции вполне могли удовлетворять запросы весьма обширной сельскохозяйственной округи.

Есть основания предполагать, что в этих центрах работали крупные коллективы ремесленников, которые, возможно, были выходцами из областей традиционного гончарства Бактрии и Маргианы, где двухъярусный обжигательный горн сформировался в результате длительной эволюции, а гончарный круг появился уже в эпоху бронзы. Подтверждением этому является близость одного из типов горнов Сары-тепе 2 горнам производственного центра эпохи поздней бронзы Бустон-4 в Бактрии (Рахманов, 1979. С. 35–43), и почти полное сходство горна на Хумбуз-тепе с маргианскими горнами эпохи раннего железа (Болелов, 1999. С. 87).

Небольшие гончарные мастерские (4-й тип) – от одного до трех горнов, находящихся рядом с жилой постройкой в пределах усадьбы. Такие мастерские зафиксированы как в пределах города или крепости, но не на территории квартала керамистов, так и в сельской местности.

Одна мастерская первых веков н.э. раскопана в крепости Игды-кала на Узбое. Она состояла по крайней мере из двух помещений, в которых найдено большое количество уже сформованных, но не обожженных сосудов. В углу одного из помещений обнаружена подготовленная к работе глина (Юсупов, 1986. С. 170–173).

По всей видимости, небольшая мастерская существовала на цитадели Дальверзин-тепе, где раскопано два обжигательных горна, датированных греко-бактрийским временем (Akira Nogi, 2000. С. 75–78; Восковский, 2001. С. 12–14).

Часть гончарной мастерской первых веков до н.э. – первых веков н.э. открыта в северной части городища Афрасиаб. Здесь вскрыто помещение длиной 10 м, в котором обнаружены кучи промышленной глины, каменный “подшипник”, надо полагать от гончарного круга, и две глиняные формы для изготовления терракотовых статуэток. Рядом с помещением раскопан обжигательный горн (Тереножкин, 1951. С. 136–140).

Объекты 4-го типа зафиксированы и в пригородной зоне. Обжигательный горн раскопан к юго-западу от Дальверзин-тепе (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978. С. 115). Горны зафиксированы в пригородах Дильберджина (Кругликова, 1986. С. 9. Рис. 1) и Джагат-тепе (Кругликова, 2004. С. 481, 482). Мастерская III в. до н.э. полностью раскопана в пригородной зоне Кампыртепа. Она включала в себя один обжигательный горн, площадку под навесом, небольшую полуземлянку. Отсутствие ря-

дом капитальных жилых построек дает основания предполагать, что мастерская работала не постоянно, а в течение определенного сезона (рис. 6) (Болелов, 2001. С. 15–24).

В сельской местности мастерские располагались на поселениях, рядом или на территории усадьбы – поселение у юго-западного мыса Тарым-кая в левобережном Хорезме (Вайнберг, 1991. С. 44).

На поселении могло функционировать до трех таких мастерских. Так было на поселении Барактам (Толстов, 1962. С. 238. Рис. 149). Сравнительно крупная керамическая мастерская существовала на поселении IV в. н.э. Турпак-кала I (Неразик, 1976. С. 49. Рис. 24).

В мастерских, по всей видимости, работали 3–4 человека – мастер, подмастерье и 1–2 ученика. Основанием для такого предположения могут служить этнографические материалы по Хорезму. В первой трети XX в. у мастера-керамиста Таджики Палвана из кишлака Каттабаг мастерская состояла из одного помещения и расположенных рядом с ним двух обжигательных горнов. В производстве кроме самого мастера были заняты еще три человека (Екимова, 1959. С. 349).

Керамические мастерские 4-го типа были распространены на протяжении всего изучаемого периода – с VI–IV вв. до н.э. по III–IV вв. н.э. Возможно, мастерские обслуживали одно или несколько поселений, находящихся неподалеку друг от друга. В данном случае речь не может идти о развитом товарном керамическом производстве, поскольку рынок был ограничен пределами этих поселений. Эту форму гончарного производства можно квалифицировать как общинное ремесло и первоначальную ступень развития гончарного ремесла в Средней Азии, когда возникает товарное обращение гончарных изделий.

Общинное ремесло, как этап развития производства, фиксируется уже у раннеземледельческих племен Малой Азии и Среднего Востока, когда появляются мастера-ремесленники, обслуживавшие потребности всех членов общины (Массон, 1976. С. 62–64). Эта форма производства оставалась наиболее устойчивой и неизменной по части организации на протяжении всего рассматриваемого в статье периода не только на территории Средней Азии, но и в других областях Древнего Востока.

В эпоху эллинизма в сельских общинах Малой Азии гончарные изделия производились на месте. Каждая деревня имела своих доморощенных мастеров, работающих на внутренний рынок. В этих же селениях жили лица, трудившиеся за плату и не являвшиеся членами общины (Голубцова, 1972).

В государстве Крорайна, в Восточном Туркестане, ремесленники также не выделялись из среды крестьянства. Они имели свои участки земли и платили налоги (Воробьева-Десятовская, 1992. С. 105).

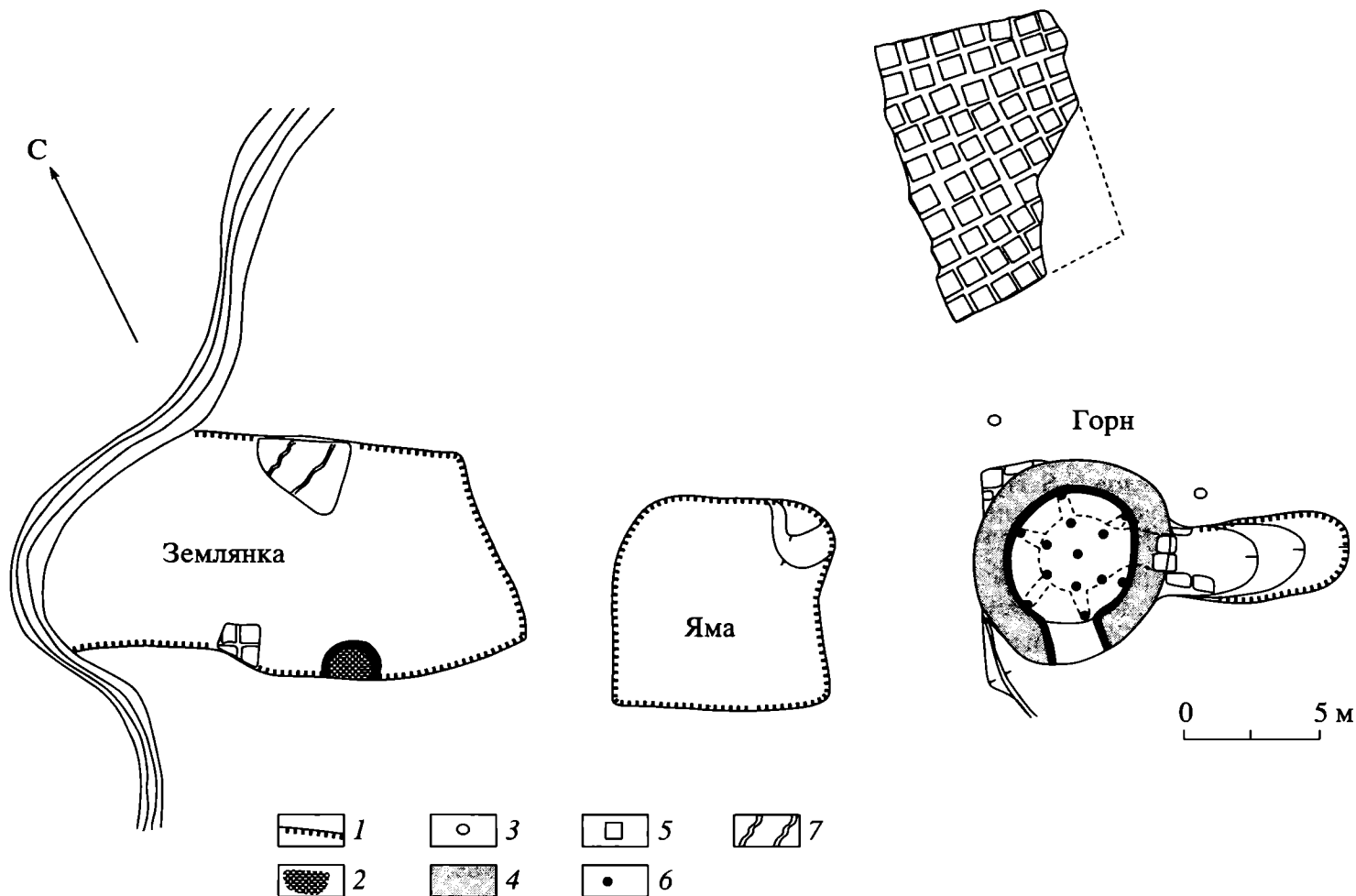

Рис. 6. Гончарная мастерская в пригороде Кампыртапа: 1 – борт котлована, вырубленного в материке; 2 – зольник; 3 – столбовая ямка; 4 – кирпичные стены обжигательной камеры; 5 – сырцовый кирпич; 6 – продухи; 7 – пахса.

Таким образом, в изучаемый период на территории Средней Азии сосуществовали различные организационные формы ремесленного производства, являвшегося частью экономической структуры историко-культурной области, где преобладал тот или иной тип, в зависимости от специфики ее хозяйственной системы. В этом контексте Бактрию и Хорезм можно рассматривать как два полюса. С одной стороны Бактрия, урбанизированная область Средней Азии, где основное ремесленное производство сосредоточено в городах, в кварталах керамистов. С другой стороны, Хорезм – аграрная страна, где гончарное производство было вынесено в сельскую местность, поближе к потребителю.

На протяжении всего изучаемого периода, как в городах, так и в сельской местности, широко было распространено и общинное ремесло, работавшее как на постоянной, так и временной основе.

Помимо экономического фактора в системе размещения гончарных производств на территории Средней Азии определенную роль играл и политический фактор. Размещение крупных керамических производств на границах земледельческих оазисов, в Хорезме и Маргиане, вполне возможно связать с протекционистской политикой государ-

ственной власти по отношению к скотоводческим племенам, расселявшимся на окраинах государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

Ахраров И.А., Усманова З.И. Керамическая печь позднеантичного времени // Тр. ЮТАКЭ. Т. XVII. Ашхабад, 1980.

Беленицкий А.М. Организация ремесла в Самарканде XV–XVI вв. // КСИИМК. Вып. VI. М.; Л., 1940.

Белова Н.К. Традиционный город в Иране и его эволюция // Город как социальное культурное явление исторического процесса. М., 1995.

Бинкерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.

Бобринский А.А. Методика изучения организационных форм гончарных производств // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.

Бобринский А.А. Гончарные мастерские и гончарные горны Восточной Европы (по материалам II–V вв.) М., 1991.

Болелов С.Б. Гончарство Древнего Хорезма: формы организации ремесла (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) // ЭО. 1997. № 2.

- Болелов С.Б.* Некоторые итоги археологических работ на Хумбузтепе // ОНУ. 1999. № 9–10.
- Болелов С.Б.* Гончарная мастерская III–II вв. до н.э. на Кампыртепа (К вопросу о керамическом производстве и организации ремесла в Северной Бактрии эпохи эллинизма) // МТЭ. Вып. 2. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2001.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. М., 1985.
- Вайнберг Б.И.* Поздние туркменские поселения и жилища земель “древнего орошения” левобережного Хорезма. АКД. М., 1961.
- Вайнберг Б.И.* Изучение памятников Присаракамьшской дельты Амударьи в 70-х – 80-х гг. // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. М., 1991.
- Вайнберг Б.И., Болелов С.Б.* Нурумский оазис на западе Хорезма // Культурные ценности. Международный ежегодник. 1997–1998. СПб., 1999.
- Воробьева М.Г.* Керамика Хорезма античного периода // Тр. ХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
- Воробьева М.Г.* Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана // Матер. к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л., 1961.
- Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е.* Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // МХЭ. Вып. 6. М., 1963.
- Воробьева-Десятовская М.В.* Индийцы // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.
- Восковский А.А.* Керамические печи греко-бактрийского времени на цитадели Дальверзинтепа // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001.
- Голубцова Е.С.* Сельская община Малой Азии. М., 1972.
- Городище Топрак-кала* // Тр. ХАЭЭ. Т. XII. М., 1981.
- Губаев А., Кошеленко Г.А.* Изучение античных и раннесредневековых памятников // КД. Вып. 1. Ашхабад, 1968.
- Дандамаев М.А.* Рабство в Вавилонии. М., 1974.
- Дандамаев М.А.* Нововавилонское общество и экономика // Государство на Древнем Востоке. М., 2004.
- Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии.* Археология СССР. М., 1985.
- Екимова В.В.* Гончарное производство в Хивинском районе // Тр. ХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
- Иваницкий И.Д.* Саратэбе-2 – поселение керамистов середины I тыс. до н.э. под Самаркандом // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992.
- Исамиддинов М.Х., Раимкулов А.А.* Квартал керамистов на Еркургане VI–VII вв. н.э. (Р-20) // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
- Исамиддинов М.Х., Хасанов М.Х.* История древнего и средневекового керамического производства Нахшеба. Ташкент, 2000.
- Касумова С.Ю.* Южный Азербайджан в III–VII вв. Баку, 1983.
- Кошеленко Г.А.* Культура Парфии. М., 1966.
- Кругликова И.Т.* Дильберджин. Храм Диоскуров. М., 1986.
- Кругликова И.Т.* Джагат-тепе // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.; Магнитогорск, 2004.
- Литвинский Б.А.* Кушанский город. Индийско-среднеазиатские параллели // Древний Восток и мировая культура. М., 1981.
- Литвинский Б.А., Седов А.В.* Тепай-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
- Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.
- Луконин В.Г.* Древний и средневековый Восток. М., 1987.
- Лунина С.Б.* Гончарное производство в Мерве X – нач. XIII вв. // Тр. ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.
- Масимов И.С.* Керамическое производство эпохи бронзы в южном Туркменистане. Ашхабад, 1976.
- Массон В.М.* Проблема древнего города и археологические памятники северной Бактрии // Древняя Бактрия Л., 1974.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Мухитдинов Х.* Гончарный квартал городища Саксанохур // Изв. ООИ АН Таджикской ССР. № 3 (53). Душанбе, 1968.
- Неразик Е.Е.* Новые материалы по гончарному ремеслу в древнем Хорезме // Вестн. КК ФАН АН Уз. ССР. 1968. № 2.
- Неразик Е.Е.* Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.) // Тр. ХАЭЭ. Т. IX. М., 1976.
- Неразик Е.Е.* Материалы по землепользованию в Хорезме первых веков н.э. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Неразик Е.Е.* К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Неразик Е.Е.* Археологический комплекс первых веков н.э. из Хорезма // СА. 1987. № 2.
- Неразик Е.Е.* Раннее средневековье в Хорезме // ЭО. 1997. № 1.
- Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии // Тр. ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. XLII. М., 1959.
- Пигулевская Н.Я.* Города Ирана в раннем средневековье. М., 1956.
- Пидаев Ш.Р.* Раскопки жилого комплекса в северо-западной части городища Зар-тепа // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988.
- Пидаев Ш.Р., Като Кюдзо.* Археологические исследования Узбекистано-Японской экспедиции на Каратеппе в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане 2002 г. Ташкент, 2003.
- Пугаченкова Г.А.* К изучению памятников Северной Бактрии // ОНУ. № 8. Ташкент, 1968.
- Пугаченкова Г.А.* Храм Бактрийской богини на Дальверзин-тепе // Древний Восток и мировая культура. М., 1981.

- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В.* Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории культуры. Ташкент, 1990.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др.* Дальвензиртепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1078.
- Рахманов У.* Раскопки керамических горнов культуры Сапхали на Бустане 4 // ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979.
- Седов А.В.* Кобадан на пороге раннего средневековья. М., 1987.
- Солодухо Ю.А.* Город и городское самоуправление в сасанидском Ираке (по талмудическим источникам) // Проблемы социально-экономической истории Древнего Мира. М.; Л., 1963.
- Тереножкин А.И.* Раскопки на городище Афрасиаб // КСИИМК. Т. XXXVI. М., 1951.
- Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Тревер К.В.* К вопросу о ремесленных корпорациях в Сасанидском Иране // Эллинистический Ближний Восток, Византия, Иран. М., 1967.
- Тургунов Б.А.* К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
- Филанович М.И.* Гяур-кала // Тр. ЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад, 1974.
- Фихман И.Ф.* Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV–VII вв. М., 1965.
- Шарахимов Ш.С.* К истории изучения гончарного дела на Афрасабе // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
- Юсупов Х.Ю.* Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.
- Akira Hori.* Greko-Baktrian Pottery kilns at Dal'verzin Tepe, Uzbekistan // Bulletin of the Ancient Orient Museum. V. XXI. Tokyo, 2000.
- Mendelsohn I.* Gilds in Babylonia and Assiria // JAOS. 1940. № 60.
- Strommberger E.* Gefäße aus Uruk von den neubabylonischen Zeit bis zu den Sasaniden. В., 1967
- Weisberg D.* Guild Structure and Political Allegiance in Early Achaemenid Mesopotamia. New Haven; L., 1967.

Pottery production in Central Asia: 500 BC – 500 AD (Structure and location)

S. B. Bolelov

Summary

The paper is devoted to ceramics of Central Asia of the period of a handicraft commodity manufacture. More than 70 archeological objects of the second half of the 1st mill. BC – the first half of the 1st mill. AD connected with ceramics are taken into consideration in it. The author marks out a few types of manufactures according to a volume of production as well as to location of a manufacture with regard to a settlement: handicraft ceramic settlements, town ceramic blocks, small ceramic manufactures. We can suppose that the first three types functioned as handicraft commodity manufactures, which were both constant and temporary. The last type can be connected with a communal handicraft. As a result of the analysis of the material that is available at present the author has every reason to consider that different organizational forms of handicraft ceramics, which are a part of the economical system of the concrete historical and cultural region existed in the territory of Central Asia in the pointed period. Besides the forms of the commodity handicraft manufacture the communal handicraft working on a constant as well as on a temporary base was widely spread both in towns and in countries throughout all the investigated period.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ШУРОБКУРГАНА

© 2006 г. В. С. Соловьев

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Шуробкурбан расположен на территории Муз-рабадского района Сурхандарьинской области Республики Узбекистан, в 30 км к западу от г. Термеза, у слияния рек Карасу и Амударьи. Он входит в число трех разновременных поселений, возведенных на двухкилометровом участке правого берега Амударьи, в том месте, где в древности действовали переправы. Самым ранним из них является Шортепа (V–IV вв. до н.э.), к востоку от него находится Кампыртепа (III в. до н.э. – II в. н.э.). За-мыкает цепочку памятников Шуробкурбан, состоящий из раннего укрепленного ядра (около 170 × 170 м), возведенного на высоком краю речной террасы, и более поздней неукрепленной части (около 600 × 400 м), сформировавшейся к северу и северо-западу от него. Погребальные наусы открыты за пределами поселения (рис. 1).

Впервые Шуробкурбан обследовал в 1972 г. Э.В. Ртвеладзе (1974. С. 74). В 1982 г. С.Б. Болелов раскопал жилую усадьбу, расположенную на высоком глиняном останце у восточного края поселения (Болелов, 1987. С. 31–33; 2004. С. 10–61). В конце 80-х годов П.И. Гендельман произвел шурфовку его раннего ядра (Гендельман, 2001. С. 91–108). В это же время изучались наусы (Ртвеладзе, 2004. С. 73–75). В 2002–2005 гг. автором в составе международной узбекско-российской Тохаристанской археологической экспедиции велись раскопки двух домовладений в северной части поселения. О предварительных результатах этих раскопок сообщалось ранее (Соловьев, 2004. С. 76–116). В данной статье материалы исследований публикуются более полно.

Изучаемые автором домовладения расположены между современным оросительным каналом, прорезавшим северную часть поселения с востока на запад, и автомобильной дорогой. Площадь раскопа равна 200 м², в его пределах вскрыты полностью или частично 8 помещений и двор. Помещения 1–4 относятся к первому домовладению, 5–6 и двор – ко второму домовладению (рис. 2, 1, 2).

Помещение 1 расположено в западной части раскопа. Оно имеет прямоугольную форму (3.6 × 5.9 м), вытянуто с севера на юг. Вход в него оставлен в северо-восточном углу, ширина его равна 1.05 м. Еще до организации интерьера помещения подверглось ремонту, вызванному тем, что в нем было очень сыро. Сырость активно проникала

со двора, хотя основание восточной стены снаружи предохраняла от нее пахсовая отмостка. Оно отремонтировано сырцовым кирпичом (26 × 52 × 8–9 см), поставленным на торец в один ряд, постелью к стене, с небольшим наклоном в ее сторону для устойчивости. Кладка велась на глиняном растворе. Одновременно уровень пола в южной части помещения был поднят подсыпкой, состоящей из строительных остатков; в центральной и северной частях помещения для этого использовали выстилку из сырцовых кирпичей, уложенных в два ряда на глиняном растворе. Поверхность нового пола повышалась к выходу, на него были поставлены суфы, образующие П-образную ленту. Ширина их различна: восточной – 0.65 м, западной – 0.8 м, северной – 1.3 м, высота суф равна 0.3 м. Они сложены из прямоугольного сырцового кирпича и обмазаны глино-саманной штукатуркой; горизонтальная поверхность восточной суфы была обложена обожженной плиткой. В северной части помещения на равном удалении от суф сооружен очаг, он имеет прямоугольную форму (0.73 × 0.86), высота его вместе с бортиком, идущим по краям, равна 0.2 м, высота самого бортика около 0.1 м, ширина 0.08 м. На северной суфе, напротив очага устроено из сырцового кирпича, поставленного на ребро, хранилище для домашней утвари (рис. 2, 3).

В отличие от восточной стены, разделяющей помещение 1 и двор, кладка южной и западной стен велась неаккуратно: не были соблюдены горизонтальность рядов кирпича, перевязка швов, линия стен неровная. Толщина северной и восточной стен 0.8–0.85 м, южной – 1.42 м. Сложены они из сырцового прямоугольного кирпича (25 × 50 × 10–11 см) и покрыты слоем глино-саманной штукатурки толщиной до 4 см. На полу вдоль западной стены расчищен сплошной слой сгоревшего дерева – видимо, это развалившиеся детали перекрытия. Частично слой древесного угля распространяется и вдоль южной стены. Недалеко от юго-западного угла помещения, в завале над полом найдена медная игла с отломанным ушком и бронзовая пронизь, в завале над северной суфой – медная согдийская монета Шишпира.

Помещение 1 представляло собой приемный зал, вход в него был заложен во время ремонтных работ.

Помещение 2 являлось Г-образным вестибюлем помещения 1, огибающим его с западной и се-

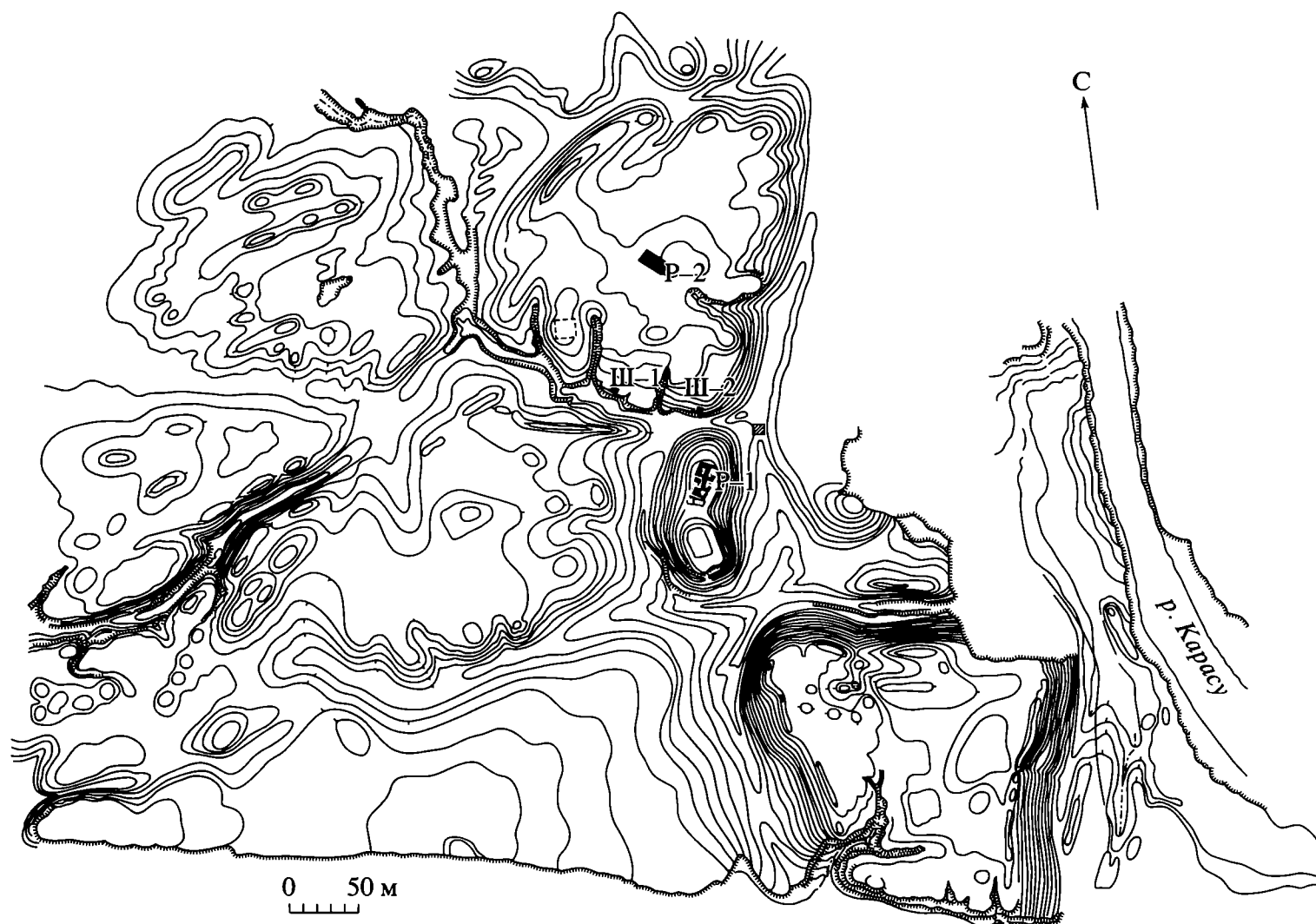

Рис. 1. План поселения Шуробкурган.

верной сторон. Ширина вестибюля равна 2.4 м, длина южного колена – 8.6 м, северного – 4.5 м. Его перекрывал свод, остатки которого удалось расчистить в северном колене, они лежали на на-течно-надувном слое, толщиной 5–28 см. Вдоль восточной стены вестибюля идет суфа шириной 0.5 м, напротив входа в вестибюль она сужается и, закругляясь, оканчивается. Суфа, идущая вдоль западной и северной стен, имеет ширину 1 м. В северном колене она на небольшом участке сужается до 0.75 м. Напротив входа в помещение 1 суфа становится выше. Сохранившаяся ее высота достигает 0.7 м. Вероятно, в этом месте был ступенчатый подъем на второй этаж или на крышу домовладения. Суфы сложены из прямоугольного сырцового кирпича и обмазаны глино-саманной штукатуркой.

Недалеко от внутреннего угла вестибюля размещался пристенный очажок каминного типа. Ширина его топки равна 0.18 м, длина – 0.4 м. В стену она заглублена на 0.1 м. Стенки и пол очажка сильно прокалены огнем. Напротив его на суфе – хранилище для утвари, аналогичное тому, что вскрыто в помещении 1. Поднимались к нему по ступеньке – кирпичу (27 × 54 × 10 см), уложенному плашмя

на пол ребром к суфе. Вслед за залом в вестибюле была произведена перестройка, во время которой значительная часть его южного колена была перегороджена стенкой толщиной в один кирпич, вследствие чего оно перестало функционировать. Стенка поставлена на слой обломков штукатурки красного цвета. Кирпич, из которого она сложена, – вторичного использования. Стенка-перегородка явилась продолжением правой “щеки” входа в вестибюль, имеющего ширину 1 м.

Толщина культурного слоя в помещении – около 0.4 м. Состоит он преимущественно из чистой золы. При расчистке стенки-перегородки был найден фрагмент бронзового перстня с боковым шипом. У входа в помещение 1 лежал фрагмент жернова.

Помещение 3 расположено к югу от помещений 1–2, сохранилась его северная часть. Длина помещения с запада на восток – 4.6 м. Видимо, вдоль всех его стен шла лента суф, прерывающаяся у входа в помещение 4. Ширина суфы, идущей вдоль западной стены, – 0.85 м. Суфа, вытянутая вдоль восточной стены, располагалась в нише, образованной двумя приставными пилонами. Сохранив-

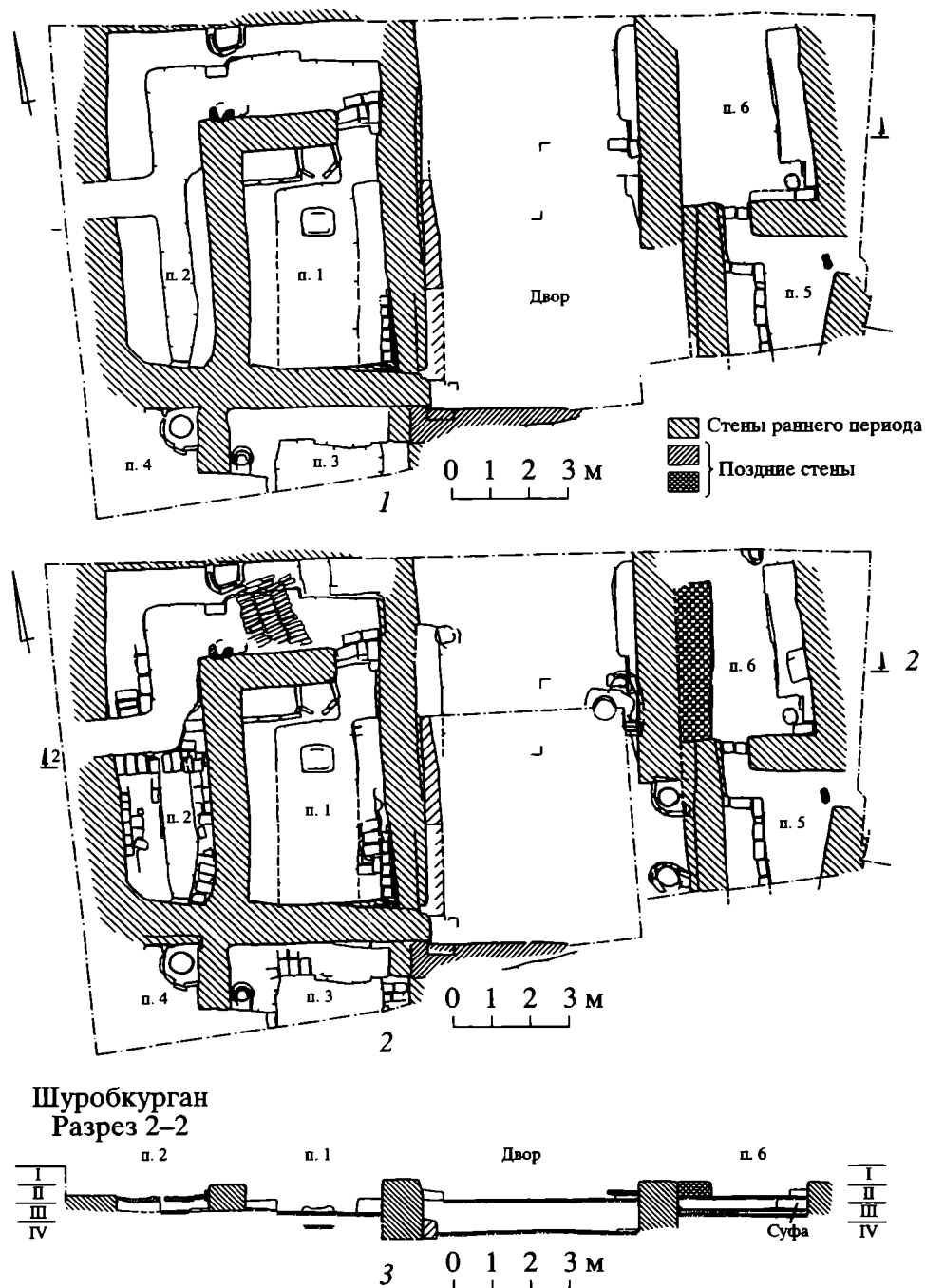

Рис. 2. План раскопанной части домовладений: 1 – до перестроек и ремонтов; 2 – с перестройками и ремонтами; 3 – разрез раскопанных помещений.

шийся северный пилон выступает внутрь помещения на 0.5 м. Эта суфа имеет ширину 0.86 м, высоту 0.1 м. Все суфы помещения 3 сложены из прямоугольного сырцового кирпича ($22 \times 44 \times 9$; $25 \times 50 \times 8$ см) и покрыты глино-саманной штукатуркой толщиной до 9 см. Штукатуркой в виде закругления сделан и переход от суф к стенам.

В толщу западной суфы, рядом со “щечкой” входа в помещение 4, была заглублена хумча, горло которой располагается заподлицо с верхней плоскостью суфы. Высота хумчи – 0.5 м, диаметр тулова – 0.4 м, венчика – 0.27. Вход в помещение 4 был оформлен в виде тамбура толщиной в полкирпича. В завале над полом найдено глиняное, лепное, необожженное пряслице.

Судя по планировке, помещение 3 было жилым.

Помещение 4 расположено к западу от помещения 3. Их разделяет кирпичная стена толщиной 0.8 м, соединяет – вход, ширину которого из-за разрушений установить не удалось. Раскопан северо-восточный угол помещения, где был устроен танур из хума с отбитым дном, перевернутого вниз горлом, диаметром 0.5 м. Снаружи танур охвачен дугообразным кожухом из сырцовых кирпичей, уложенных на ребро. Между тануром и кожухом образовалась пазуха шириной 10–20 см, забитая золой, фрагментами керамики. Рядом с тануром найден фрагмент жернова, внутри танура – стеклянная бусина. В заполнении входа, ведущего в по-

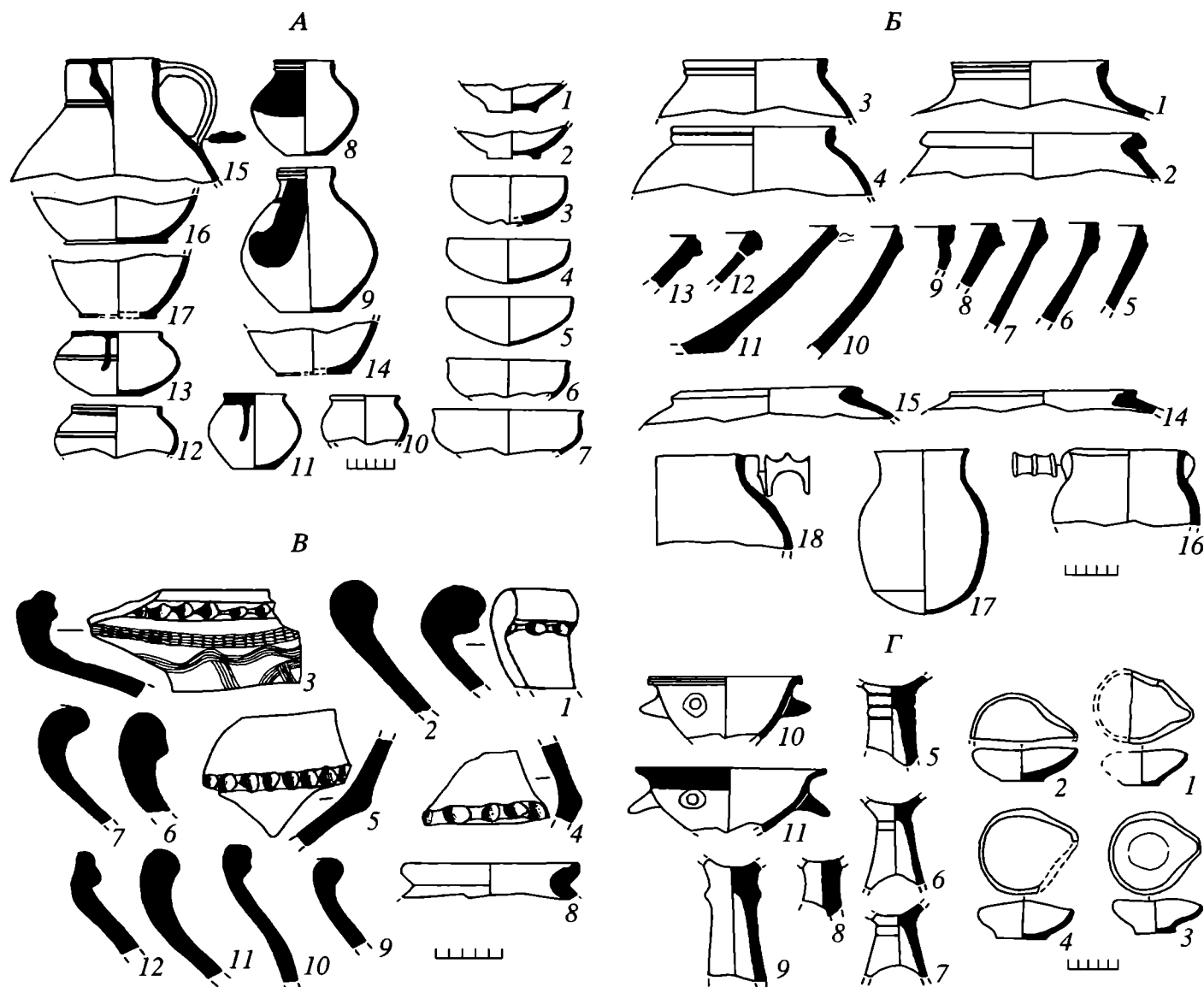

Рис. 3. Керамика. А – двор (1, 2, 11, 12, 15); помещение 5, слой мусора (4, 6, 7, 10, 16, 17); помещение 6 (8); завал входа между помещениями 3, 4 (5, 9, 10). Б – двор (1, 14, 15); помещение 1 (2); помещение 5, слой мусора (3–9, 14, 16); помещение 2 (17); помещение 6 (18). В – двор (1–3, 6, 8); помещение 2 (4, 5, 11, 12, 14); помещение 5, слой мусора (7, 9); помещение 1 (10). Г – помещение 5, слой мусора (1–3, 6–8, 10); двор (4); насыпной грунт (5, 11), двор (9).

мещение 3, обнаружено скопление керамики – фрагментов лепных котлов, станковой чаши и кувшинов. Среди находок есть также целый кувшинчик без ручки (рис. 3А, 9).

Представляется, что помещение 4 было зимней кухней.

Помещение 5 расположено в восточной части раскопа. Южный его торец разрушен при строительстве автомобильной дороги, поэтому размеры помещения установить не удалось. Ясно только, что оно имело вытянутую с севера на юг форму, ширина сохранившейся его части равна 2.72–2.4 м. В северо-восточном углу находился вход в помещение шириной 1.04 м. Вдоль его западной стены устроена суфа шириной 1.01 м, высотой 0.4 м. Она состоит из кирпичного козюха и внутренней забивки. Кирпичи уложены в четыре ряда ложками наружу; забивка сделана из земли и мусора. Поверхность суфы обмазана глино-саманной штукатуркой. При частичной расчистке ее забивки най-

ден бронзовый бубенчик (рис. 5, 3). Пол помещения хорошо утрамбован, поверхность его понижается к югу. На полу расчищен тонкий слой золы, найдено небольшое количество керамики. Завал над полом состоит из комковатой земли с включениями из истлевшего камыша. У северо-восточного входа, с внутренней стороны помещения, в полу расчищено углубление (34 × 19 × 5 см), заполненное древесным углем. Сверху помещение перекрыто слоем мусора толщиной до 30 см, в котором найдена большая часть керамики, фрагмент пиксиды из слоновой кости и монета безымянного царя. Помещение было проходным и жилым одновременно.

Помещение 6 расположено к северу от помещения 5, соединял их вход шириной 0.85 м. Первоначально оно имело подквадратную форму, ширина его была равна 3.6 м. Затем в помещении произвели ремонт, во время которого уровень пола был поднят подсыпкой в среднем на 20 см. Поверхность

нового пола выстелена сырцовым кирпичом, уложенным плашмя. После этого вдоль восточной стены была устроена кирпичная суфа шириной 0.85 м, а у северного ее конца – танур диаметром около 0.5 м. В юго-восточном углу, где располагался еще один танур, вдоль стен, была сложена кирпичная полочка шириной 0.25 м. Около танура найден целый керамический кувшинчик (рис. 3А, 8).

Во время второго ремонта пол в помещении был поднят еще раз до уровня верхней плоскости суфы. На него вдоль западной стены была поставлена приставная стена толщиной 0.82 м. Восточную стену при этом укрепили контрфорсом (0.40 × 0.80 м). Около него устроен очаг – углубление диаметром около 0.5 м. Первоначально из этого помещения имелся выход во двор, но после того, как со стороны двора поставили подпорную стену, он был закрыт.

Двор разделял домовладения между собой. Он вытянут с севера на юг более чем на 10 м, ширина его равна 7 м. Вскрыт двор на площади 75.8 м². На одном из ранних этапов он стал использоваться для складирования бытового мусора, главным образом золы. Со временем толщина мусорного слоя на всей его площади достигла более 1 м. Незадолго до окончания жизни в домовладении, на верхнем полу двора, в его юго-восточной части были поставлены четыре танура. Два из них изготовлены лепкой из глины, один из перевернутого вниз горлом хума; четвертый танур почти полностью разрушен, поэтому его конструкцию установить не удалось. Диаметр тануров равен 0.4–0.5 м, снаружи они охвачены кирпичными кожухами. Пространство между ними и танурами забито золой, угольками и фрагментами керамики. Одновременно вдоль западной стены двора была устроена кирпичная суфа шириной 0.65 м, высотой 0.3 м (рис. 2, 2).

В результате раскопок удалось выяснить, что домовладения возводились одновременно, но в несколько приемов. С самого начала проблемой для их обитателей была сырость в помещениях. Она послужила причиной для ремонтов и перестроек, зафиксированных во время раскопок. Видимо, для нейтрализации влаги, скапливавшейся во дворе, в нем стали складировать мусор, зола при этом была гидроизолятором. В первом домовладении сначала был заброшен приемный зал, затем – южная часть вестибюля. Какое-то время после этого жизнь продолжалась в остальной части вестибюля, где имелся очажок. Помещения второго домовладения функционировали на всем протяжении его существования, но одно из них в результате ремонтов сильно уменьшилось в размерах. Жизнь в домовладениях длилась 50–60 лет. Обитатели их покинули, забрав годные в быту вещи. В провалы, образовавшиеся на месте помещений, жители соседних домовладений высыпали мусор.

Датировка материалов, полученных при раскопках домовладений Шуробкургана, основывается

преимущественно на сравнении их с датированными материалами из других северотохаристанских памятников. Это касается прежде всего шуробкурганской керамики, которую, по аналогии с керамикой сурхандарьинских памятников (Аннаев, 1988, Восковский, 1999. С. 14–29. Рис. 15–36), а также вахшской Кафыркалы и Безымянного городища в Кобадане (Соловьев, 1996. Рис. 20–24, 28–30), можно отнести ко второй половине VII – первой половине VIII в. Нижняя дата подтверждается находкой в первом домовладении монеты Шишпира (642–655 гг.), верхняя дата – фельсом Насра ибн Сайяра (738–748 гг.), происходящим из домовладения, раскопанного С.Б. Болеловым.

Архитектура домовладений Шуробкургана имеет некоторые особенности, которые выделяют его среди других раннесредневековых памятников Тохаристана. Анализ планировки и строительной техники позволяет сделать вывод о том, что разбивку контуров строений на местности и возведение стен осуществляли как мастера, так и люди, не имевшие нужного опыта. Сочетание приемного зала и Г-образного вестибюля в архитектуре раннесредневекового Тохаристана встречается часто (Литвинский, 1979. С. 161. Рис. 1; Litvinskij, 1981. Р. 35–66; Литвинский, Соловьев, 1985. С. 21. Рис. 10; Альбаум, 1960. С. 116. Рис. 22; Нильсен, 1966. С. 142. Рис. 50; Маслов, 1994. С. 190. Рис. 2). Вестибюль подчеркивал главенствующее положение зала в изучаемом домовладении и служил для размещения гостей во время приемов.

Как говорилось выше, на позднем этапе двор использовался в основном в хозяйственных целях. В домовладении, раскопанном С.Б. Болеловым, выявлены два двора, расположенные у его западного и восточного фасадов. В западном дворе, где во второй половине дня в летнее время было относительно прохладно, обнаружены пять тануров. Включение дворов в структуру шуробкурганских домовладений связано с высокими дневными температурами, преобладавшими в регионе в течение полугодия. В.Л. Воронина в своем исследовании о влиянии климата на жилище народов Средней Азии отметила, что “двор играл и играет роль термического регулятора, удерживая до полудня охлажденный за ночь воздушный слой...” (Воронина, 1982. С. 48–69). Устройство дворов в шуробкурганских домовладениях стало возможно благодаря тому, что поздняя часть поселения не была обнесена оборонительными стенами, это позволяло жителям занимать большие участки земли для строительства. На поселениях Тохаристана подобные дворы в структуре домовладений встречены впервые. Двор, раскопанный в верхних слоях Дальварзинтепа, объединяет несколько домовладений и напоминает собой небольшую площадь (Курбанов, 1999. С. 44–52. Рис. 48).

Стены домовладений ориентированы почти точно по сторонам света, сохранились они на вы-

соту 1.4–0.1 м. Строительным материалом для них служил прямоугольный сырцовый кирпич, сформованный из плотной красной глины на берегу Карасу. Раствор для кладки замешивался из лесса на месте строительства. В целях экономии кирпич иногда укладывался при возведении стен с большими промежутками, при этом ширина швов достигала 5–12 см. Стены и суфы покрыты глино-саманной штукатуркой; стены при отделке не белились. Пахса встречена лишь в устройстве отмостки, сделанной вдоль западной стены двора для защиты ее основания от влаги. Однако стена все же отсыревала и со стороны приемного зала начала разрушаться. Способ ее ремонта широко применялся в раннесредневековых постройках Средней Азии (Нильсен, 1966. С. 230). В Северном Тохаристане он встречен также на Аджинатепа (Литвинский, Зеймаль, 1971. С. 21), в помещениях верхнего слоя Дальварзинтепа (Русанов, 1997. С. 32). Для борьбы с сыростью в помещениях поднимали уровни полов, делали их кирпичную выстилку, облицовывали поверхность керамической плиткой.

Детали перекрытия сохранились лишь в северном отрезке Г-образного вестибюля в первом домовладении: это несколько звеньев свода, выложенного в технике параллельных отрезков из прямоугольного кирпича. В архитектуре Северного Тохаристана помещения с пролетом в 2.4 м перекрывались обычно сводами, выложенными в технике поперечных наклонных отрезков, клиновидными же сводами – помещения с пролетом более 3 м (Литвинский, Соловьев, 1999. С. 67–72). Суфы сложены из обычного прямоугольного кирпича. В помещении 5 из кирпича сложен только кожух суфы, а внутренняя ее часть забита землей и мусором. По моим наблюдениям, этот прием в устройстве суф характерен для тохаристанских памятников первой половины VIII в. (Соловьев, 1997. С. 95).

В целом уровень строительной техники изучаемых автором домовладений Шуробкургана соответствует уровню строительной техники раннесредневековых провинциальных поселений Тохаристана. Особенно много сходства между ней и техникой построек верхнего слоя Дальварзинтепа. Оно касается планировки зданий, интерьера помещений, способов кладки и ремонта стен (Русанов, 2000. С. 5–7. Рис. 1).

Находки из изучаемых домовладений представлены главным образом керамикой. По своему назначению она делится на столовую, кухонную и тарную; найдены также фрагменты курильниц и светильники.

Столовая посуда довольно разнообразна: тарелки, чаши-фиалы, горшочки, кувшины, тагора. Она имеет свои особенности, связанные с набором форм и соотношением типов сосудов как внутри

коллекции, так и в сравнении с коллекциями из других северотохаристанских памятников.

Тип 1. Тарелки. В шуробкурганской керамике они занимают скромное место, в то время как в материалах из других памятников Северного Тохаристана тарелки являются одной из ведущих форм (Соловьев, 1996. С. 52, 53). Особенностью части шуробкурганских тарелок является иногда не совсем четко выделенный кольцевой поддон (рис. 3А, 1, 2). В некоторых случаях гончары при их формовке скашивали внутреннюю грань, вследствие чего он имеет приостренную форму. Сравнительная редкость находок на Шуробкургане тарелок объясняется, видимо, тем, что для еды здесь использовались и тагора, имевшие диаметр венчиков 25–30 см (рис. 3Б, 5–13).

Тип 2. Горшочки. Они относятся к одному из самых характерных видов шуробкурганской керамики. Их морфология стандартна и слабо варьирует в пределах одного типа. Различия касаются размеров сосудов: у более крупных из них венчики и плечики профилированы концентрическими желобками. Венчики сосудов покрывались полоской красного ангоба, местами стекающего на плечико сосуда (рис. 3А, 10–13).

Тип 3. Чаши-фиалы. Как и горшочки, они являются распространенным видом керамики. Полу-сферическая форма их резервуара иногда к донцу слегка приострена; в некоторых случаях венчик у сосудов немного вогнут. Стенки с двухсторонним плотным коричневым или красным ангобом (рис. 5, 3–7).

Тип 4. Кувшины. Различаются два варианта сосудов: с ручками и без ручек. Кувшины без ручек имеют небольшие размеры, соответственно кувшины с ручкой более крупные. Венчики и плечики кувшинов покрывались красным или черным ангобом (рис. 3А, 8, 9, 14–17).

Кухонная керамика представлена фрагментами станковых котлов и лепных горшков.

Тип 5. Котлы. Они имеют шаровидное тулово, округлое дно и две горизонтальные ручки на плечиках. Диаметр венчиков 18–22 см, с внутренней стороны – концентрический уступ для крышки. В глиняном тесте, из которого изготовлены котлы, значительная примесь дресвы и толченой извести (рис. 3Б, 14, 15).

Тип 6. Горшки. Изготовлены лепкой в домашних условиях. Они имеют слабовыпуклое вытянутое тулово, плоское или округлое дно. Диаметр венчиков варьирует от 10 до 25 см. В некоторых случаях они снабжены ручками, крепящимися в верхней части тулова. В нижней части обычно формовался концентрический уступ для того, чтобы они были устойчивее на очаге (рис. 3Б, 16–18).

Тарная керамика включает хумы, хумчи, широкогорлые сосуды и крупные тагора.

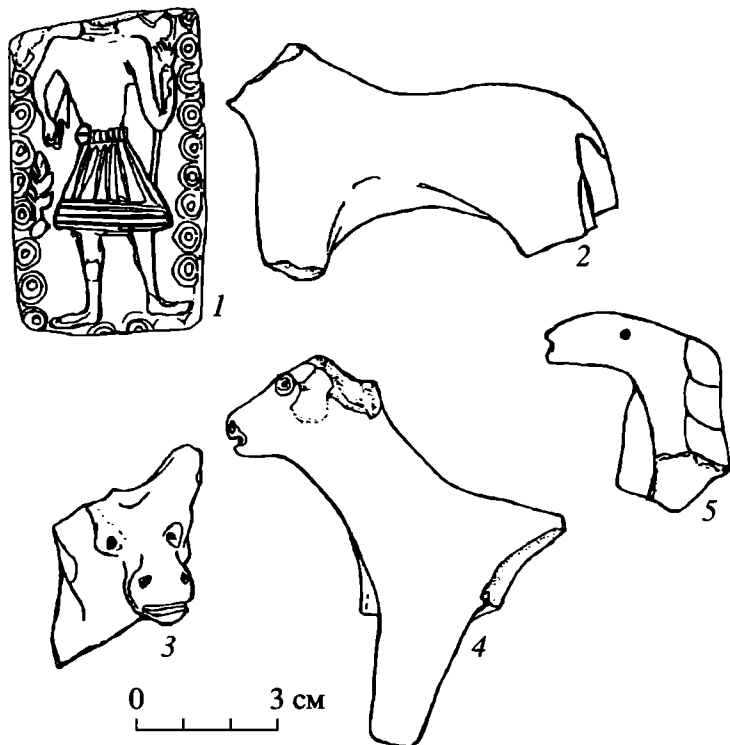

Рис. 4. Терракота. 1, 3, 4 – двор; 2 – зачистка холма в восточной части поселения; 5 – помещение 5, слой мусора.

Тип 7. Хумы. Диаметр венчиков 30–44 см, профили их разнообразны. Верхняя часть некоторых сосудов украшена орнаментом или ангобом, стекающим вниз длинными потеками. Венчики и переходы от тулова ко дну украшались кольцевыми вдавлениями (рис. 3В, 1–7).

Тип 8. Хумчи. Они были наполовину меньше хумов, горловины их иногда закрывались крышками. В отличие от хумов, хумчи не орнаментировались (рис. 3В, 8–12).

Тип 9. Широкогорлые сосуды. Диаметр их венчиков равен 15–17 см, они профилировались желобком и валиками. Диаметр тулова достигал 25 см и более (рис. 3Б, 1–4).

Тип 10. Тагора. Один из самых характерных для Шуробкурмана сосудов. Диаметр венчиков крупных экземпляров достигает 38 см. Довольно разнообразны профили их венчиков. Наиболее поздние по времени тагора украшались валиками с пальцевыми вдавлениями, расположенными под венчиком с внешней стороны тулова (рис. 3Б, 5–13).

Тип 11. Светильники. Они представляют собой традиционные плошки со смятым краем – сливом. Все они изготовлены на гончарном круге. Диаметр их венчика равен 7.5–8.5 см, донца – 3.5–4.8 см (рис. 3Г, 1–4).

Тип 12. Курильницы. Найдены во фрагментах, но форма их восстанавливается: они состояли из полой конусовидной ножки и чашечки. У некоторых из них на чашечках прикреплены через равные промежутки конусовидные налепы, игравшие,

видимо, роль оберегов (рис. 3Г, 5–11). Такие же налепы есть у чашечки курильницы из Балалыктепа (Альбаум, 1960. С. 70–72. Рис. 48). На чашечках курильниц, найденных на памятниках Южного Согда, налепы расположены в несколько ярусов (Кабанов, 1977. Рис. 27, 2; 1981. С. 33. Рис. 20, б).

Характеризуя найденную керамику в целом, необходимо отметить, что она является типично тохаристанской керамикой. У нее есть и особенности, вызванные преобладанием таких сосудов, как горшочки, тагора. В покрытии сосудов отсутствует “пачкающий” ангоб.

Терракота. Одна из них – плакетка, оттиснутая в односторонней форме. Верхняя ее часть отбита, высота сохранившейся части 6.5 см, ширина 4 см, толщина 0.6–1.1 см. На лицевой стороне плакетки – рельефное изображение мужского персонажа, стоящего во фронтальной позе, с широко развернутыми наружу носками ног. Левою рукой он держит древко копья, в правой полусогнутой руке сжимает кинжал. Тулово персонажа защищено пластинчатым доспехом, слабо выраженным в верхней его части. Нижняя часть доспеха, доходящая до его колен, показана в виде радиальных и горизонтальных полос. На талии он стянут поясом с круглой пряжкой на правом боку. Справа от персонажа – растение на шаровидном основании. По краям плакетки – цепочка из пуансонных вдавлений (рис. 4, 1).

Данная плакетка найдена в слое, датированном второй четвертью VIII в. Полагаю, что этим же временем датируются фрагменты трех аналогичных плакеток, найденных в 1972 г. Э.В. Ртвеладзе при обследовании Шуробкурмана. Массовое тиражирование плакеток свидетельствует о популярности воинственного персонажа у жителей поселения. Видимо, он являлся их божественным защитником во время завоевания Тохаристана арабами. Этот персонаж изображен и на плакетках, найденных в синхронных слоях цитадели Дальварзинтепа (Ильясов, 2004. С. 155–157; Tanabe et al., 2000. P. 137. Pl. 65). Данный образ, по моему мнению, сформировался под влиянием гандхарского искусства, влияние которого на искусство Тохаристана VII–VIII вв. было еще весьма ощутимо.

Дж.Я. Ильясов, опубликовавший плакетки, поднятые с поверхности Шуробкурмана, датировал их кушано-сасанидским временем (2004. С. 62–68). Однако учитывая то, что плакетка, найденная автором, надежно стратифицирована, с этой датой согласиться нельзя. В пользу более поздней датировки свидетельствует также то, что плакетки этого типа из Пенджикента датируются VI–VII вв. (Маршак, 1999. С. 190, 191. Табл. 30). В.А. Мешкерис полагает, что пенджикентские плакетки относятся к VI в., но они могли бытовать, по ее мнению, и позже (1977. С. 60).

Зооморфные статуэтки найдены в том же слое, что и плакетка. Все они лепные, фрагментирован-

ные. Две из них довольно реалистично изображают козлов. В одном случае ноздри и рот животного показаны отпечатками-прорезями, глаза – круглыми наклепками с точкой-вмятиной посередине. В другом случае глаза и ноздри животного обозначены круглыми вдавлениями, рот – продольным углублением (рис. 4, 3, 4). Третья терракота, видимо, изображает лошадку. Голова и концы ног у нее отбиты. Для передачи некоторой экспрессии хвост животного повернут вправо (рис. 4, 2). От четвертой терракоты сохранилась лишь головка. Вероятно, она изображала верблюда. Грива животного образована защипами, глаза и ноздри обозначены ямками, рот – продольной бороздкой-оттиском (рис. 4, 5). Набор зооморфных терракот небольшой, но характерный для раннесредневековых памятников Северного Тохаристана. Это были, скорее всего, изображения животных – фарнов, почитаемых тохаристанцами.

Мелкие находки представлены металлическими изделиями и бусами. Одной из них является медная игла с отломанным ушком. Длина ее равна 8 см, максимальный диаметр 3.5 мм (рис. 5, 1). Бронзовый бубенчик сохранился хорошо. Диаметр его равен 14 мм, высота ушка для подвешивания 15 мм, диаметр отверстия 1 мм. Прорезь обрамляет фигурный валик шириной 3 мм (рис. 5, 3). Из предметов украшений нужно отметить шестилучевую бронзовую пронизь (рис. 5, 5). Судя по находкам аналогичных пронизей в склепах могильника Биттепа в Чаганиане (Ртвеладзе, 1986. С. 198. Рис. 3, 6а; С. 201. Рис. 5, 4б) и в наусах Дабилькургона, изучаемых Дж.Я. Ильясовым, они были распространены в Северо-Западном Тохаристане в конце VII – первой половине VIII в. Диаметр шинки фрагмента перстня, найденного в помещении 2, равен 19 мм, щиток имеет овальную форму, максимальный его диаметр равен 10 мм. У одного из краев щитка – круглый шип (рис. 5, 6). Находки перстней этого типа на территории Тохаристана и иконографические материалы позволяют судить о том, что они появились здесь в кушано-сасанидский период (Mizuno, 1970. Fig. 58; Pl. 52, 2) и продолжали бытовать до первой половины VIII в. (Литвинский, Седов, 1984. С. 101–109; Литвинский и др., 1959. С. 134. Рис. 3, 2; Ртвеладзе, 1986. С. 195. Рис. 1, 3; С. 201. Рис. 5, 10; С. 204. Рис. 7, 29; Соловьев, 1997. Рис. 13, 42, 43; Альбаум, 1960. Рис. 100, 107). Фрагмент венчика бронзовой чаши имеет диаметр 12 см (рис. 5, 4). Судя по находке целого бронзового сосуда из Аджинатепа (Зеймаль, Ртвеладзе, 1999. Табл. 88, 24), чаши имели круглое дно. Пока что на территории Тохаристана их находки довольно редки (Аннаев, 1988. Табл. XIX, 12).

Бусы изготовлены из стекла синего и сине-зеленого цвета, сердолика и раковины каури со снятой спинкой. Стекланные бусы имеют бипирамидальную и округлую форму (рис. 5, 7–11).

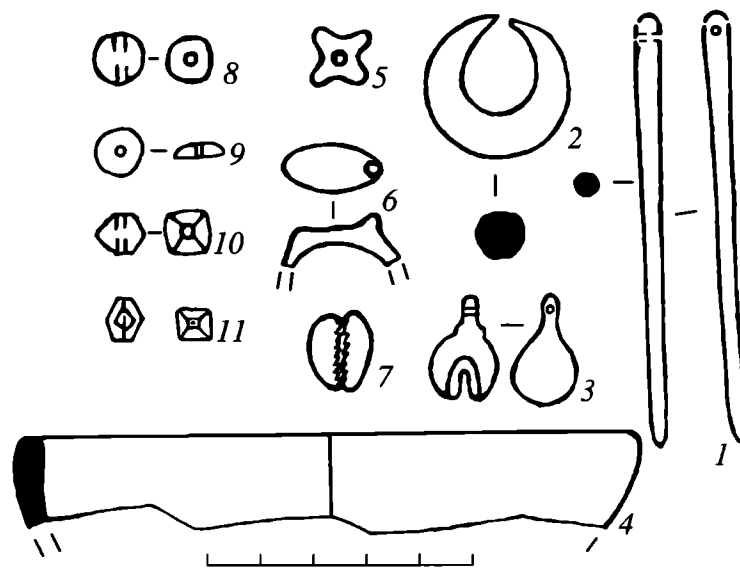

Рис. 5. Мелкие находки. 1, 4, 5, 11 – помещение 1; 2 – случайная находка; 3 – помещение 5, забивка суфы; 6 – помещение 2, закладка южного колена; 7, 8 – помещение 5, слой мусора; 9 – двор; 10 – помещение 3, заполнение тонура.

Раскопки Шуробкургона дали интересные материалы для изучения одного из поселений Северо-Западного Тохаристана. Вместе с материалами из других памятников региона они позволят определить уровень развития и особенности его материальной и духовной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.
- Аннаев Т.Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент, 1988.
- Болелов С.Б. Раннесредневековый жилой дом на юге Узбекистана // АСУ. 1987. № 6.
- Болелов С.Б. Археологические исследования на городище Шуробкурган в 1982 году (К истории материальной культуры Северного Тохаристана в эпоху раннего средневековья) // МТЭ. Вып. 4. Археологические исследования Шуробкургона. Елец, 2004.
- Воронина В.Л. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
- Восковский А.А. Комплекс керамической посуды последнего периода обживания цитадели городища Дальварзинтепа (раскопки ДТЦ-4) // Матер. полевых исслед. Узбекстанской искусствовед. экспед. (УзИСКЭ). Вып. 5. Ташкент, 1999.
- Гендельман П.И. Результаты археологических исследований на цитадели Шуробкургона // Древняя средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001.
- Зеймаль Т.И., Ртвеладзе Э.В. Северный Тохаристан // Средняя Азия в раннем средневековье. Археология. М., 1999.
- Ильясов Дж.Я. Терракотовые плакетки с городища Шуробкурган // МТЭ. Вып. 4. Археологические исследования Шуробкургона. Елец, 2004.

- Кабанов С.К.* Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.) Ташкент, 1977.
- Кабанов С.К.* Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. Ташкент, 1981.
- Курбанов С.А.* Археологическое изучение раннесредневековых слоев в восточной части цитадели Дальварзинтепа // Матер. полевых исслед. Узбекистанской искусствовед. экспед. (УЗИСКЭ). Вып. 3. Ташкент, 1999.
- Литвинский Б.А.* Калаи Кафирниган (раскопки 1974 г.) // АРТ. Вып. XV (1975 г.). Душанбе, 1979.
- Литвинский Б.А., Гулямова Э.Г., Зеймаль Т.И.* Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты // АРТ. Вып. IV (1956 г.). Сталинабад, 1959.
- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И.* Аджина-тепа. М., 1971.
- Литвинский Б.А., Соловьев В.С.* Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.
- Маслов И.А.* О работе Рогунского археологического отряда в 1985 г. // АРТ. Вып. XXV (1985 г.). Душанбе, 1994.
- Мешкерис В.А.* Коропластика Согда. Душанбе, 1977.
- Нильсен В.А.* Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Ташкент, 1966.
- Ртвеладзе Э.В.* Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л., 1974.
- Ртвеладзе Э.В.* Средневековый могильник Бит-тепа в Чаганиане // СА. 1986. № 4.
- Ртвеладзе Э.В.* Наусы Шуробкурмана // МТЭ. Вып. 4. Археологические исследования Шуробкурмана. Елец, 2004.
- Русанов Д.В.* Архитектура, строительные конструкции и материалы раннесредневекового Дальварзинтепа // Матер. полевых исслед. Узбекистанской искусствовед. экспед. (УЗИСКЭ). Вып. 1. Ташкент, 1997.
- Русанов Д.В.* Итоги раскопок на объекте ДТС-4 // Матер. полевых исслед. Узбекистанской искусствовед. экспед. (УЗИСКЭ). Вып. 4. Ташкент, 2000.
- Соловьев В.С.* Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец, 1996.
- Соловьев В.С.* Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец, 1997.
- Соловьев В.С.* Раскопки второго домовладения // МТЭ. Вып. 4. Археологические исследования Шуробкурмана. Елец, 2004.
- Litvinsky B.A.* Kalai-Kafirnigan. Problems in the religion and art of early mediaeval Tokharistan // EW. 1981. V. 31.
- Mizuno S.* Chaqalaq Tepa. Fortified village in north Afghanistan excavated in 1964–1967. Kyoto, 1970.
- Tanabe K., Yamauchi K. et al.* Excavation at Dal'versin Tepa. // Bulletin of the Ancient Orient Museum., V. XXI. Tokyo, 2000.

Archaeological study of Shurobkurgan

V. S. Solovjev

Summary

The paper is devoted to the results of archaeological excavations of the early-medieval settlement Shurobkurgan located in the South of Uzbekistan, which were carried out by the author in 2002–2005. Two houses containing a dwelling, utility rooms, a reception-room and a court were investigated. The buildings were constructed of rectangular brick, walls remained in height of 1.4–0.1 m. A significant collection of ceramics, terracotta, goods made of bronze and glass, bones and coins was found in the course of the excavations.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ОБЛАСТИ КЕШ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА ПОДАЯТАКТЕПА)

© 2006 г. А. В. Омельченко

Национальный университет Узбекистана, Ташкент

Кеш, известный в письменных источниках также как Су-Се, занимал восточную часть Южного Согда – Китабо-Шахрисабзскую котловину и прилегающие отроги Зарафшанского и Гиссарского хребтов в Кашкадарьинской области Узбекистана.

В последней трети IV в. до н.э. на территории Кашкадарьи имел место ряд важных эпизодов борьбы среднеазиатских народов с армией Александра Македонского. В поселении Наутака (Навтака) был пленен Птолемеем после ухода за Амударью бактрийский сатрап Бесс (Арриан, 1962. Кн. IV. Гл. 18, 19; Квинт Курций Руф, 1963. Кн. VII. Гл. XI). Отсюда греко-македонская армия направилась в долину Зарафшана, скорее всего через более проходимый, чем Тахтакарача, перевал Джам (Массон, 1973. С. 8). В 328/327 г. до н.э. Александр зимовал в Наутаке (Арриан, Кн. IV. Гл. 18). Место для зимовки было выбрано не случайно: область занимала центральное положение между Бактрией и Согдом, а это вполне соответствует нахождению Китабо-Шахрисабзского оазиса. Можно также заметить, что пункты, где ранее останавливался Александр, чаще всего представляли собой крупные центры, имеющие стены и возможность для размещения большого контингента войск. Таким требованиям в долине верхней Кашкадарьи отвечает городище Узункыр в Шуробсайском оазисе. Условия местности здесь были благоприятны, а сам район располагался поблизости от мест возможных восстаний и горных согдийских убежищ. Данные Арриана являются в этом отношении одними из самых надежных, так как опирались, прежде всего, на дневники современников походов Александра (История Узбекистана в источниках, 1984. С. 110)¹. Из Наутаки весной 327 г. до н.э. Александр выступил для захвата “Согдийской скалы” (“Скалы Оксирта”, у Курция Руфа – “Аримаза”), которая локализуется в северных отрогах Гиссарского хребта (Ртвеладзе, 1981. С. 96) или в верховьях р. Аксу (Шевяков, 2002. С. 123). В дальнейшем на территории, географически примыкающей к Наутаке, разворачиваются военные действия, связанные со взятием скалы

Хориена в области паретаков (Арриан, Кн. IV. Гл. 21. С. 1–9). Главным аргументом в пользу локализации Наутаки по среднему и верхнему течению Кашкадарьи служат упоминания о ее окаймлении горами (Курций Руф). В то же время, судя по контексту источников, Ксениппа располагалась в низовьях Кашкадарьи, на границе со степными районами².

Полученные в результате работ Еркурганского отряда Института археологии АН РУз и Кашкадарьинской археолого-топографической экспедиции исторического факультета Ташкентского государственного университета материалы также позволяют выделить по течению Кашкадарьи две крупные подобласти расселения согдийцев с центрами Еркурган (Каршинский оазис) и Узункыр (Китабо-Шахрисабзский оазис), которые отождествлены соответственно с Ксениппой и Наутаккой (Кабанов, 1977. С. 87; Крашенинникова, 1985. С. 533, 534; Сагдуллаев, 1987. С. 14; Ртвеладзе, 1981. С. 97, 98). Сейчас эта точка зрения принята большинством исследователей (Грене, 2002. С. 10, 11; Абдуллаев, 2002. С. 35; Рапен, Рахманов, 2002. С. 47).

Городище Подаятактепа, где были получены основные интересующие нас керамические материалы, входила в систему обороны Узункыра. После запустения основной территории Узункыра примерно в IV в. до н.э. Подаятактепа продолжает в течение 100–150 лет выполнять функцию центра Шуробсайского оазиса. Затем, так же как и ряд поселений Центрального (Коктепа) и Северного (Нуртепа, Хантепа) Согда, городище было оставлено жителями и больше не обживалось. Это делает находки из Подаятактепа очень интересными в плане изучения ранних этапов процессов взаимодействия местной и греческой культур в период после походов Александра Македонского.

Основные керамические материалы были получены в ходе археологических работ на раскопе 4 (Р-4) (рис. 1) и шурфе 5 (Ш-5), заложенных в юго-западном секторе городища. В раскопе были выявлены два строительных горизонта с сооружениями, отличающимися по своему функциональному

¹ Несколько по-иному описывает события Квинт Курций Руф (Кн. VIII. Гл. II. С. 19–33).

² Гипотезу о локализации Наутаки в Китабо-Шахрисабзском оазисе первыми выдвинули В. Томашек, Ф. Шварц.

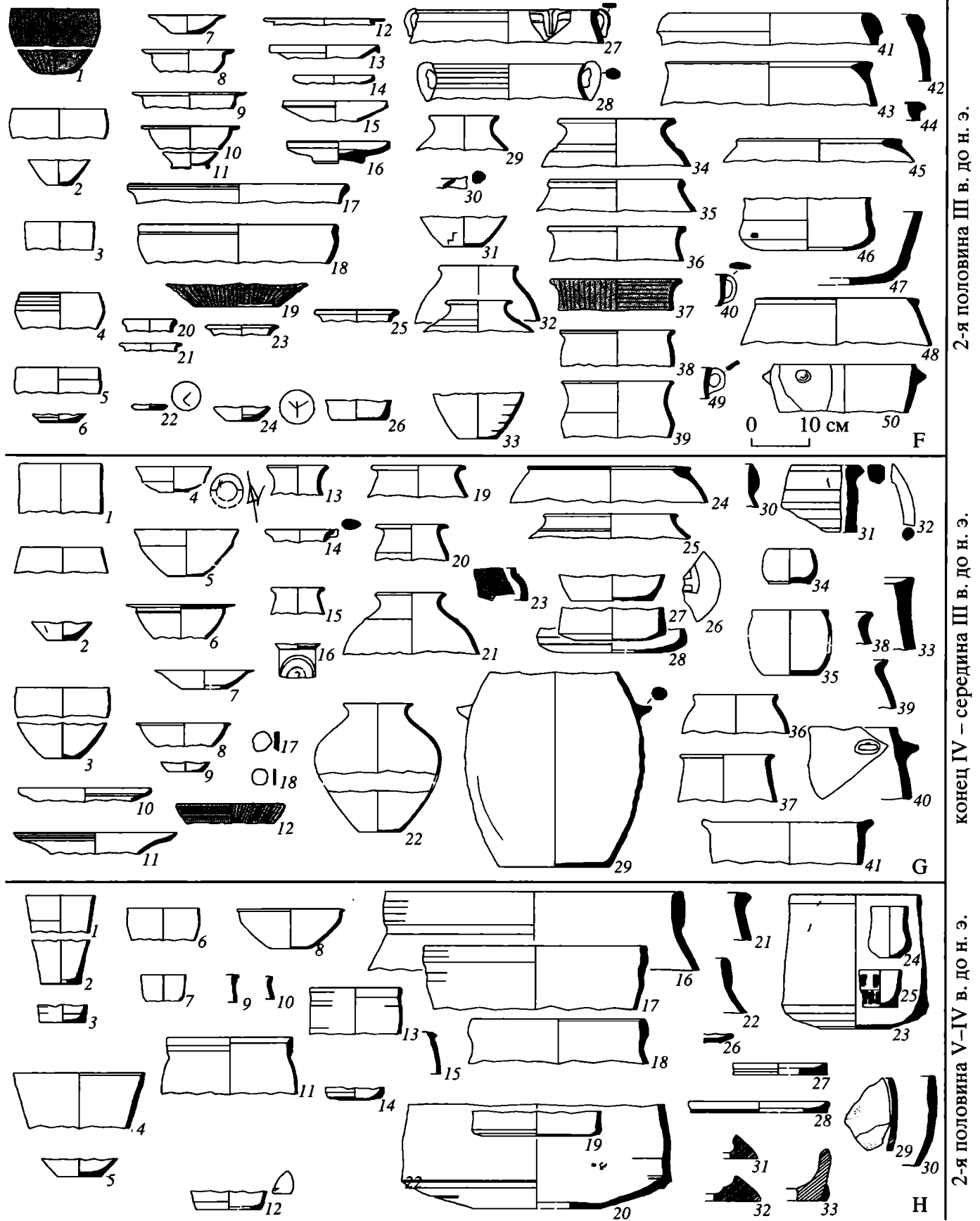

Рис. 2. Керамика городища Подаятактепа.

вития манжета у банкообразных сосудов, по-видимому, демонстрирует “пламевидный” венчик одной из хумчей (рис. 2G, 30); уступ при переходе ко дну у тарной керамики становится менее выраженным, иногда ступенчатым; края площадки – полоса

шириной до 1.5 см, образованная в результате подрезки ножом ребра, – округляются (рис. 2G, 27, 28).

В еще большей степени преимущество с древними формами демонстрирует лепная керамика I горизонта, что объясняется традиционностью

домашнего гончарства. Некоторые сосуды повторяют станковые формы, (например, с Г-образным венчиком). Ряд аналогий этой керамике уводит не только в долины Зарафшана и Амударьи, но также и в далекую северо-восточную периферию – в оазисы Ташкента и Ферганы, что, по-видимому, отражает процессы синтеза южных и северных культурных традиций на территории Согда в конце II–I тыс. до н.э. В долине Кашкадарьи наибольшее сходство с лепной посудой Подаятактепа наблюдается в комплексах Турткультепа в южной и Чиракчинского поселения в центральной частях долины, а также Курганчатепе и Еркургана на западе области. Котлы имеют ручки-налепы в виде жгутов или шишечек (рис. 2G, 40, 41); отсутствуют характерные для более раннего периода ручки типа полумесяца (Исамиддинов, Сулейманов, 1984. С. 38). В комплексе представлены также толсто-стенные тагора и тонкостенные горшки с сильно отогнутым венчиком с широкой скошенной внутрь площадкой, приостренной к краю или отогнутой (рис. 2G, 38, 39), – характерные сосуды, известные с X–IX вв. (Шайдуллаев, 2000. Рис. 20, 4, 6, 7) и до IV–III вв. до н.э. В этот хронологический промежуток бытовали и полусферические чаши со слегка склоненным внутрь венчиком. У донца одной из них есть слабо выраженный кольцевой выем (рис. 2G, 34). Из других форм можно выделить горшки с Г-образно отогнутым приостренным (рис. 2G, 37) и Т-образным венчиком (рис. 2G, 35) с пологими плечиками или более раздутыми боками. Внутри одного фрагмента горшка были отпечатки ткани полотняного плетения.

Необходимо подчеркнуть значительное сходство ряда, прежде всего, лепных форм с керамикой сакских поселений и стоянок в основном Хорезма (Вайнберг, 1979. Табл. VII, 6; VIII, 11, 18, 19; XIVa, 8). По-видимому, это служит еще одним свидетельством в пользу существования тесных контактов земледельческого и скотоводческого населения, зафиксированных, в частности, источниками периода походов Александра Македонского.

Резкие изменения в керамическом комплексе I строительного горизонта, по сравнению с предшествующим, происходят прежде всего в наборе столовых форм: появляются чаши с резко оттянутым наружу венчиком (рис. 2G, 6, 7, 8); с загнутым внутрь краем венчика (рис. 2G, 12); с расходящимися краями и ступенчатым перегибом в верхней трети (рис. 2G: 4, 5). Последние находят близкие параллели в одном из типов чаш ахеменидского времени Закавказья, повторяющим металлические сосуды древневосточного происхождения (Тирациян, 1964. С. 67, 68). Распространены горшочки с отогнутым наружу утолщенным венчиком, хумчи с “килевидным” (подтреугольным направленным внутрь) в сечении венчиком (рис. 2G, 24). Появляются еще достаточно грубо сделанные, в сечении овальные или близкие к кругу, ручки; стенки неко-

торых чаш, кувшинов и хумчей имели характерные валикообразные выступы “под металл” (рис. 2G, 6, 20, 21, 25). Из технических приемов новшествами являются покрытие, хотя и редкое, поверхности сосудов темным красно-коричневым ангобом и лощением, а также наличие на одном из фрагментов кольцевого выреза от штампа (рис. 2G, 12, 23).

В верхнем (II) строительном горизонте P-4 и Ш-5 (рис. 2F) при сохранении характерного для предыдущего этапа набора форм происходит их дальнейшее развитие. Шире используются ангобное покрытие и лощение. Стенки кубков становятся более округлыми и тонкими, иногда снаружи покрываются плотным вертикальным лощением (рис. 2F, 1, 2, 3); у чаш выражен кольцевой поддон. Резко отогнутые венчики кувшинов приобретают более округлый вид, а у некоторых (рис. 2F, 38), как и у ряда хумчей, профилируются желобком. Форма хумов приближается к бочковидной, их венчики становятся овальными или сохраняют характерный приостренный выступ. Новые формы представлены полусферическими кубками с наружным рифлением стенок (рис. 2F, 4), “рыбными блюдами” (с отогнутым вниз или вверх краем венчика и “солонкой” – кольцевым выступом внутри) (рис. 2F, 13, 16), тагора (глубокие миски) со слегка утолщенным венчиком, отделенным от конического или округлого тулова небольшим желобком (рис. 2F, 18), крупными двуручными амфоровидными сосудами с широким устьем и “фасолевыми” в сечении ручками (рис. 2F, 27, 28).

Отметим распространение (в более поздних комплексах это встречается значительно реже) нанесения до обжига на стенки и донца посуды неорнаментальных прочерченных линий разной длины. Среди них можно выделить два типа: простые риски, чаще всего по 1–2–3–4, и более сложные рисунки: “дерево”, “ступенька”, “стрелка”, “фи” (рис. 2G, 4), “дельта” (?) и др. Первый тип, за исключением одного случая, встречается на тарной керамике и в I строительном горизонте, второй – на столовой и в основном во II горизонте. Можно предположить, что простые риски могли означать или объем, или принадлежность к какому-нибудь подразделению хозяйства. В свою очередь, более сложные граффити, скорее всего, являлись меткой мастера или были посвятельными (“фи” – “филос” – “друг”) (Масленников, 1987. С. 51. Рис. 2, 111; Беттгер, 1981. С. 207).

Весь комплекс изменений в керамике Подаятактепа, несомненно, свидетельствует об инокультурных импульсах, связанных с воздействием новой керамической традиции, что отмечалось для данного хронологического этапа исследователями соседних областей Средней Азии (Шишкина, 1975. С. 69; К исторической топографии..., С. 57; Абдуллаев, 2001. С. 80; Исамиддинов, 2002. С. 158). Для гончарства раннеэллинистического времени ха-

рактенно развитие новой техники в обработке поверхности сосудов и возникновение новых форм, что определялось широким использованием лекал, круга и печей более совершенной конструкции. В то же время, на наш взгляд, применительно к материалам городища нельзя говорить об отсутствии связей с гончарством предшествующего периода (Седов, 1983. С. 78). Ряд форм прямо восходит к более древним, хотя и выделан с применением более совершенных технических приемов. (Интересный момент – некоторые из них, например блюда с широко раскинутыми бортами (рис. 2G, 10, 11) или тарелки с отогнутым вверх венчиком (рис. 2F, 14, 15), распространение которых рассматривается часто как следствие влияния эллинистической керамической традиции, характерны больше для бактрийских комплексов до(?) и ахеменидского времени.) (Ср.: Сагдуллаев, 1987. Рис. 24, 10, 16; Ширинов, Шайдуллаев, 1988. Рис. 5).

Как и в материалах Афрасиаба, в I горизонте Подаятактепа инокультурное влияние не столь заметно. Однако на II этапе оно нарастает, о чем свидетельствует облик некоторых сосудов, находящихся аналогии в керамике прежде всего малоазийского производства, известной также по импорту в греческие города Северного Причерноморья. По-видимому, появление новых форм было связано и с наличием в восточных районах Южного Согда какого-то количества греческих или “эллинизированных” переселенцев, бывших заказчиками привычной для них посуды, или, возможно, самими мастерами. В пользу последнего предположения говорит граффити, тождественное известным по раскопкам северо-понтийских поселений характерного для IV–III вв. до н.э. написания (Толстой, 1953. С. 39). По аналогиям с комплексами Афрасиаб Пб и Джигатепе греко-бактрийского времени первого этапа, для которых ярким признаком является распространение “рыбных блюд”, материалы верхнего строительного горизонта Р-4 Подаятактепа можно датировать второй половиной III в. до н.э., а нижнего – концом IV – серединой III в. до н.э.³

В целом, керамика, полученная из двух верхних строительных горизонтов Подаятактепа, имеет сходство с посудой Еркургана (ЕК-5) (Сулейманов, 2000. Рис. 96, 97), Афрасиаба Па и Пб (К исторической топографии..., 1981. Рис. 17, 21; Шишкина, 1974. Рис. 5; Лионе, 2000. Рис. 1 и др.), Кумышкенттепа (Пугаченкова, Беляева, 1987. Рис. 4, 5), Нуртепа (Негматов, Беляева, 1988. Рис. 2–4), Ромиштепа (Сулейманов, Ураков, 1977. С. 58), нижних слоев Кампыртепа (последняя датировка которых

³ В пользу предложенной датировки говорят и сходство керамики Подаятактепа с посудой, выявленной раскопками на таких интересных, недавно исследованных пунктах, как Коктепа в Самаркандском Согде, Курганзол и Душанбинское городище на правом берегу Амударьи (Исамиддинов, 2002. Рис. 127 и сл.; Сверчков, 2005. Рис. 6–19; Абдуллаев, 2005. Рис. 5–8).

подтверждается находками монет Антиоха I) (Ртвеладзе, 2003. С. 153–157; Восковский, 2003. С. 51–53), Термеза (Пидаев, 1991. Рис. 1, 2), Дальверзинтепа (Дальверзинтепе – кушанский..., 1978. Рис. 58), Гиссарской крепости (Зеймаль, Зеймаль, 1988. Рис. 1, 2), Айханума (Layonet, 1997. Fig. 40–46), Джигатепе (Пидаев, 1984. Рис. 1, 2), Дильберджина (Кругликова, 1986. Рис. 21, 25), Мерва (Рутковская, 1958. Рис. 1, 2), Капыр-калы (Пилипко, 1990. Рис. 6), Коша-депе (Пилипко, 1980. Рис. 3–6). Значительная близость керамических комплексов этого периода южных и центральных районов Средней Азии объясняется сходством протекавших в регионе культурных процессов, а также, по-видимому, отражает силу эллинистической традиции, заложенной в период существования империи Александра и в большей степени при первых Селевкидах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдуллаев А.Л. Душанбинское городище в античный период (раскопки 2001–2003 гг.) // АРТ. Вып. XXX. Душанбе, 2005.
- Абдуллаев К. Аск из Паенкургона. К вопросу о греческих формах в керамике Бактрии // ИМКУ. 2001. Вып. 32.
- Абдуллаев К. Кеш, Нахшаб и “Гава, где живут согдийцы” (к вопросу о локализации легендарной Гавы) // Шахрисабз шахрининг жохон тарихида тутган урни. Тез. докл. Междунар. конф. Ташкент, 2002.
- Арриан. Походы Александра. М.; Л., 1962 (пер. М.Е. Сергеев).
- Беттгер Б. Амфоры с надписями из Танаиса // СА. 1981. № 4.
- Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. Тр. ХАЭЭ. 1979.
- Восковский А. Комплекс керамических сосудов из нижнего слоя городища Кампыртепа // Центральная Азия. Источники, история, культура. Тез. докл. конф., посвящ. 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. М., 2003.
- Грине Ф. Заметки о топонимике Наутака // Шахрисабз шахрининг жохон тарихида тутган урни. Тез. докл. междунар. конф. Ташкент, 2002.
- Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана // Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., Тургунов Б.А. и др. Ташкент, 1978.
- Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В. Археологические работы в Гиссаре в 1981 г. // АРТ – 1981. 1988. Вып. XXI.
- История Узбекистана в источниках. Ташкент, 1984.
- Исамиддинов М.Х. История городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.
- Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.
- Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.). Ташкент, 1977.
- Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. М., 1963.
- Кругликова И.Т. Дильберджин. М., 1986.

- К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
- Крашенинникова Н.И.* Раскопки в Китабском районе // АО–1983. 1985.
- Лионе Б.* Греческая оккупация Согдианы. Результаты сравнительного анализа керамики Афрасиаба и Ай-Ханума // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Матер. Междунар. конф., посвящ. 50-летию научн. деятельности Г.В. Шишкиной. М., 2000.
- Массон М.Е.* Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973.
- Масленников А.А.* Граффити и дипинти с мыса Зюк // Памятники античной археологии. КСИА. 1987. № 191.
- Негматов Н.Н., Беляева Т.В.* Исследование Нуртепа в 1981 г. // АРТ – 1981. Вып. XXI. 1988.
- Пидаев Ш.Р.* Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., Вып. 3. 1984.
- Пидаев Ш.Р.* Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1991. № 1.
- Пилипко В.Н.* Парфянский слой поселения Коша-депе у Баба-Дурмаза // СА. 1980. № 4.
- Пилипко В.Н.* Раннеантичное поселение Капыр-Кала у Каушута // Древняя и средневековая археология Средней Азии (к проблеме истории культуры). Ташкент, 1990.
- Пугаченкова Г.А., Беляева Т.В.* К стратиграфии Кумышкенттепе // СА. 1987. № 4.
- Рапэн Кл., Рахманов Ш.* Александр Македонский у Железных ворот в Согдиане // Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган урни. Тез. докл. Междунар. конф. Ташкент, 2002.
- Ртвеладзе Э.В.* Ксениппа-Паретака // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981.
- Ртвеладзе Э.В.* Нижний культурный слой Кампыртепа последней трети IV в. до н.э. // Археологические исследования в Узбекистане 2002 года. Самарканд, 2003.
- Рутковская Л.М.* Парфянская керамика Древнего Мерва // СА. 1958. № 3.
- Сагдуллаев А.С.* Памятники материальной культуры Южного Согда эпохи раннего железа (некоторые итоги исследований в 1976–1986 гг.) // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Сб. науч. тр. ТашГУ. Ташкент, 1987.
- Сагдуллаев А.С.* Усадьбы Древней Бактрии. Ташкент, 1987.
- Сверчков Л.М.* Эллинистическая крепость Курганзол // Материалы по античной культуре Узбекистана (К 70-летию Г.А. Кошеленко). Самарканд, 2005.
- Седов А.В.* Археологический комплекс Бактрии-Тохаристана (VII в. до н.э. – V в. н.э.) // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тез. докл., посвящ. 10-летию Южнотаджикской археол. экспед. М., 1983.
- Сулейманов Р.Х.* Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Ташкент; Самарканд, 2000.
- Сулейманов Р.Х., Ураков Б.* Результаты предварительного исследования античного городища селения Рамиш // ИМКУ. 1977. Вып. 13.
- Тиранян Г.А.* Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V–IV вв. до н.э. // СА. 1964. № 3.
- Толстой И.И.* Греческие граффити городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953.
- Шайдуллаев Ш.Б.* Северная Бактрия в эпоху РЖВ. Самарканд, 2000.
- Шевяков А.* О географической локализации “Скалы Аримаза” // Урта Осиё археологияси ва маданияти. Тез. докл. науч. конф., посвящ. 60-летию акад. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2002.
- Ширинов Т., Шайдуллаев Ш.* К вопросу о хронологической периодизации Кучуктепа // ИМКУ. 1988.
- Шишкина Г.В.* Керамика конца IV–II в. до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. 3. Ташкент, 1974.
- Шишкина Г.В.* Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2.
- Layonet V.* Ceramique et peuplement du Chloletique la conquete arabe // Prospectives Archeologiques en Bactriane Orientale (1974–1978). V. 2. Paris, 1997.

Ceramic complexes of the Hellenistic time in the Kesh region (finds from the Podayataktep site)

A. V. Omel'chenko

Summary

The article is devoted to the investigation of ceramics discovered in the course of excavations at Podayataktep, which is a part of a defense system of Uzunkyr – the site of ancient settlement identified at present with the old capital of the Nautaka region. This region is mentioned in the sources describing the actions of the army of Alexander the Great in Central Asia in 329–327 BC.

For the first of the unsealed horizons a succession to ceramics of the Akhemenid period is marked, first of all for, a box crockery and a cooking moulded battery. The latter also has parallels in the materials of cattle-breeding cultures of the central and the north-eastern regions. At the same time one observes significant changes in tables sets, which are connected with the influence of the Hellenistic (in a comprehensive sense) ceramic tradition.

Judging from the materials of the following Podayataktep's horizon, at a later time the influence of the foreign culture increased. It is attested to by the appearance of some vessels, which have parallels, for example, in the Asia Minor ceramic production. Evidently, the innovations were also connected with the presence of Greek or “Hellenized” migrants in the eastern regions of southern Sogdiana, not only in Bactria but also in the regions to the north of the Amudarya.

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ III–I ВВ. ДО Н.Э.

© 2006 г. Н. Д. Двуреченская

Институт археологии РАН, Москва

Одной из важнейших задач в изучении терракотовой пластики Средней Азии на сегодняшний день представляется введение этой категории находок в разряд полноценного археологического источника. Парадоксально, но, несмотря на свое происхождение из археологических раскопок, изделия терракотовой пластики, как правило, уже в первичных публикациях теряют свой археологический контекст или, в лучшем случае, сохраняют его минимум. Это объясняется сложившимся стойким стереотипом в методах и подходах к изучению этого материала, как источника по изобразительному искусству и религии. Для исследования иконографии и интерпретации образов археологический контекст находки изделия не играет важной роли, вследствие чего мы имеем на сегодня ситуацию, когда массовый археологический материал не исследуется в полной мере как таковой. Традиционно наиболее интересные с точки зрения иконографии виды изделий рассматривались совокупно с изделиями изобразительного искусства, а все остальные либо в контексте керамического комплекса, либо в контексте индивидуальных находок. Сегодня мы имеем массу аналитических работ, посвященных исследованию отдельных видов терракотовой пластики. На наш взгляд, назрела необходимость перейти от частных вопросов к постановке общих проблем терракотовой пластики, как явления материальной культуры. В первую очередь к таким вопросам относятся генезис, формирование школ, хронология. В связи с этим, совокупное рассмотрение всех видов терракотовой пластики становится принципиальным условием.

В данной статье предлагается первый опыт по исследованию изделий терракотовой пластики с попыткой анализа их археологического контекста, установления взаимосвязей отдельных изделий с археологическими комплексами и статистической обработкой полученных данных.

Объектом исследования избрана терракотовая пластика Бактрии III–I вв. до н.э. Наиболее перспективным для решения поставленной задачи представляется рассмотрение материала, происходящего только из стратифицированных археологических слоев, а также рассмотрение в совокупности всех видов изделий терракотовой пластики, как явления, имеющего общую природу. Выбор

хронологических рамок предлагаемого исследования продиктован рядом причин. Во-первых, состояние изученности археологических комплексов греко-бактрийского периода и периода до образования кушанского государства (кушано-юэджийского) сегодня не позволяет четко разграничить материальную культуру этих двух исторических эпох (Седов, 1984. С.171–178). Во-вторых, малочисленность, с точки зрения представительности статистической выборки, материалов греко-бактрийского времени¹ заставляет привлекать материалы более широкого хронологического периода. В-третьих, расширение хронологических рамок позволяет выявить динамику развития этого вида материальной культуры. В-четвертых, на территории Бактрии с конца эпохи бронзы и до III в. до н.э. изделия терракотовой пластики не известны. Таким образом, мы обращаемся к началу некоего культурного явления, которое отражается в различных по функциональному назначению предметах материальной культуры.

На территории Северной Бактрии нам известны всего шесть археологических памятников, где были найдены изделия терракотовой пластики в стратиграфических слоях, относимых авторами к греко-бактрийскому и юэджийскому времени. К ним относятся: Дальверзинтепа, Халчаян, Кампыртепа, Старый Термез, Кей-Кобад-Шах, Саксанохур. Отметим, что на всех этих памятниках слои рассматриваемого времени исследованы на небольших площадях, чаще всего в шурфах. Вследствие чего археологический материал немногочислен и характеризуется в основном керамическими комплексами.

Анализ каталога археологических памятников, расположенных на территории современного северного Афганистана позволил выявить степень их изученности (Ball, 1982. Tab. I, II, III. P. 61–63). Так, из более чем восьмидесяти южно-бактрийских памятников, на которых были зафиксированы слои эпохи селевкидов и Греко-Бактрии, лишь шесть раскапывались (Ай-Ханум, Емши-тепа, Жига-тепе, Чакалakteпа, Шахри Бону, Шортугай) и на двух проводилось зондирование (Балх, Кундуз

¹ Вследствие их труднодоступности (значительная часть слоев этого времени погребена под многометровыми толщами поздних напластований).

Бола Хисар)². Терракотовая пластика рассматриваемого времени была обнаружена лишь на двух памятниках – Ай-Ханум и Шортугай. Однако в результате масштабных археологических работ только на одном Ай-Ханум был получен колоссальный материал греко-бактрийского периода. Он побудил исследователей к сопоставлению различных бактрийских комплексов с айханумскими. Так, вычленению керамических комплексов айханумского типа на памятниках Северной Бактрии была посвящена работа А.В. Седова (1984. С. 171, 172). Позднее богатый керамический комплекс греко-бактрийского времени, полученный из шурфа на цитадели Старого Термеза, был сопоставлен с айханумским комплексом Ш.Р. Пидаевым (1991. С. 211, 212, 223). Сравнительному анализу керамики Ай-Ханум и Афрасиаба была посвящена работа Б. Лионе (2000. С. 75–80). В последнее время на базе айханумского керамического комплекса была вычленена раннеэллинистическая керамика Маргианы, входившей в состав Греко-Бактрии (Гайбов, 2004. С. 600–608). Терракотовая пластика Северной Бактрии также была сопоставлена с айханумской В.А. Мешкерис (1991). В предложенной ею периодизации короластики Бактрии-Тохаристана выделен греко-бактрийский комплекс. В него были включены изделия из кости из Ай-Ханум, Халчаяна, Старого Термеза и терракотовые статуэтки из Ай-Ханум и Кампыртепа. Основания выделения именно этой группы изделий автор находит в единых иконографических истоках передне-восточного эллинизма (Мешкерис, 1991. С. 57–62). Развитие основных положений этой работы было представлено позднее в тезисах “Методические основы комплексного изучения терракот Бактрии-Тохаристана” (Мешкерис, 1998. С. 57–62). Развернутая критика предложенной методики представлена в работе Н.Д. Двуреченской (2005. С. 222, 223). Фактического и последовательного вычленения изделий по стратиграфическим данным автором не проводилось. Некоторые виды изделий терракотовой пластики Ай-Ханум были рассмотрены и сопоставлены с северо-бактрийскими материалами, в основном более позднего времени, также на базе иконографического анализа К. Абдуллаевым (1996. С. 55–65). На основе сравнительного анализа с материалами Ай-Ханум были выявлены терракотовые статуэтки эллинистического периода Маргианы (Кошеленко, Новиков, 1999. С. 54–64).

Таким образом, терракотовая пластика Бактрии III–I вв. до н.э. в предшествующих работах не анализировалась через призму стратиграфических данных и контекста сопутствующего археологического комплекса.

² Зондажи, заложенные на территории столицы Бактрии – Балхе и его цитадели Бола Хисаре, не дали надежно датированных изделий рассматриваемого времени и не были включены в базу данных (Gardin, 1957. P. 54–63).

Анализ археологического контекста, на основе полученных за последние 20 лет материалов (Седов, 1984. С. 33–36; Пидаев, 1991. С. 210–224; Ртвеладзе, Болелов, 2000. С. 99–104; Гайбов, 2004. С. 600–608) позволил отнести к III–I вв. до н.э. 17 изделий из северо-бактрийских памятников.

Дальверзинтепе – одна статуэтка из слоя Дт II б, найденная в доме Дт-2 в шурфе под пом. 9. Слой – Дт II б авторы относят к I в. до н.э. (Тургунов, Пугаченкова, 1978. С. 66–69. Илл. 112, 4; Исхакова, Исхаков, 1978. С. 161, 162. Рис. 113, 4).

Халчаян – три статуэтки происходят из Дворца (Ханакатеpe) из слоя III–IV, датируемого автором II–I вв. до н.э. (Пугаченкова, 1966. С. 42–45. Рис. 19; 103, 1; 108; 109); одна статуэтка из Западного дома (X-2) из слоя III периода, датируемого автором также II–I вв. до н.э. (Пугаченкова, 1966. С. 92. Рис. 103, 3). Анализ керамических комплексов из слоя III–IV дворца и из слоя III периода западного дома позволил датировать их не ранее I в. до н.э.

Саксонохур – четыре статуэтки из нижнего горизонта керамической мастерской Саксонохура были датированы автором III–II вв. до н.э. (Мухитдинов, 1973а. С. 18; б. С. 99–100). Однако керамический комплекс этого горизонта не опубликован, поэтому материал взят на основании датировки М.Х. Мухитдинова.

Старый Термез – две статуэтки из слоя I, XIV яруса, датируемого авторами греко-бактрийским временем (Козловский, Некрасова, 1976. С. 31).

Кампыртепа – две статуэтки происходят с цитадели, пом. 93, с уровня четвертого пола, датируемого II в. до н.э.; одна с цитадели пом. 72 из слоя, датируемого III–II вв. до н.э.; одна статуэтка с цитадели, пом. 94, из слоя докушанского времени; три статуэтки из цитадели с пом. 5, с девятого сверху пола, датируемого II–I вв. до н.э. (Курбанов, 2000. С. 43, 51, 54, 55, 60, 61).

Материалы Кей-Кобад-шаха, датированные III–II вв. до н.э. (Мандельштам, Певзнер, 1958. С. 304, 305. Рис. 12–14), были исключены, как относящиеся к более позднему периоду. Керамический комплекс, сопровождавший изделия терракотовой пластики, неоднороден и содержит в основном формы кушанского периода.

Из южно-бактрийских памятников происходит 66 изделий.

Материалы Ай-Ханум были взяты целиком³. Двадцать четыре изделия происходят из Храма с нишами (Francfort, 1984. P. 39–45. Pl. XVI–XVIII. Pl. 18, 20); сорок изделий со всей остальной территории памятника (Gullaume, Rougelle, 1987. P. 60–

³ На основании работ, затрагивающих вопросы хронологии последних периодов постгреческого обживания Ай-Ханум, которые установили, что эти периоды не выходят за пределы II в. до н.э. (Rapin, 1992; Лионе, 2000. С. 75).

65, Pl. I. 1, 2, Pl. 19, 1–11, Pl. 20; Pl. XVI, 1–13, Pl. XVII, 1–25; Lyonnet, 1997. P. 147. Pl. IV, 11).

Шортугай – две статуэтки происходят из стратиграфического раскопа – шурфа А, 7-го уровня, помещения 1, в 4 слое, датированном по стратиграфии эллинистическим (ранним греко-бактрийским) временем. В целом архитектурные приемы, керамический комплекс и набор индивидуальных находок 7-го уровня аналогичны айханумскому периоду последнего слоя (Francfort, Pottier. 1978. P. 34, 35. Fig. 34, b, c).

Выборка изделий терракотовой пластики Бактрии греко-бактрийского и юэчжийского периодов, полученная нами по анализу существующей литературы⁴, включенная в базу данных, составила всего 83 предмета. С точки зрения представительности статистической выборки мы имеем объем, близкий к минимально необходимому. Вследствие чего необходимо подчеркнуть, что полученные ниже выводы следует рассматривать как предварительные.

При анализе выбранного материала учитывался ряд показателей, который включался в базу данных. Основные показатели по каждому отдельно взятому изделию, разбиваются на четыре группы. Каждый из показателей одной группы последовательно конкретизирует информацию об изделии.

1. Показатели функционального назначения: самостоятельные изделия (статуэтки, плитки с рельефом, маски, протомы и матрицы для их изготовления); несамостоятельные: декор на керамике (зооморфные ручки, налесты и штампы); фигурные сосуды (в том числе ритоны); курильницы и т.д.

2. Технологическо-параметрические показатели: технология изготовления (основные и дополнительные приемы в производстве); размеры, в том числе реконструируемые.

3. Показатели археологического контекста: ирригационный район, памятник, его типология (город, село), архитектурный объект, функциональное назначение конкретного места находки (помещение жилое, хозяйственное и т.д.); археологический комплекс, в том числе керамический, к которому относится рассматриваемый объект терракотовой пластики.

4. Иконографо-стилистические показатели образов: а) иконографический образ (антропоморфный, зооморфный, всадники, мифологический, абстрактный, растительный и т.д.); конкретизация образа (например, женский, кабан, диморфное существо, свастика, листочек и т.д.); б) стиль изображения устанавливается по соотношению ряда показателей, что будет подробно рассмотрено ниже. Всего выделено четыре стиля: эллинистический, эллинизированный, автохтонный и примитивный.

⁴ Двуреченская, 2005.

Рис. 1. Диаграмма 1. Процентное соотношение видов терракотовой пластики Бактрии в III–I вв. до н.э.

Анализ первой группы показателей позволил выделить в бактрийской пластике III–I вв. до н.э. пять видов изделий терракотовой пластики, различающихся по функциональному назначению (рис. 1).

Среди изделий самостоятельного значения: 1) статуэтки и матрицы для их изготовления – 66%; 2) маски (матрицы для их изготовления) – 6%; 3) протомы (матрица для их изготовления) – 1%; 4) терракотовые плитки с рельефными изображениями – 2%.

К несамостоятельным видам относится: 5) терракотовая пластика на керамике – 25%; из них 22.6% – это налесты, штампы-эмблематы на стенках сосудов, фигурные пластически оформленные ручки сосудов; 2.4% – фигурные сосуды – ритоны.

Необходимо отметить, что на Ай-Ханум присутствуют изделия, относимые ко всем пяти видам, а на всех рассматриваемых северо-бактрийских памятниках представлено всего по два вида изделий. Здесь важно напомнить, что наиболее ранний, а именно греко-бактрийский период представлен в основном изделиями из Ай-Ханум и Шортугай, а изделия северо-бактрийских памятников относятся, за небольшим исключением, ко времени I в. до н.э. Характерно, что такие виды, как протомы и маски, не получают в дальнейшем широкого распространения в Средней Азии и нигде кроме Ай-Ханум, не представлены⁵. Таким образом, анализ видового состава терракотовой пластики фиксирует в Бактрии III–II вв. до н.э. наличие набора видов изделий терракотовой пластики, характерного для греческой культуры. Этот набор изменяется в постгреческий период (I в. до н.э.), утрачивается часть видов изделий (в частности, протомы и маски). Остается тот минимум видов – статуэтки, плитки с рельефами и керамика с применением терракотовой пластики, который не только сохраняется, но и эволюционирует в дальнейшем.

⁵ Исключение составляют вещи, относимые к импорту, в частности керамическая матрица маски из Старой Нисы (Пилипко, 2001. С. 314. Рис. 223); мраморная маска из Шахри-Гульгуля (Тургунов, 1976. С. 103. Рис. 1) и гипсовая маска из Топрак-калы (Ставиский, 1979. Рис. 142).

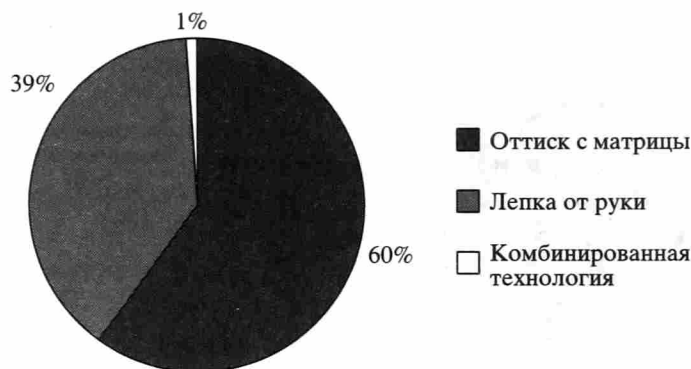

Рис. 2. Диаграмма 2. Процентное соотношение основных технологических приемов в изготовлении терракотовой пластики Бактрии III–I вв. до н.э.

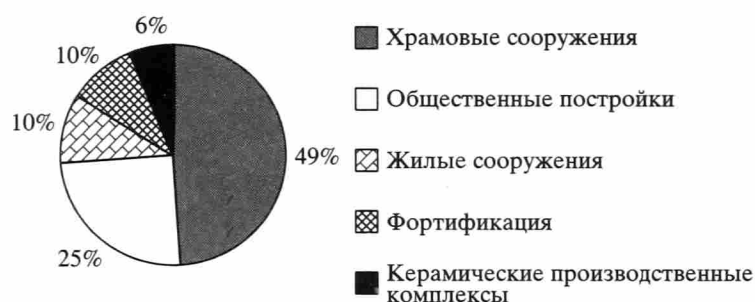

Рис. 3. Диаграмма 3. Процентное соотношение мест находений терракотовой пластики Бактрии III–I вв. до н.э.

Анализ показателей 2-й группы, а именно технологии изготовления перечисленных видов изделий, позволил установить, что 60% изделий изготовлено при помощи оттиска в матрице; 39% изделий изготовлено ручной лепкой; 1% изделий изготовлен в комбинированной технике (рис. 2).

Характерно, что такое соотношение в использовании различных технологий будет сохраняться и в последующие хронологические этапы.

Эти данные позволяют связывать возрождение терракотовой пластики в различных видах изделий на бактрийской земле с появлением новой технологии – технологии с применением матриц, позволяющей массовое тиражирование произведений изобразительного искусства. Исследователи Ай-Ханум, в частности Г.Р. Франкфор, считают, что новая технология имела революционный характер в решении важнейшей производственной задачи того времени – удовлетворения растущего спроса на зрительные образы. Эта технология была принесена греками, и именно в этот период мелкая пластика в самых разных материалах принимает невиданный размах (Francfort, 1984. С. 123, 124).

Анализ показателей археологического контекста позволил установить, что в Бактрии III–I вв. до н.э. терракотовая пластика фиксируется в основном в крупных городских центрах – Ай-Ханум, Дальверзинтепа, Халчаян, Старый Термез, а также в крепости – Кампыртепа, имеющей особое стратегическое значение (расположена у перепра-

вы через Амударью), и в дворцово-храмовом комплексе Саксонохур. На сельских поселениях этого периода терракотовая пластика на сегодня малоизвестна⁶. Исключение составляет сельское поселение эллинистического времени Шортугай.

Большинство рассматриваемых нами бактрийских изделий происходит из стратиграфических слоев и связано с конкретными строениями, получившими интерпретацию своего функционального назначения. Это позволяет нам впервые аргументированно проследить характер местонахождений изделий терракотовой пластики (рис. 3).

Более 49% изделий обнаружено на территории храмов и в связанных с ними постройках; низок процент находок изделий в жилых домах – всего 10%, столько же в строениях, связанных с фортификацией; в общественных постройках (таких, как агора, палестра, гимнасия, бассейн, дворец, театр) – 25%; в месте непосредственного изготовления – гончарных печах – было обнаружено 6%.

На наш взгляд, эти данные, несмотря на их предварительный характер, крайне важны для решения вопроса генезиса различных видов терракотовой пластики в материальной культуре Бактрии в античный период.

Наиболее сложным, на наш взгляд, является рассмотрение таких аналитических показателей, как иконография и стиль. Это та область, в которой максимально преобладает субъективный взгляд отдельного исследователя. В попытке отойти от традиционно описательного метода изучения изобразительных сюжетов (не отрицая плодотворный опыт применения искусствоведческих подходов) предлагается опыт применения статистических методик, в рамках исследования иконографического ряда. В частности, если определенные искусствоведческие характеристики разложить на конкретные составляющие и закрепить за ними, то их можно будет просчитывать статистическими методами. Вследствие этого, отнесение того или иного изображения к определенному стилю основывается на определенном, просчитываемом, соотношении показателей.

В качестве опыта были выявлены группы противоположных или взаимоисключающих показателей стиля: 1 – пропорциональность и непропорциональность; 2 – динамичность (свободные позы) и статичность (иератизм, фронтальность); 3 – объемность и плоскостность (имеется в виду характер изображения, а не характер изделия); 4 – равномерность в проработке или обобщении деталей иконографического образа и неравномерность (к примеру, проработка атрибутов и деталей одежды и отсутствие таковой в передаче анатомии); 5 – реалистичность и условность.

⁶ К примеру, на Томошотепа, хорошо изученном сельском поселении на территории Северной Бактрии терракотовая пластика не обнаружена (Абдуллаев и др., 1975; Абдуллаев, 1979).

Для эллинистического стиля необходимыми показателями являются пропорциональность, равномерность в проработке или обобщении деталей, и достаточными показателями – динамизм, объемность и реалистичность. Эллинизированный стиль сохраняет от эллинистического стиля пропорциональность, динамичность, а остальные меняет на противоположные. Автохтонный стиль подразумевает непропорциональность, статичность, условность изображения, уплощенность и неравномерную проработку деталей. Примитивный стиль продиктован технологией изготовления лепных изделий, как правило, диспропорционален, статичен, объемен и с неравномерным уровнем проработки деталей.

Исследование образов, отображенных в различных изделиях терракотовой пластики Бактрии III–I вв. до н.э. показало, что в целом преобладают антропоморфные изображения – 67%; зооморфные – 27% и, что также показательно, образ всадника представлен всего 6% (рис. 4).

Среди антропоморфных образов преобладают женские – 74%, мужские – 23% и всадники 3%. Статуэтки с женскими образами представлены семью иконографическими типами. Выделение типов носит предварительный схематический характер и основано на учете только трех показателей – поза, наличие одежды/или нагота, атрибуты. Наиболее многочисленный тип 1 – стоящая в драпирующихся одеждах без атрибутов в руках (12 экз.) (рис. 5, 14–17, 23); тип 2 – стоящая в драпирующихся одеждах с венком и сосудом в руках (2 экз.); тип 3 – стоящая в драпирующихся одеждах с зеркалом (2 экз.) (рис. 6, 34); тип 4 – стоящая в драпирующихся одеждах с венками (1 экз.) (рис. 6, 27); тип 5 – шествующая в драпирующихся одеждах с копьем (1 экз.) (рис. 7, 2); тип 6 – сидящая в драпирующихся одеждах с ромбовидным предметом в левой руке (1 экз.) (рис. 5, 18); тип 7 – стоящая обнаженная без атрибутов (3 экз.) (рис. 5, 19; 6, 35).

Статуэтки с мужскими образами не дали никаких устойчивых типов, повторяющихся в сериях. Каждое изделие – отдельный тип – всего их восемь. Среди них четко выделяются как местные образы, так и греческие (рис. 5, 20–22; 6, 30, 33, 37).

Зооморфные образы также не дали устойчивых типов, за исключением изображений лошади (3 шт.), каждое изделие – отдельный тип – всего их 19 (рис. 8, 39–44, 49, 50).

При сопоставлении терракотовой пластики Северной Бактрии и греческого города Ай-Ханум по ряду показателей (виды по функциональному назначению, технология, размеры, иконография, стиль и т.д.) отмечаются общие тенденции и взаимодополнения. Так, если видовой набор изделий наиболее выражен только на Ай-Ханум, то на северо-бактрийских памятниках отмечается приме-

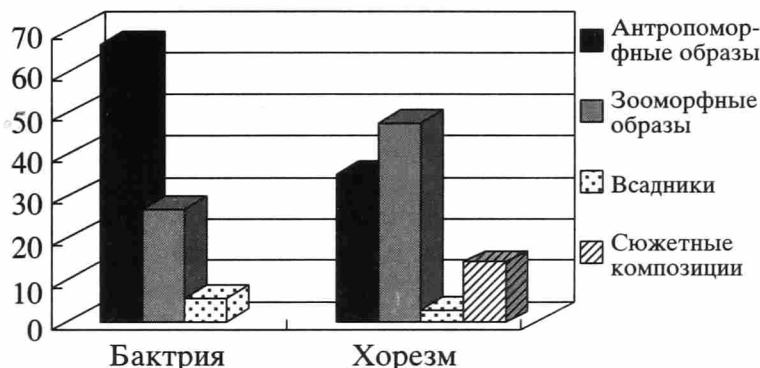

Рис. 4. Диаграмма 4. Процентное соотношение изобразительной тематики в терракотовой пластике Бактрии и Хорезма III–I вв. до н.э.

нение комбинированной технологии (статуэтка с лепным туловом и оттиснутой в матрице головой).

Полученная впервые статистическая выборка археологически датированных изделий терракотовой пластики из Бактрии открывает широкие возможности на пути к прояснению вопроса о генезисе этого вида материальной культуры Средней Азии в античный период. Однако представляется, что в полной мере раскрыть существо вопроса можно только при сопоставлении рассматриваемых материалов с аналогичными, характеризующими другие историко-культурные регионы.

На сегодня мы имеем, сопоставимую с выше представленной бактрийской, выборку изделий терракотовой пластики из Хорезма, датированных на основании археологических комплексов IV–II вв. до н.э. В нее вошло 211 предметов, происходящих с двух памятников: Калалы-гыр-2 и Койкрылган-кала (Воробьева, 1967; Рапопорт, 1967; Вайнберг, 2004)⁷. Практически однослойный памятник Калалы-гыр-2, вследствие гибели от пожара, сохранил уникальный комплекс изделий, в том числе терракотовой пластики, представленный 145 предметами. В нижних стратиграфических слоях Кой-Крылган-калы было зафиксировано 66 предметов.

Сопоставление материалов из этих двух соседних регионов проводилось по всем группам показателей. В первую очередь сравнивался набор различных по функциональному значению видов изделий терракотовой пластики, бытовавший в рассматриваемую эпоху (рис. 9).

Набор видов, несмотря на общее ядро – превалирование статуэток и керамики с применением терракотовой пластики, показывает существенное отличие. Такие виды изделий, как театральные маски, протомы и плитки с рельефами, характерные для бактрийского комплекса, отсутствуют в Хорезме. И, наоборот, такие характерные для хорезмийского комплекса виды, как лицевые маски

⁷ Помимо опубликованных изделий, в выборку были включены и неопубликованные предметы из коллекции терракотовой пластики Калалы-гыр-2 (хранится в Музее Востока).

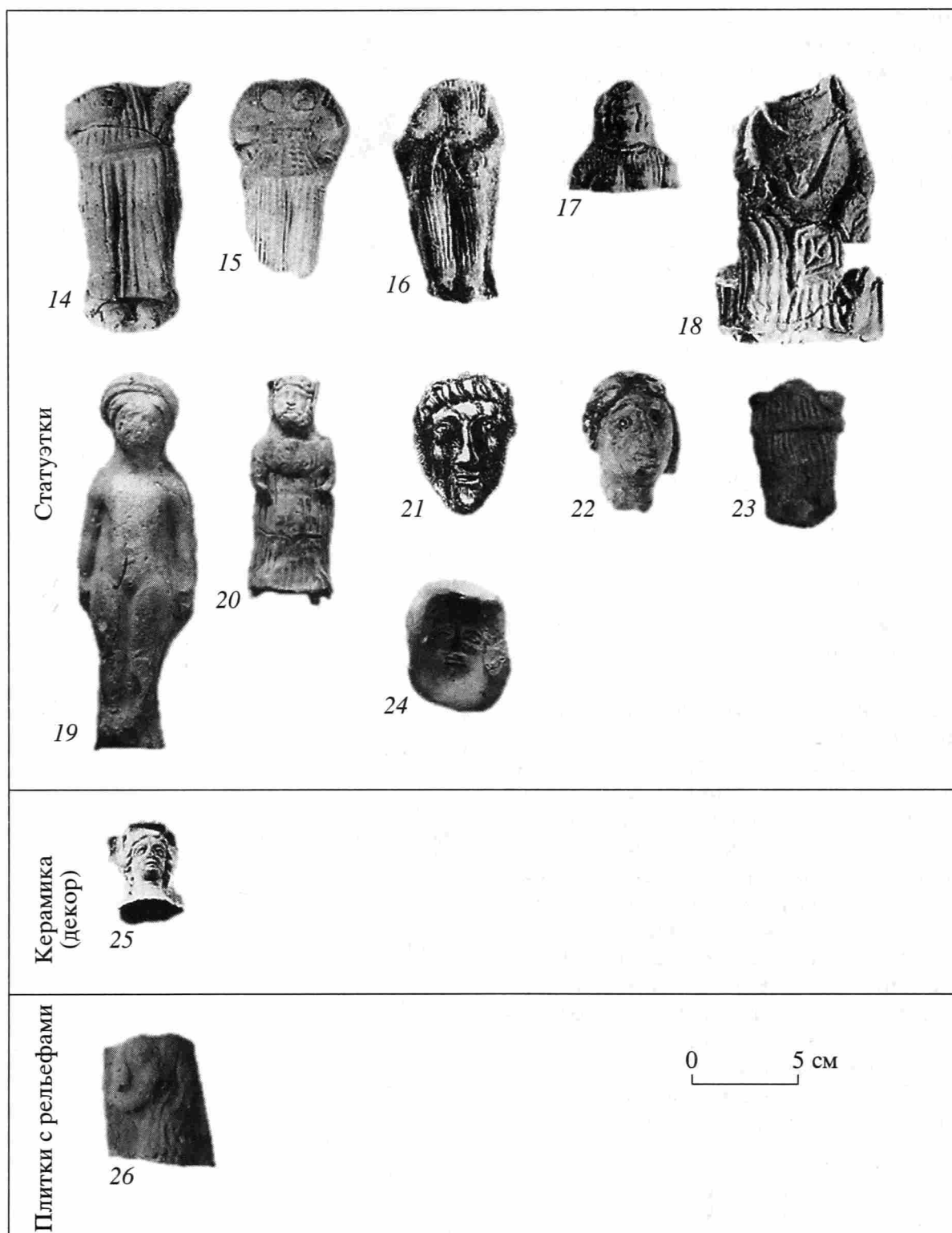

Рис. 5. Эллинизированный стиль.

и статуарные оссуарии или урны, отсутствуют в бактрийском комплексе.

Сравнение показателей 2-й группы (технологии изготовления) позволило констатировать, что и в Хорезме в рассматриваемый период так же как и в Бактрии, преобладают изделия, изготовленные методом оттиска с матрицы – их 64%; выполненных ручной лепкой – 36%. Комбинирование техник не отмечается.

Наиболее красочно суть комплексов терракотовой пластики Хорезма и Бактрии раскрылась при перекрестном сравнении набора иконографических образов, представленных на изделиях (рис. 4). Контрастно выглядит разница в приоритетах основных групп иконографических образов. Если для Бактрии характерно безусловное превалирование антропоморфных образов над всеми остальными (67%), то для Хорезма главной темой

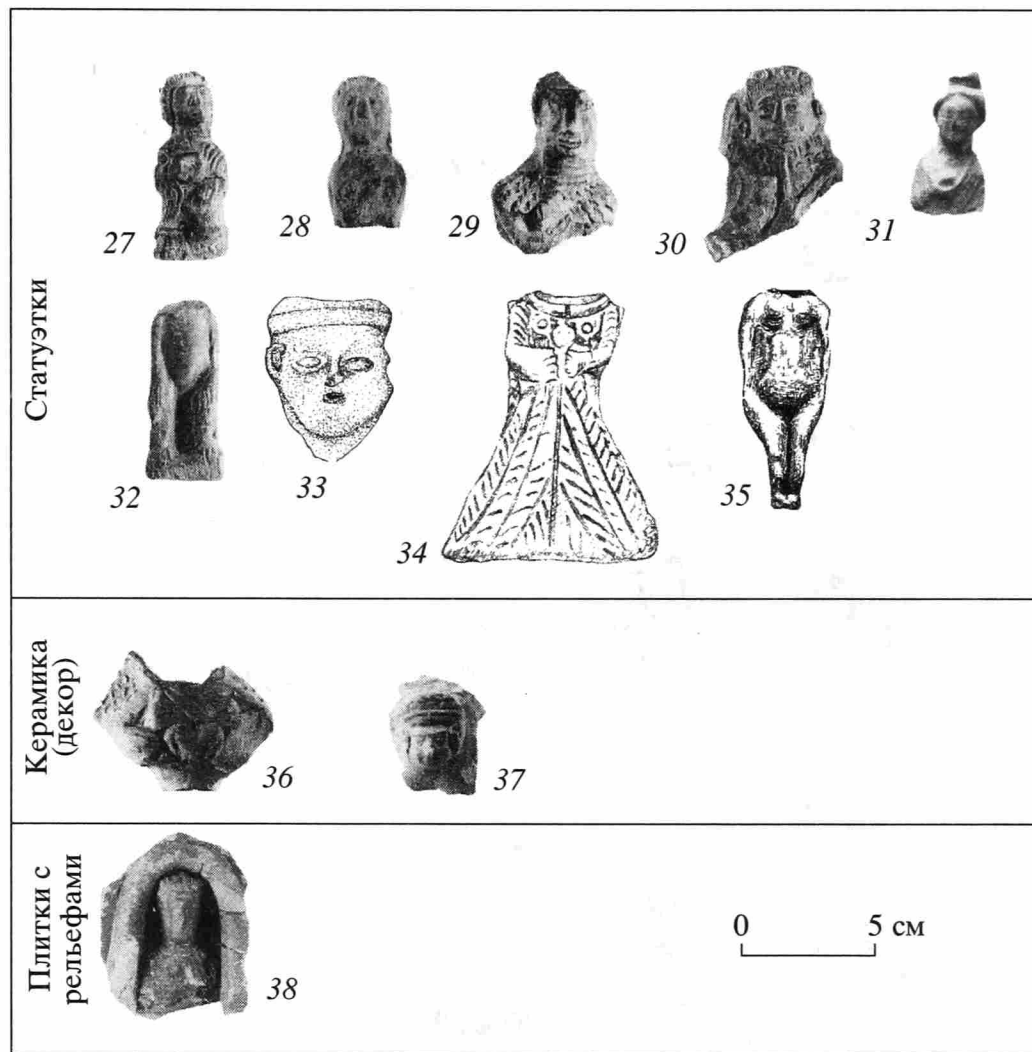

Рис. 6. Автохтонный стиль.

являются зооморфные образы (48%), антропоморфные же представлены 35%. Интересно отметить, что в обоих регионах незначительным числом представлен образ всадника – в Бактрии 6% и в Хорезме 3%. Отличительной чертой хорезмийского набора иконографических образов являются широко известные сюжетные сцены самого различного содержания (от мифологического до светского) на рельефах фляг. В Бактрии рассматриваемого периода сюжетные сцены пока не известны.

Для детализации и уточнения столь ярко наметившегося различия в иконографическом наборе обоих регионов было продолжено сопоставление данных по иконографии в рамках одного вида изделий, а именно статуэток. В частности, сопоставлен набор иконографических образов внутри двух (антропоморфные, зооморфные) из выделенных выше четырех групп (рис. 10).

В Бактрии выявлено безусловное превалирование женского образа (50%), тогда как в Хорезме женский образ представлен практически наравне с образом коня, 43 и 40% соответственно. Это одно из существенных отличий. Можно также отметить, что в Бактрии мужские образы представле-

ны шире, чем в Хорезме (16 и 5.5% соответственно). Яркое проявилось также различие в наборе зооморфных образов. Для Хорезма характерен ограниченный и, если можно так сказать, выверенный набор образов местной фауны – это кони (40% всех статуэток), бараны, верблюды, козлы, и единичными представлен слон и обезьяна. В бактрийском наборе можно отметить больший разброс в образах, зачастую не дающих серии и представленных одним изделием. Здесь можно отметить образы как местной фауны (кони, бараны, быки, коровы, ежи, собаки, утки), так и соседних регионов (обезьяны, слоны). Причем в целом необходимо подчеркнуть, что в Бактрии зооморфные образы в отличие от Хорезма не играют столь важной роли, суммарно их 27%.

Таким образом, даже предварительный сравнительный анализ особенностей терракотовой пластики двух соседних регионов Бактрии и Хорезма на раннем этапе возрождения этого вида материальной культуры выявляет существенные различия. Важно отметить, что хорезмийская пластика рассматриваемого периода в сравнении с бактрийской представляется как более устоявшаяся, выработавшая определенные каноны и набор иконо-

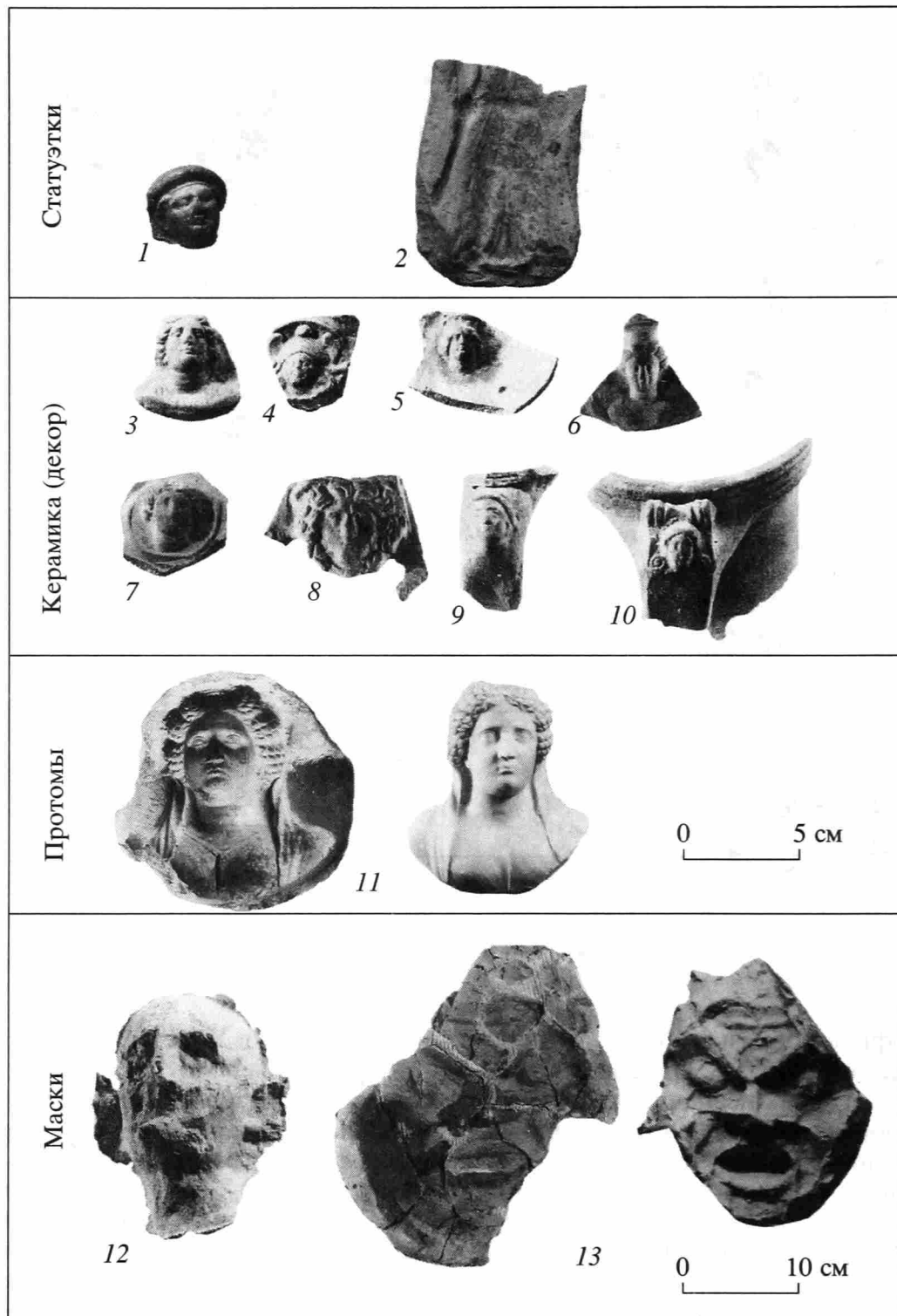

Рис. 7. Эллинистический стиль.

графических образов (крупные серии отдельных типов). Значительное количество изделий (211 предметов с двух памятников) свидетельствует об отлаженном производстве. Еще одной яркой отличительной чертой хорезмийской терракотовой пластики является практически полное отсутствие изделий с иконографическими образами эллинистического и эллинизированного стилей. На этом фоне начальный этап формирования бактрийской пластики имеет ярко выраженный привнесенный характер. Очевидно влияние, если не

отражение, собственно эллинской культуры с характерным для нее набором видов изделий терракотовой пластики и стилем изображений. Лишь позднее, в I в. до н.э., формируется собственно бактрийский характер терракотовой пластики. Однако даже в это время она не приобретает такой целостности и законченности, какой характеризуется хорезмийская пластика.

Рассмотренные выше материалы позволяют предположить, что терракотовая пластика как яв-

ление проникла в материальную культуру Бактрии и Хорезма по двум разным направлениям. Одно – связано с походом Александра Македонского и греческой колонизацией, второе сложилось без посредничества греков и пришло в Среднюю Азию (Хорезм), возможно, через Мидию⁸. Кроме того, необходимо подчеркнуть хронологическую разницу: когда в Бактрии только начался процесс развития пластики, формирования местной традиции, в Хорезме она уже была сложена и обладала самобытными чертами.

Завершая рассмотрение раннего этапа терракотовой пластики Бактрии, представляется необходимым вновь обратиться к концепции “бактрийской богини”, которая сохраняла свою актуальность практически до конца XX в. Сформулирована она была в 1966 г. и повторяла основные положения выдвинутой ранее концепции “Маргианской богини” (Пугаченкова, 1959; 1966). В первую очередь это тезис о “глубоких корнях”, восходящих к временам матриархата, образа обнаженной богини и его последовательной эволюции вплоть до времени рабовладельческих государств. К древнейшим статуэткам, отражающим образ богини-матери, Г.А. Пугаченкова относил костяную подвеску из Халчаяна, обнаруженную в районе Кой-Турабектепа в подъемном материале. По иконографии и стилю подвеска была датирована автором VI–V вв. до н.э. Позднее аналогичные статуэтки были обнаружены в слоях археологически датированных III–II вв. до н.э. Д.В. Русанов обобщил новые данные по этой группе изделий и пришел к выводу о необходимости омолодить датировку ранее обнаруженных и опубликованных статуэток (1992. С. 128, 129). Таким образом, гипотеза Г.А. Пугаченковой лишается начального звена, утверждавшего факт промежуточного существования (между эпохой бронзы и эллинистическим периодом, когда они вновь появились) женских статуэток, предположительно исполнявшихся из иных менее сохраняемых, чем терракота, материалов⁹. Анализ бактрийской пластики III–I вв. до н.э. позволяет считать, что в рассмотренном примере отражается не преемственность развития традиции со II тыс. до н.э., а начало формирования самостоятельного явления материальной культуры – мелкой пластики, которая на ранней стадии в значительной мере использовала самые различные материалы, в том числе кость, дерево, металл. С утверждением же новой технологии – оттиска с матрицы – террако-

⁸ О последнем пишет Б.И. Вайнберг (2004. С. 9, 240).

⁹ Четыре аналогичные костяные статуэтки с изображением ногой богини происходят с крупных городищ и крепости: Халчаяна, Ай-Ханум, Старого Термеза, Кампыртепе (обнаружена с обломом Евкратиды). В целом же эта группа изделий датируется – III–II вв. до н.э. Важно подчеркнуть, все упомянутые статуэтки являлись подвесками, так как имели сквозные отверстия. Что в свою очередь проливает свет на их вероятное функциональное назначение – талисманов-амулетов (Русанов, 1992. С. 128, 129).

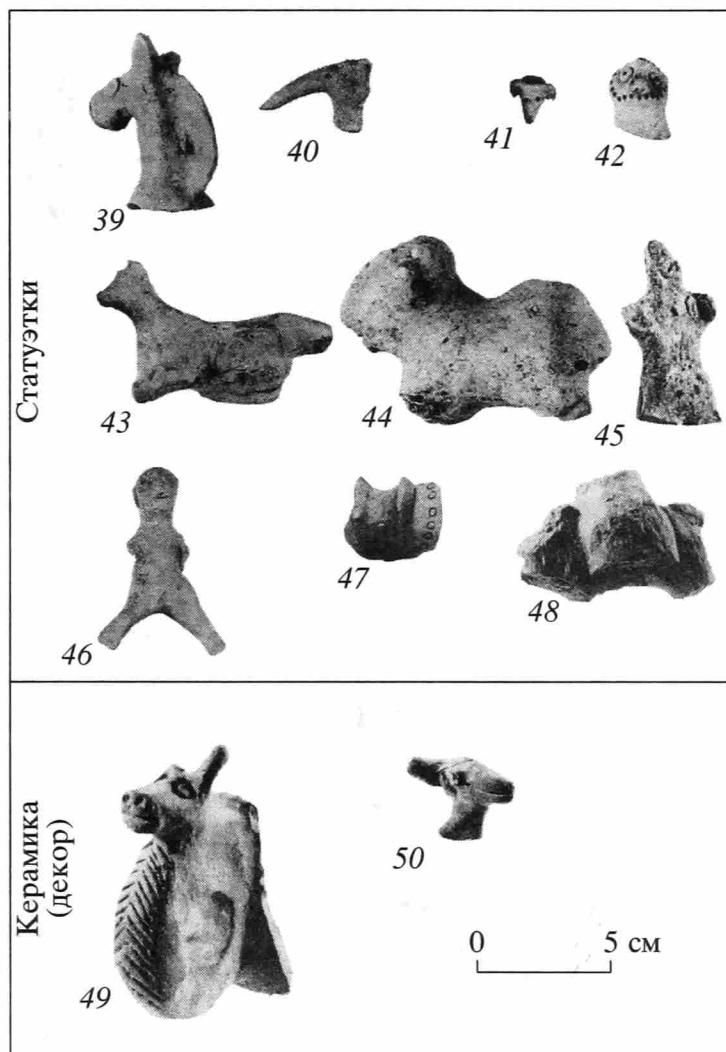

Рис. 8. Примитивный стиль.

та практически вытесняет материалы, не позволяющие дешевое и массовое исполнение.

В концепции “бактрийской богини” помимо преемственности важен также тезис о переднеазиатских корнях иконографии женских образов среднеазиатских терракотовых статуэток со строго фронтальным изображением в “неподвижных позах”. Позднее этот тезис будет поддержан рядом исследователей, прослеживаемый ими, в том числе на материалах Хорезма и Бактрии (Воробьева, 1967. С. 176; Мешкерис, 1991. С. 57). Нельзя не согласиться с мнением М.Г. Воробьевой, которая выявила в древнехорезмийских женских статуэтках использование общей схемы греческой иконографии отдельных групп терракот VI–V вв. до н.э., одновременно подчеркнув, что и греческие, и древнехорезмийские изображения восходят к какому-то общему, бесспорно восточному (переднеазиатским) образцам. Однако полученная нами картина проникновения терракотовой пластики в Бактрию и сравнение ее с материалами Хорезма выявила разницу не только в характере (набор видов изделий, иконографические типы, стиль), но и

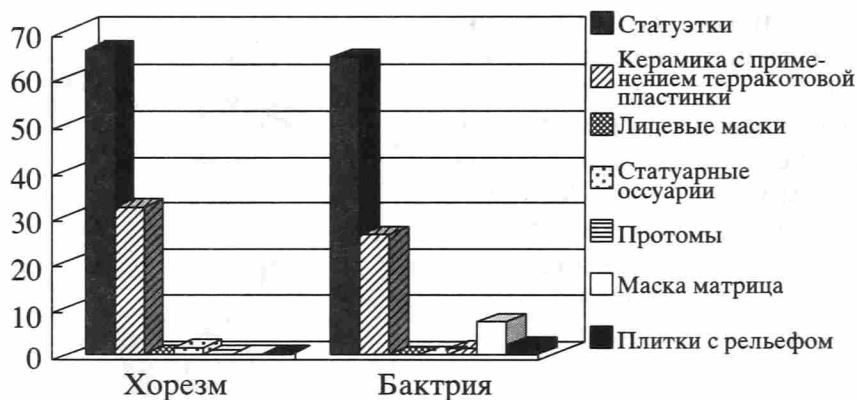

Рис. 9. Диаграмма 5. Процентное соотношение видов терракотовой пластики Бактрии и Хорезма III-I вв. до н.э.

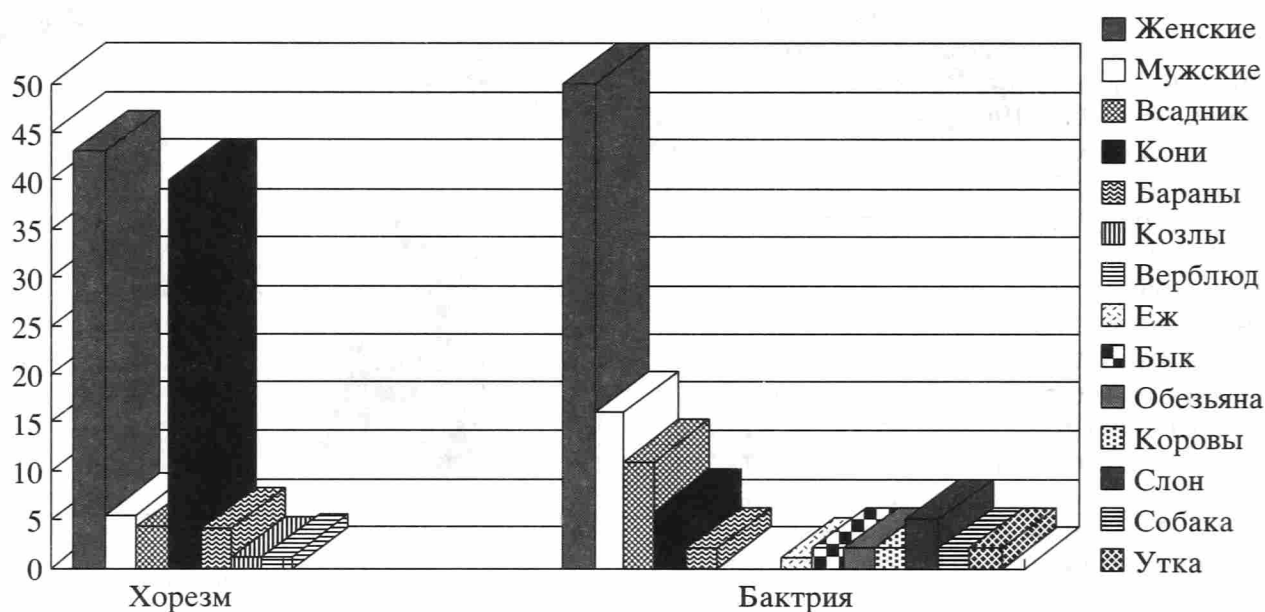

Рис. 10. Диаграмма 6. Процентное соотношение изобразительной тематики в статуэтках Бактрии и Хорезма III-I вв. до н.э.

во времени широкого распространения терракотовой пластики как явления в этих регионах.

Выстраивая на материалах Бактрии характерную эволюционную цепь женских образов, Г.А. Пугаченкова к ранним изделиям (III-II вв. до н.э.) относит тип обнаженной женской фигуры с вытянутыми вдоль туловища руками (находка во дворце Халчаяна). Позднее возникает тип обнаженной богини с опоясками (по мнению Г.А. Пугаченковой, не ранее I в. до н.э.). Рождается тезис о характерном для всей Средней Азии «процессе облачения фигурок богинь сначала в эллинизированные одежды, а затем в одежды местного покроя» со времени I в. до н.э. и особенно первых веков н.э. На основании приведенного выше исследования можно констатировать, что это положение не подтверждается ни для территории Бактрии, ни для соседнего Хорезма, так как в обоих регионах одновременно сосуществуют как тип обнаженных, так и тип облаченных в одеяния женских персонажей. В исследуемых регионах развитие иконографиче-

ских образов идет вне рамок построенной эволюционной схемы (к примеру, в Хорезме на памятнике Калалы-гыр 2) (Вайнберг, 2004). Кроме того, материалы некоторых бактрийских памятников представляют обратную картину: в греко-бактрийский период существуют только облаченные в одежды женские персонажи и лишь в кушанское время появляются обнаженные женские статуэтки (по материалам Саксонохура) (Мухитдинов, 1973).

В заключение представляется необходимым подчеркнуть, что изучение терракотовой пластики без отрыва от археологического контекста, а также с применением статистико-комбинаторных методов позволило не только восстановить в рамках собранного материала картину формирования и развития этого вида материальной культуры, но и существенно изменить наше представление об этом процессе относительно ранее выдвинутых гипотез.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 05-06-80104а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдуллаев А., Бубнова М. А., Пьянкова Л.Т. Отчет о работах Яванского отряда в 1971 г. // АРТ. Вып. XI. Душанбе, 1975.
- Абдуллаев А. Раскопки Тамошотепа в 1974 г. // АРТ. Вып. XIV. Душанбе, 1979.
- Абдуллаев К.А. Терракотовая пластика Ай-ханум // РА. 1996. № 1.
- Вайнберг Б.И. Историко-археологическая характеристика эпохи; Заключение; Каталог антропоморфных терракот из Калалы-гыр 2 // Калалы-гыр 2. М., 2004.
- Воробьева М.Г. Памятники искусства. Разд. 1 // Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1967.
- Гаибов В.А. Раннеэллинистическая керамика Маргианы // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.; Магнитогорск, 2004.
- Двуреченская Н.Д. История изучения терракотовой пластики Средней Азии // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. XV. Магнитогорск, 2005.
- Исхакова Е.А., Исхаков М.Х. Терракоты Дальверзинтепе // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Козловский В.А., Некрасова Е.Г. Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза // Бактрийские древности. Л., 1976.
- Кошеленко Г.А., Новиков С.В. О коропластике Маргианы эллинистического периода // СА. 1999. № 4.
- Курбанов С. Археологические исследования цитадели Кампыртепа // Матер. Тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Ташкент, 2000.
- Лионе Б. Греческая оккупация Согдианы. Результаты сравнительного анализа керамики Афрасиаба и Ай-Ханум // Матер. междунар. конф., посвящ. 50 летию науч. деятельности Г.В. Шишкиной. М., 2000.
- Мандельштам А.М., Певзнер С.Б. Работы кафырничанского отряда в 1952–1953 гг. // МИА. 1958. № 66.
- Мешкерис В.А. Опыт периодизации коропластики Бактрии-Тохаристана // КСИА. 1991. № 204.
- Мешкерис В.А. Методические основы комплексного изучения терракот Бактрии-Тохаристана // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тез. докл. М., 1998.
- Мухитдинов М.Х. Терракоты Саксонохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. Дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1973а.
- Мухитдинов М.Х. Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксонохура // СЭ. 1973б. № 5.
- Пидаев Ш.Р. Керамика Греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1991. № 1.
- Пилипко В.Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001.
- Пугаченкова Г.А. Маргианская богиня // СА. 1959. № XXIX–XXX.
- Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966.
- Рапопорт Ю.А. Памятники искусства. Разд. 2 // Кой-Крылган-Кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1967.
- Ртвеладзе Э.В., Болелов С.Б. Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыртепе в Северной Бактрии // Матер. Междунар. конф., посвящ. 50-летию науч. деятельности Г.В. Шишкиной. М., 2000.
- Русанов Д.В. Бактрийские костяные амулеты // Средняя Азия и мировая цивилизация. Тез. докл. междунар. конф. Ташкент, 1992.
- Седов А.В. Керамические комплексы айханумского типа на Правобережье Амударьи // СА. 1984. № 3.
- Тургунов Б.А. Малоизвестные кушанские памятники Северной Бактрии // Бактрийские древности. Л., 1976.
- Тургунов Б.А., Пугаченкова Г.А. Дом рядового горожанина // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Ball W. Catalogue des sites archeologiques d'Afghanistan. Paris, 1982.
- Francfort H.P. Le sanctuaire du temple a niches indentees // MDAFA. T. XXVII. Fouilles d'Ai Khanoum. V. III. Paris, 1984.
- Francfort H.P. Pottier M.H. Sondage preliminaire sur l'etablissement protohistorique Harappen et post-harappen de Shortugai (Afganistan du N.-E.) // C.N.R.S. T. XXXIV. Paris, 1978.
- Gardin J.C. Ceramiques de Bactres // MDAFA. T. XV. Paris, 1957.
- Gullaume O., Rougelle A. Les Petits obyets // MDAFA. T. XXXI; Fouilles d'Ai Khanoum. V. VII. Paris, 1987.
- Lyonnet B. Ceramique et peuplement du chalcolithique a la conquete arabe // MDMAFAC. T. VIII. V. 2. Paris, 1997.
- Rapin C. La Tresorerie du palais hellenistique d'Ai Khanoum // MDAFA. T. XXXIII. Fouilles d'Ai Khanoum. V. VIII. Paris, 1992.

Terracotta of ancient Bactria of the 3rd – 1st cc. BC

N. D. Dvurechenskaya

Summary

The database with regard for indices of an archaeological context on all the volume of stratigraphically dated wares of ancient Bactrian terracotta (83 objects were included in the database in all) and on 80% excerpts from ancient Khwarizmiyan wares (211 objects) was made up on the basis of the newly developed principles. The analysis of the data with use of statistical and combinative methods and their cross comparison permitted to ascertain that terracotta as a phenomenon penetrated in the material culture of Bactria and Khwarizm by two different channels. The first channel is connected with the campaign of Alexander the Great and the Greek colonization; the second one was formed independently of the Greeks and possibly came to Central Asia (Khwarizm) through Media. The chronological difference was also revealed: when the process of the development of plastic arts and formation of local tradition only began in Bactria, this tradition had been already formed in Khwarizm and acquired its original features.

ПАМЯТНИКИ ХРИСТИАНСТВА В ГЕРАТСКОМ ОАЗИСЕ?

© 2006 г. А. А. Китаева

Институт археологии РАН, Москва

В 2003 г. в городе Латт (Франция) состоялась международная конференция, посвященная археологии Афганистана. К конференции была подготовлена выставка, на которой было экспонировано 342 объекта культурного наследия, значительная часть из которых до сего времени не была опубликована (*De l'Indus à l'Oxus...*, 2003). Некоторые объекты принадлежат музеям и были ими предоставлены для этой выставки, но не меньшую роль играли и произведения искусства из частных коллекций. Известно, что в последние десятилетия на территории Афганистана процветает “черная археология”, и, естественно, что практически все обнаруженные ценности оседают исключительно в частных коллекциях. Можно привести многочисленные примеры первоклассных произведений искусства и письменных документов, которые оказались в таких коллекциях.

Среди объектов, представленных на выставке и принадлежащих частным лицам, имеются три, привлекающих особое внимание: бронзовый крест, датируемый VI в. н.э.; печать с византийской plombой – XI в. н.э. и верхняя часть посоха из слоновой кости с вырезанной на конце фигуркой пастуха, несущего на плечах барашка, и лежащей у его ног собакой (Gignoux, 2003a. P. 397) (рис. 1).

Эти три предмета интересны с двух точек зрения: они происходят, согласно вышеупомянутой публикации, из Гератского оазиса; они, по всей видимости, свидетельствуют о христианской общине, существовавшей там. При этом следует отметить, что Гератский оазис – самая плохо исследованная в археологическом отношении область Афганистана, поэтому публикация подобных объектов имеет большое значение как для понимания собственно археологических проблем, так и для истории христианства в центральноазиатском регионе.

Отметим, что крест (Gignoux, 2001. P. 291–304; Gignoux, 2003b. P. 398) несет на себе пехлевийскую надпись, которая не может быть полностью понята, поскольку часть знаков отсутствует, а часть повреждена. Однако совершенно ясно, что крест принадлежал несторианской общине, так как в данном регионе только несториане использовали в культовых целях этот язык. Столь же показательна и печать. Она имеет надпись на греческом языке и, бесспорно, свидетельствует о каких-то контактах между христианами Герата и Константинопольским патриархатом (Gatier, 2003. P. 398, 399).

Наибольшее внимание привлекает, однако, третий предмет из этой коллекции – скульптурное изображение молодого пастуха с барашком на плечах (Landes, 2003. P. 399). К сожалению, локализация находки довольно широка в связи с тем, что мы не знаем, при каких условиях и при каких обстоятельствах был найден данный предмет. К. Ланд датирует эту находку II–IV вв. н.э. Что касается ответа на вопрос, кого представлял этот пастух, то он колеблется между Добрым пастырем и Гермесом Кривоногим. Отметим прежде всего, что определение ее (хотя и со знаком вопроса) К. Ландом как ручки ножа не может быть принято. Единственное возможное функциональное назначение данного произведения, если исходить из того, что здесь изображен Добрый пастырь, – навершие посоха.

Гладкая лощеная часть посоха из слоновой кости, сохранилась высотой в 5 см. На верхней его части сделано нечто вроде пьедестала прямоугольной формы со слегка выступающим основанием размерами 3 × 1.5 см, на котором изображен молодой юноша-пастух, одетый в короткую тунику без рукавов, перехваченную на талии поясом, и без обуви. Пастух стоит в свободной позе, левая нога чуть согнута, а голова на три четверти немного повернута в сторону. У пастуха крупные черты лица: широкое округлое лицо, большие миндалевидные глаза с четко обозначенной линией бровей, широкий нос и пухлые губы, волосы волнистые. На плечах пастух несет барашка, держа его двумя руками за ноги, с правой стороны от пастуха изображена собака, определяемая по форме ушей и хвосту, которая, подняв мордочку вверх, смотрит на пастуха и барашка. Общая длина ручки – 10.5 см.

Как известно, образ Доброго пастыря был очень популярен в раннехристианском искусстве, хотя художественными прототипами его, несомненно, послужили античные изображения пастуха, покровителя стад Гермеса, с ягненком на плечах; Меркурия с барашком у ног, которые в свою очередь “уходят” корнями в пастушескую мифологию. Раннее христианство, как известно, рано ассимилировало символы, образы и обряды еврейской или средиземноморской цивилизации (Элиаде, 1995. С. 164).

В картинах сельской жизни древние постоянно изображали на стенописях или саркофагах пасту-

Рис. 1. Фигурка Пастуха с барашком на плечах из Герата (II–IV вв.).

ха, несущего на плечах овцу. Этот тип был настолько общеизвестен, что слушатели христианских проповедников могли живо представить себе пастыря при словах: “Азъ есмь пастырь добрый; пастырь добрый душу свою полагает за овцы своя” (Иоанн X, 11). А.С. Уваров считает, что появление символа Доброго пастыря следует относить в начале II в., так как, со слов Тертуллиана, уже в его времена он был не новым символом, а общепринятым и общеизвестным (Уваров, 1908. С. 180), что, однако, не подтверждается археологическими материалами.

Характерной особенностью образа Пастыря является его одеяние. Хитон или туника подпоясан и приподнят выше колен для удобства ходьбы. На плечи поверх хитона надет короткий плащ для защиты от плохой погоды во время путешествий. На ногах высокая обувь, греческий котурн, надеваемый охотниками и вообще всеми теми, кому приходилось много ходить. Котурн, зашнурованный спереди, охватывает ногу почти до колена и придерживает узкие штаны. В руках у пастыря или прямой посох, или посох с загнутым концом. Он держит и сосуд, в который доили овец, известный под именем *multra*. Иногда этот сосуд поставлен возле него (Уваров, 1908. С. 182, 183). Это типич-

Рис. 2. Изображение Доброго пастыря в доме христианской общины в Дура-Европос (232 г. н.э.).

ный образ Доброго пастыря, который был хорошо известен как на западе, так и на востоке. Первым следствием такого твердого и повсеместного установления типа Пастыря было то, что отдельные детали его образа (посох, сосуд для молока и животные, связанные с пастушескими занятиями: собака, заяц, агнец) сделались отдельными символами, но по смыслу остались в зависимости от первоначального образа Доброго пастыря. Собака находится в тесной связи с Пастырем. Как правило, она находится рядом с пастухом, обязательно с ошейником в знак того, что она домашнее животное, а не дикий зверь. А.С. Уваров также считает, что собака стала символом христианина (Уваров, 1908. С. 187–189).

Следует отметить, что Добрый пастырь – одна из самых популярных и излюбленных тем в раннехристианском искусстве. Этот образ был ярко запечатлен в живописи римских катакомб и на саркофагах III–V вв. н.э. (Lassus, 1966. С. 9–19). Несколько позднее он зафиксирован в ряде памятников Равенны, а также в Малой Азии.

Однако самую ближайшую аналогию Доброго пастыря из Герата мы находим на фреске в баптистерии дома христианской общины в Дура-Европос, древнейшем из известных в настоящее время зданий, специально предназначенных для христианского культа (Kraeling, 1967; Бонгард-Левин и др., 2005. С. 58–72; Гаилов, Кошеленко, 2002. С. 415). Граффити на стенах датируются примерно 232 г. н.э., т.е. значительно раньше, чем знаменитые росписи римских катакомб. На фреске в баптистерии изображен Пастырь, стоящий позади своего стада и держащий на своих плечах большого агнца. Он держит барашка за заднюю ногу левой рукой, справа перед Пастырем плотная шеренга из шести или семи овец, впереди которых следует еще одна шеренга белых овечек (рис. 2). Эта

сцена водительства своего стада Добрым пастырем занимает самое важное место в живописи баптистерия и является ярким свидетельством того, что данный образ был широко распространен и популярен на Востоке.

В нашем распоряжении имеются некоторые свидетельства письменных источников о христианстве в Гератском оазисе. Известно, что уже в V в. в Герате была создана епископская кафедра Церкви Востока (были известны имена трех епископов, служивших в Герате в то время, они присутствовали на Соборах 424, 486 и 497 гг.) При несторианском патриархе-католикосе Ишоябе I (582–595) епископ Герата был возведен в ранг митрополита (согласно подписи под решением Собора 585 г.). В дальнейшем Гератский митрополит в списке митрополитов Церкви Востока занимал 9-е место (или, согласно сведениям Илии Дамаского (ок. 900 г. н.э.), 3-е среди “внешних митрополитов”). В VII в. в Герате была создана епископская кафедра яковитов (Западная Сирийская Церковь). Из письма несторианского католикоса Тимофея I Сергию, митрополиту Элама (конец VIII – начало IX века), известно о теологических диспутах между яковитами и несторианами в этом городе. К югу от Герата, в небольшом городке Пушанг, также имелась несторианская кафедра, упомянутая в источниках VI в. н.э. (Кошеленко, 2002. С. 80, 81).

Таким образом, рассматриваемый нами памятник достаточно хорошо коррелирует с данными письменной традиции. Необходимо, однако, в связи с этим указать, что данные письменных источников предостерегают против ранней датировки. Такая ранняя дата, как II в. н.э., во всяком случае полностью исключена. Даже в Мервском оазисе, который, как известно, был основным центром распространения христианства в данном регионе (Koshelenko et al., 1995. P. 55–70; Бадер и др., 1996. С. 85–94), самые ранние свидетельства говорят только о середине III в. как о времени появления христианской общины, поэтому тем более невозможна датировка культовых предметов II веком.

Подводя итоги, можно, как кажется, утверждать, что рассматриваемый в статье объект дей-

ствительно является изображением Доброго пастыря и подтверждает данные письменных источников о христианском присутствии в Гератском оазисе в позднеантичное и раннесредневековое время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер А., Гаиров В., Кошеленко Г.* Мервская митрополия // Традиции и наследие христианского Востока. Матер. междунар. конф. М., 1996.
- Бонгард-Левин Г.М., Гаиров В.А., Кошеленко Г.А.* Распространение христианства на Востоке (В свете исследований памятников Дюра-Европос) // ВДИ. 2005. № 3.
- Гаиров В.А., Кошеленко Г.А.* Христианские памятники Дюра-Европос: открытие и значение // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 12. М.; Магнитогорск, 2002.
- Кошеленко Г.А.* Христианство в Афганистане. // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002.
- Уваров А.С.* Христианская символика. Часть первая: символика древне-христианского периода. М., 1908.
- Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 1995.
- De l'Indus a l'Oxus. Archeologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003.*
- Gatier P.-L.* Sceau de plomb byzantin // De l'Indus à l'Oxus. Archeologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003.
- Gignoux Ph.* Croix de procession de Hérat inscrite en pehlevi // Le Muséon, 2001. V. 114.
- Gignoux Ph.* Le christianisme à Héart // De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003a.
- Gignoux Ph.* Croix de procession // De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003b.
- Koshelenko G., Bader A., Gaibov V.* The Beginnings of Christianity in Merv // Iranica Antiqua. 1995. V. XXX.
- Kraeling C.H.* The Christian Building. The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report VIII. P. II. N.Y., 1967.
- Landes C.* Extrémité supérieure d'un manche de couteau (?) // De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003.
- Lassus J.* The early Christian and Byzantine world. L., 1966.

Monuments of Christianity in the Gerat oasis?

A. A. Kitaeva

Summary

The international conference devoted to the archaeology of Afghanistan took place in the town of Latt in 2003. The upper part of a staff of ivory from Gerat was published in the exhibition catalogue to the conference (the 2nd – 4th cc. AD). At its end a figure of a herder carrying a ram on his shoulders and a dog lying at his feet were carved. This figure with a ram on the shoulders reminds of the image of “the Good Shepherd” and is an indirect graphic reference to the Early-Christian image. This find is an important archaeological proof of the role of the Christianity in the Central Asian region in the Early Medieval period.

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ДВУХ ГОРОДОВ МАРГИАНЫ (О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ)

© 2006 г. В. А. Гаибов, Г. В. Требелева

Институт археологии РАН, Москва

Сочинение Клавдия Птолемея “Географическое руководство”, созданное во II в. н.э. (время жизни Птолемея – примерно 90–168 гг.), является одним из наиболее важных источников по ряду проблем истории Средней Азии античной эпохи, в частности по проблемам исторической географии. Вместе с тем использование его сопряжено с целым рядом трудностей, порожденных спецификой этого сочинения. Значительная неточность исходных теоретических позиций, недостаточное число пунктов, особенно на Востоке, со сколько-нибудь надежными географическими координатами, зависимость от ряда источников, которые было трудно, а то и невозможно согласовать друг с другом – все это создает почти непреодолимые трудности для современных исследователей в их попытках интерпретировать данные Птолемея (Томсон, 1953. С. 462–477; Pédech, 1976. Р. 184–190; Дитмар, 1980. С. 94–100).

Если же ориентироваться не на решение глобальных задач, а только на анализ свидетельств Птолемея по отдельным четко очерченным древним географом областям, на сумме которых он строил картографическую картину больших регионов, то основным препятствием становится разновременность и разнотипность данных, которыми пользовался Птолемей¹. Он стремился в рамках своей “модели” совместить все те сведения, полученные от своих предшественников, которые он считал надежными. В результате этого достаточно часто создавалась путаница при наложении сведений различного времени и попыток их согласовать. Наилучший пример этого – Бактрия и Согдиана. Действительно, даже при беглом взгляде на карту Бактрии и Согдианы Птолемея видны поразительные несоответствия между реальной географической ситуацией и ее воспроизведением, между местонахождением различных городов и народов, как они представлены у Птолемея, и их местоположением, надежно известным благодаря иным источникам. Так, Мараканда (Μαρακάνδα – Ptol. VI, 11.9), широко известный город, являвшийся столицей Согдианы и расположенный на реке Заравшан (которую греки называли Политиме-

том), на карте Птолемея оказывался на самом юге Бактрии, у самых границ с Парапамисадами; Александрия Эсхата (Ἀλεξάνδρεια ἑσχάτη – Ptol. VI, 12.6), находившаяся, как известно, на берегах реки Танаис (совр. Сырдарья), у Птолемея расположена поразительно далеко от любой реки; в пределах Согдианы (а не Бактрии); на берегах реки Окс (совр. Амударья) находится город Оксиана (Ὀξειάνα – Ptol. VI, 12.5), а несколько далее на запад, к северу от реки расположен город Александрия Оксиана (Ἀλεξάνδρεια Ὀξειανῆ – Ptol. VI, 12.6), народ же “оксианы” (Ὀξειανοὶ – Ptol. VI, 12.4) – еще дальше на запад; народ “хорасмиой” (Χωράσμοι – Ptol. VI, 12.4), т.е. обитатели Хорезма, оказываются на среднем течении Окса, достаточно далеко от его дельты, где располагается настоящий Хорезм; на южном берегу Яксарта находится народ “тахоры” (Τάχοροι – Ptol. VI, 12.4), а на южном берегу Окса – “великий народ тохары” (Τόχαροι μέγα ἔθνος – Ptol. VI, 11.6), хотя это, несомненно, один народ, а два их местоположения – отражение направления их экспансии (Гумбах, 1975. С. 71). Этот список легко продолжить. Относительно интерпретации сведений Птолемея о Бактрии и Согдиане уже давно идут горячие дискуссии. Последний пример, насколько нам известно, публикации: Rapin, 1998. Р. 201–225; Пьянков, 2004. С. 96–110. Однако нам кажется, что оставаясь в рамках традиционных подходов и методов очень трудно получить действительно надежные результаты.

В связи с этим мы хотели бы предложить еще один метод решения этой проблемы. В основе его лежит простейшее допущение: когда Птолемей создавал свою картину географической ситуации в центральноазиатском регионе, он совмещал в едином пространстве не отдельные разрозненные элементы общей картины, но несколько разновременных “блоков”, составленных из таких элементов. Эти блоки включали в себя реки, горы, отдельные народы и города. Если мы сможем выделить такие отдельные блоки, принадлежащие различным предшественникам Птолемея, то мы сможем получить ключ ко всему тексту Птолемея. В известной мере мы следуем по пути, намеченным И.В. Пьянковым, который старался всесторонне проанализировать всю античную географию

¹ Мы пользовались следующими изданиями текста и переводами Клавдия Птолемея (Ptolemaios Geographie 6, 9–21..., 1971; Humbach, Ziegler, 1998).

ческую традицию относительно Средней Азии, выявляя несколько направлений в ней и сочетание свидетельств, почерпнутых из разных направлений в конкретных произведениях отдельных авторов (Пьянков, 1997).

Однако на основе текста и карт Бактрии и Согдианы разработку и проверку метода осуществить практически невозможно вследствие обилия материала и соответственно многочисленности альтернативных решений. Мы попытались осуществить ее на базе сведений Птолемея о Маргиане. Кроме того, что очень важно, в настоящее время уже существует подробная археологическая карта Маргианы, на которой памятники размещены в соответствии с их точной позицией, полученной при помощи GPS (The archeological map..., 1998), что еще не сделано для Бактрии и Согдианы. Кроме того, в пользу такого выбора говорят следующие обстоятельства. Прежде всего, территория Маргианы как на карте Птолемея, так и в реальности, много меньше, чем территория Бактрии и Согдианы. Во-вторых, основная “ось” области, которой является река Мургаб (Μούργος – Ptol. VI, 10.4), на карте Птолемея, как и в реальности, ориентирована почти строго в направлении юг–север, что облегчает ориентирование². В-третьих, в отличие от Бактрии и Согдианы, где фиксируется значительное число старых городов, существовавших длительное время, в Маргиане ситуация была иной. Населенные пункты ахеменидского времени (за исключением собственно Мерва) были оставлены в раннеэллинистическое время (Бадер и др., 1995. С. 19, 20). На протяжении довольно длительного периода основная часть населения была сосредоточена в пределах Антиохии Маргианской (современные городища Эрк-кала и Гяур-кала) и непосредственных окрестностей города, окруженных стеной Гилякин-Чильбурдж. Об этом свидетельствуют как результаты археологических исследований (Bader et al., 1995. P. 39–50), так и письменные источники. Так, в частности, Исидор Харакский, который, упомянув Антиохию в Маргиане, вслед за этим сообщает: “деревень нет” (Isid. Char. Mans. Parth., 14)³. Активное строительство новых населенных пунктов началось только в парфянского время (Бадер и др., 1995. С. 23–25). В результате картина, представленная Птолемеем, является “стерильной”, лишенной ранних слоев. Все города, упомянутые им, возникли примерно в одно и то же время. Вследствие этого практически исключается (или почти исключается) дублирование населенных пунктов, так как число авторов – ис-

точников сведений для Птолемея – было ограничено, во всяком случае их было много меньше, чем авторов, дававших информацию по Бактрии и Согдиане.

Описание Маргианы (Ptol. VI, 6.10), которому отвечает часть его 7-й карты Азии, составлено Птолемеем по обычной схеме: сначала даны внешние границы области, затем горы, реки, населяющие ее народы и, наконец, города (Томсон, 1953. С. 465).

Политические границы Маргианы даны Птолемеем поразительно точно (рис. 1). На юге она граничит с Ареей (современный Гератский оазис). На востоке – с Бактрианой. С запада Маргиана сопредельна Гиркании. Хотя, в соответствии с некоторыми более ранними источниками, здесь следовало бы ожидать Парфиену, однако, как уже было показано ранее, около середины I в. н.э. политическая ситуация изменилась, и та часть древней Парфиены (Парфии), которая располагалась к северу от Копетдага, перешла под контроль Гиркании (Кошеленко, 2000. С. 199–207). В самом тексте и на карте Птолемея заметны следы этих изменений ситуации в частности в пределах Гиркании оказывается обитающим народ астауены (Ἀσταουῆνοι – Ptol. VI, 9.5), но страна Астауена, по свидетельству Исидора Харакского, находилась к востоку от Гиркании (Isid. Char. Mans. Parth. 11). Точно так же в пределах Гиркании у Птолемея оказывается и область “Сиракена” (ἡ Σιρακηνή – Ptol. VI, 6.5). Уже давно было высказано мнение, что древняя Сиракена отвечает Серахскому оазису (Оразов, 1973. С. 105). В таком случае вполне закономерно, что она оказывается ближайшим западным соседом Маргианы.

Мы уже отмечали, что почти точное направление на север реки Мургаб, полностью отвечает географическим реалиям оазиса. В связи с этим надо указать и на то обстоятельство, что р. Мургаб образуется благодаря слиянию двух рек: собственно Мургаба и Кушки. Точно такую же картину мы видим и на карте Птолемея. При этом именно восточная из двух рек на карте носит название Марг, как и в действительности. Западная, менее важная река (совр. Кушка) на карте никак не названа⁴.

Город Антиохия Маргианская находится к востоку от реки Марг, что отвечает реальности. В связи с этим необходимо указать, что современные исследования (The archeological map..., 1998. Map. 2) показали, что на территории Маргианы фиксируются, помимо современного, еще несколько древ-

² В связи с этим отметим, что попытка К. Рапэна (Rapin, 1998) в своей реконструкции резко “развернуть” Маргиану, заставив Мургаб течь на северо-восток, не может быть принята.

³ Мы пользовались следующим изданием текста и переводом сочинения Исидора Харакского (The Parthian stations..., 1976).

⁴ Не выглядит убедительной гипотеза, иногда высказываемая исследователями, что эта вторая река – Герируд-Теджен (Гумбах, 1975. С. 72; Humbach, 1972. S. 90, 91). Река Теджен должна протекать через Сиракену, которая, как мы только что отметили, на карте Птолемея находится в составе Гиркании. Непонятно, зачем изобретать такие сложные конструкции, когда объективная реальность дает ясный и полный ответ.

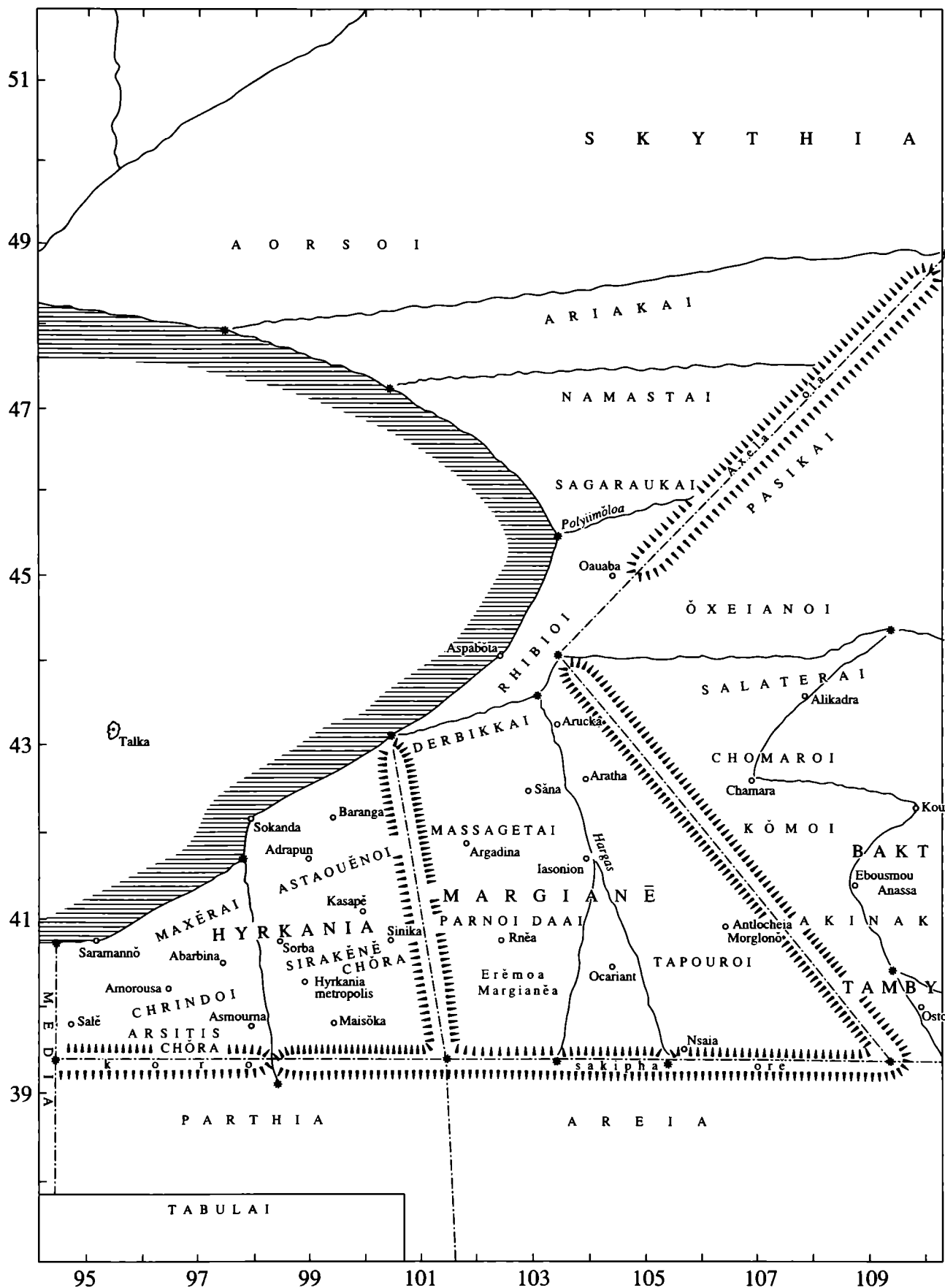

Рис. 1. Птолемей. Маргиана и окружающие территории. Часть карты 7 Азии (по И. Ронка).

них русел Мургаба: одно (или два) к востоку от Антиохии, три – западнее. Таким образом, можно предполагать, что в то время, когда создавалась карта Птолемея, главное русло Мургаба проходило западнее города, но на основании текста Птоле-

мея у нас, однако, нет возможности определить, какое из этих трех русел функционировало в первые века н.э. В этом отношении помогает свидетельство Плиния Старшего, который сообщает, что Антиох восстановил город на том месте, кото-

рое пересекает р. Марг (Plin. Nat. Hist. VI, 47)⁵. Следовательно, можно полагать, что имелось в виду самое близкое к городу западное русло.

Естественно, что в тексте и на карте Птолемея имеются элементы, которые никак не согласуются с реальной географической картиной. Необходимо обратить внимание на одно обстоятельство: на карте место слияния этих двух рек отмечено в пункте, находящемся значительно севернее Антиохии Маргианы, в реальности же оно находится значительно южнее. Эта несогласованность, видимо, может быть объяснена наложением друг на друга двух “пластов” информации: одного, в котором главную роль играли собственно географические ориентиры (горы, реки, пустыня и т.д.), и второго, для которого более важны были города и их взаимосвязь друг с другом посредством дорог.

Маргиана в описании (и на карте) Птолемея с трех сторон (запада, юга и востока) окружена горами. Подобная картина, конечно, далека от реальности. Она создана Птолемеем благодаря двум факторам: его собственной концепции, в которой очень важное место принадлежало стремлению отграничить каждую из выделенных им областей естественными барьерами от соседних, а также благодаря наличию уже существовавшей в это время традиции, согласно которой Маргиана со всех сторон окружена горами. Эта традиция в неявной форме представлена у Страбона, который говорит о том, что Арея и Маргиана частично окружены горами (Strab. XI, 10.2). Гораздо более четко она воплощена в трудах Плиния (Plin. Nat. Hist. VI, 47), Аммиана Марцеллина (Amm. Marcell. XXIII, 6.54)⁶, Солина (Solin. 48, 1–3)⁷ и Марциана Капеллы (Martianus Capella VI, 691)⁸. Сочетание реальной картины с умозрительными построениями хорошо видно на карте: только горы на юге Маргианы имеют свое название – горы Сарифа, которые идут по линии границы с Ареей (διὰ τῶν Σαρίφων ὄρεων. – Ptol. VI, 10.1), в то время как горы вдоль западной и восточной границ не имеют своих названий, что, с нашей точки зрения, указывает на их “умозрительность”. Географическая реальность – только горы на юге, где южная граница Маргианы проходила по отрогам Копетдага там, где сейчас проходит граница между Туркменистаном и Афганистаном. В то же самое время две горные гряды на западе и востоке, являющиеся, по

Птолемею, естественными границами страны, совершенно не отвечают географическим реалиям.

Другим примером несоответствия географическим реалиям является указание и текста, и карты на впадение р. Марг в Окс – у самого устья последнего. Здесь необходимо отметить два момента: р. Марг не могла впасть в Окс ни при каких обстоятельствах. По мнению Плиния, она впадала в озеро Зотха (Plin. Nat. Hist. VI, 47). В настоящее время р. Мургаб теряется в песках. Однако другой тезис Птолемея – о впадении Окса в Каспийское море (Ptol. VI, 10.1) – в настоящее время считается исследователями совершенно справедливым. Еще совсем недавно указание Птолемеем на этот факт рассматривалось, как одна из главных ошибок в его картине Средней Азии (Гумбах, 1975. С. 72; Humbach, 1972. S. 91). Однако сейчас у исследователей нет сомнений, что в античную эпоху Узбой был обводнен и основная часть вод Амударьи направлялась через Сарыкамыш именно в Каспийское море (Юсупов, 1986; Вайнберг, 1999. С. 36–52). В таких условиях становится ясным появление идеи о впадении реки Марг в Окс (возле самого устья последней): р. Марг была более многоводной и уходила в пески значительно дальше на север, чем в настоящее время. Поскольку на севере протекала р. Окс, то для авторов, незнакомых с этим явлением – гибелью реки в песках – естественным было предположение античных географов об их слиянии (Гумбах, 1975. С. 72).

Таким образом, можно с определенной степенью уверенности предполагать, что в тексте и на карте Птолемея отложились два пласта информации. При этом первый пласт – общегеографический – для нас стал более или менее ясным, в нем удастся выявить две составляющие, одна из которых общетеоретическая модель, а вторая – информация, почерпнутая у кого-то из предшественников и восходящая, скорее всего, к Аполлодору из Артемиды (Пьянков, 1997. С. 65–71). Необходимо отметить, что при всех искажениях картина географической ситуации в Маргиане передана Птолемеем более точно, чем других, соседних с ней областей.

Остается определить характер и особенности второго пласта информации. Первый, как мы видим, ориентирован, главным образом, на географические особенности, такие как горы, реки, видимо, пустыня, а города упоминаются лишь тогда, когда они связаны с рекой, как город Иасонион (Ἰασόνιον), который используется как репер, указывающий место слияния двух рек (Ptol. VI, 10.3–4). Второй пласт, следовательно, должен быть связан с другим важнейшим элементом карты и текста Птолемея – городами (не связанными с рекой) и их местоположением. Имеется еще третий элемент в картине каждой области – название народов, обитающих здесь, но анализ его сейчас затруд-

⁵ Мы пользовались следующими изданиями текстов и переводами сочинения Плиния (Pline l'ancienne..., 1980; Pliny..., 1969).

⁶ Мы пользовались следующими изданиями текста и переводами сочинения Аммиана Марцеллина (Ammianus Marcellinus..., 1972), а также переводом (Аммиан Марцеллин..., 1907).

⁷ Мы пользовались следующим изданием текста (C. Iulii Solini..., 1895).

⁸ Мы пользовались следующим изданием текста (Martianus Capella..., 1978).

нен и мы оставляем попытки решить эту проблему на будущее.

Отправным пунктом для разграничения двух традиций является местонахождение Антиохии Маргианской и ее соотношение с рекой Марг и городом Иасонион. Естественно, встает вопрос – можно ли надежно выделить ту традицию, в результате которой Антиохия Маргианская оказалась южнее, нежели место слияния рек Мургаб и Кушка? Кроме того, как мы отмечали в самом начале статьи, необходимо искать систему, поскольку наличие традиции предполагает, что на карте Птолемея должны находиться несколько пунктов, которые все вместе, в рамках единой схемы были перенесены из более раннего источника на эту карту.

В поисках такой системы мы решили обратиться к археологической карте Маргианы и попытаться выяснить: можно ли каким-либо образом соотнести реальные археологические памятники с городами, отмеченными на карте Птолемея.

Нас привлекли два города, расположенные в северной части оазиса, сравнительно далеко от Антиохии и достаточно близко друг от друга. Мы имеем в виду город Аратха (Ἀράθα) и Сена (Σήνα), имеющие, по Птолемею, следующие координаты: первый – $103^{\circ}30'$ восточной долготы и $42^{\circ}30'$ северной широты; второй же – $102^{\circ}30'$ восточной долготы и $42^{\circ}20'$ северной широты (Ptol. VI, 10.3). Третьей точкой мы, естественно, избрали Антихию Маргианскую (Ἀντιχίεια Μαργιάνη) со следующими координатами: 102° восточной долготы и $40^{\circ}30'$ северной широты (Ptol. VI, 10.4). В результате образовался вытянутый треугольник, острая вершина которого обращена к югу.

Для выяснения соответствий данных Птолемея с реальностью необходимо попытаться найти определенное соответствие им на современной карте археологических памятников Маргианы. В результате многих лет работы была создана археологическая карта Мервского оазиса, о которой мы уже упоминали, включающая в себя несколько сотен памятников разного времени.

Сопоставление двух карт должно быть, естественно, начато с пункта, относительно которого нет никаких сомнений в его идентификации на двух картах. Мы имеем в виду Антихию Маргианскую, которая абсолютно всеми современными исследователями отождествляется с городищем Гяур-кала (и его цитаделью Эрк-кала). Следовательно, наша задача состоит на этом этапе в том, чтобы выделить среди многочисленных археологических памятников два. Они должны отвечать следующим требованиям: 1) необходимо, чтобы они располагались в северной части оазиса, 2) они должны находиться сравнительно недалеко друг от друга, 3) в то же самое время их расстояние от Антиохии Маргианской должно в несколько раз

превосходить то расстояние, которое их разделяет, 4) наконец, еще одно важное требование – необходимо было, чтобы в парфянское время эти населенные пункты были достаточно крупными, чтобы иметь право называться городами.

Этим критериям отвечали только два древних населенных пункта: № 544 на археологической карте (The archeological map..., 1998), отмеченный на современных картах как Новый Кишман, известный также как Улы Кишман, Тязе Кишман, в средневековое время носивший название Хурмузфарра (Пугаченкова, 1958. С. 46; Массон, 1966. С. 36–57; Bader et al., 1993–1994. P. 58–62) и № 586–587, отмеченный на картах как Старый Кишман и известный также как Кишман-депе, Дингли Кишман, Койне Кишман, в средневековье носивший имя Кушмейхан (Дурдыев, 1959. С. 136–169; Пугаченкова, 1958. С. 54, 55; Массон, 1966. С. 86–111; Koshelenko et al., 1993. P. 225–250; Bader et al., 1993–1994. P. 56, 57). Оба эти памятника находятся в северной части оазиса, достаточно близко друг к другу, на значительном расстоянии от Гяур-калы, оба представляли в парфянское время значительные по размерам населенные пункты, с геометрически правильной планировкой и солидными укреплениями. По всем параметрам они отвечают поставленным условиям.

На рис. 2 представлены результаты сравнения двух треугольных фигур, выполненных в едином масштабе. Один треугольник образован тремя крупными городами на карте Маргианы Птолемея. Это Сена – точка A_1 , Арата – точка B_1 и Антиохия Маргиана – точка C_1 (рис. 2, а). Второй треугольник образован реальными памятниками, зафиксированными в ходе археологических исследований и геокодированными в ГИС археологических памятников Мервского оазиса: Улы Кишман – точка А, Дингли Кишман – точка В и Гяур-Кала – точка С (рис. 2, б). Главной составляющей любого пространственного анализа является анализ расстояний. Кратчайшим расстоянием между памятниками является расстояние по прямой – по сути это стороны наших треугольников. АВ – расстояние между Улы Кишманом и Дингли Кишманом, ВС – расстояние между Дингли Кишманом и Гяур-Калой и АС – расстояние между Улы Кишманом и Гяур-Калой. И соответственно A_1B_1 – расстояние между Сенной и Аратхой, B_1C_1 – расстояние между Аратхой и Антихией Маргианой и A_1C_1 – расстояние между Сенной и Антихией Маргианой. Используя инструмент “Измерение” геоинформационной системы, мы определили расстояние по прямой между нашими памятниками. Получились АВ = 8.44 км, ВС = 29.18 км и АС = 31.36 км. На карте Птолемея отсутствует масштаб отображения, поэтому, допуская, что имеющееся у нас изображение данной карты сделано без искажений, мы измеряем расстояние в санти-

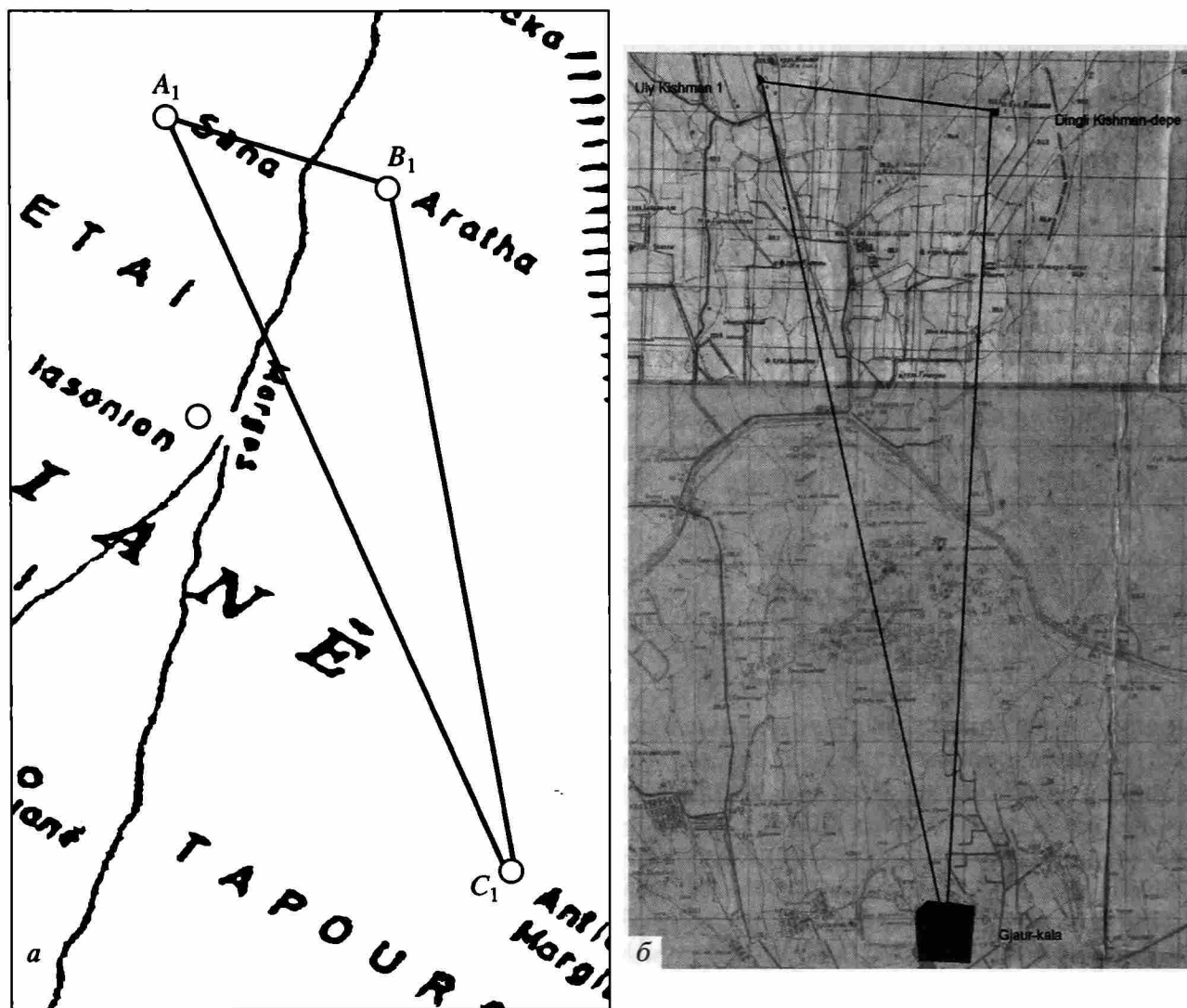

Рис. 2. Соотношение памятников по карте Птолемея (а) и Археологической карте Мервского оазиса (б).

метрах линейкой. У нас получается, что $A_1B_1 = 1.3$ см, $B_1C_1 = 4.5$ см и $A_1C_1 = 5.5$ см.

Следующим этапом стал анализ соотношения сторон. В итоге, получилось что

$$\frac{AB}{A_1B_1} = \frac{8.44}{1.6} = 6.4; \quad \frac{AC}{A_1C_1} = \frac{31.36}{5.5} = 5.6;$$

$$\frac{BC}{B_1C_1} = \frac{29.18}{4.5} = 6.4.$$

Учитывая возможную погрешность в измерениях, связанную, во-первых, с тем, что в ГИС “Археологические памятники Мервского оазиса” памятники представлены в виде площадных объектов (измерения производились из центра площади), а на карте Птолемея – точечных, и, во-вторых, с допустимой погрешностью обеих карт, мы округляем полученный коэффициент до целого числа и получаем

$$\frac{AB}{A_1B_1} = \frac{8.44}{1.6} = 6.4 \approx 6; \quad \frac{AC}{A_1C_1} = \frac{31.36}{5.5} = 5.6 \approx 6;$$

$$\frac{BC}{B_1C_1} = \frac{29.18}{4.5} = 6.4 \approx 6.$$

Таким образом, мы получаем единый коэффициент, а следовательно, можем говорить, что стороны одного треугольника пропорциональны сторонам другого треугольника, т.е. треугольники подобны (на основании теоремы “Третий признак подобия треугольников”). Из этого следует, как нам кажется, надежный вывод: мы можем со значительной долей уверенности говорить о том, что из равенства Гюр-кала = Антиохия Маргианская автоматически следует два других равенства: Сена = Новому Кишману, а Аратха = Старому Кишману.

В результате этого, мы можем считать доказанным, что Птолемей действительно, создавая свою карту Маргианы, брал материалы своих предшественников “блоками”, а не отдельными элементами. В данном случае таким был блок из трех городов. Вполне возможно, что число городов, входящих в этот “блок”, было большим, но этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Второй вопрос, который должен быть рассмотрен в заключение, – это вопрос о причине такой значительной точности в определении местоположений городов, что кажется несколько неожидан-

ным. Нам представляется, что причина этого кроется в том, что значительная часть информации по Центральной Азии Птолемеем была взята, как считают практически все исследователи этих проблем, у Марина Тирского (Томсон, 1953. С. 462–464; Pédech, 1976. P. 178–184; Дитмар, 1980. С. 94; Пьянков, 1997. С. 72–77), который, в свою очередь, использовал материалы Мая Тициана, который сам (или его агенты) побывал в Центральной Азии. Их материалы имели характер итинерариев. При этом создается впечатление, что одним из этапов на этом пути была Антиохия Маргианская (Ptol. I, 12, 3–8). Измерение расстояний между отдельными пунктами на пути может быть достаточно точным, особенно в равнинной местности, каковой был Мервский оазис (Pédech, 1976. P. 187, 188). Их точность во всяком случае превосходила точность построений, основанных на не очень достоверных данных относительно долгот и широт.

Таким образом, подводя итоги, мы можем считать, что в создании карты Маргианы Птолемеем участвовали три составных части: 1) некоторые общие идеи Птолемея, представленные в данном конкретном случае в виде системы горных хребтов, которые “отсекали” Маргиану от других областей; 2) некое географическое сочинение (видимо Аполлодора из Артемиды), достаточно точно помещавшее Маргиану в систему восточных областей, с правильным указанием на основные особенности речной системы в целом (в нем также указывались те города, которые находились непосредственно на берегах реки), но с ошибочным указанием на впадение реки Марг в Окс; 3) итинерарий, достаточно точно указывавший на взаимное расположение по крайней мере части крупнейших населенных пунктов области парфянского времени, восходящий через Марина Тирского к Маю Тициану.

Данная статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 05-06-80134а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аммиан Марцеллин.* История. Вып. 2. Киев, 1907 (пер. Ю.А. Кулаковского).
- Бадер А.Н., Гаиров В.А., Губаев А.А., Кошеленко Г.А.* Системы расселения и ирригация в Мервском оазисе (Туркменистан) от эпохи бронзы до средневековья. М., 1995.
- Вайнберг Б.И.* Этногеография Турана в древности. М., 1999.
- Гумбах Г.* Птолемей и Центральная Азия в кушанское время // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Дитмар А.Б.* География в античное время (очерки развития физико-географических идей). М., 1980.
- Дурдыев Д.* Городище Старого Кишмана (отчет о раскопках 1956–57 гг.) // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. V. Ашхабад, 1959.
- Кошеленко Г.А.* О времени существования некоторых сооружений Старой Нисы // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 9. М.; Магнитогорск, 2000.
- Массон М.Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) // Тр. ЮТАКЭ. Т. XIII. Ашхабад, 1966.
- Оразов О.* Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса. Ашхабад, 1973.
- Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Тр. ЮТАКЭ. Т. VI. М., 1958.
- Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997.
- Пьянков И.В.* Античные источники о Средней Азии и их интерпретация (по поводу двух работ Ф. Грене и К. Рапэна) // ВДИ. 2004. № 1.
- Страбон.* География в 17 книгах. М., 1964 (пер. Г.А. Стратановского).
- Томсон Дж.О.* История древней географии. М., 1953.
- Юсупов Х.* Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.
- Amnianus Marcellinus.* With an English translation by J. Rolfe. Cambridge, 1972.
- The archeological map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–1995. Roma, 1998.
- Bader A., Gaibov V., Koshelenko G.* The Northern Periphery of the Merv Oasis from the Achaemenid Period to the Mongol Conquest // Silk Road Art and Archaeology. 3. 1993–1994.
- Bader A., Gaibov V., Koshelenko G.* Walls of Margiana // In the land of gryphons. Papers on Central Asian archaeology in antiquity. Firenze, 1995.
- C. Iulii Solini.* Collectanea rerum memorabilium. Iterum recensuit Th. Mommsen. Berolini, 1895.
- The Geography of Strabo. With an English translation by H.L. Jones. In eight volumes. V. V. Cambridge, L., 1969.
- Humbach H.* Historisch-geographische Noten zum sechsten Buch der Geographie des Ptolemaios // Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz. 1972. Jh. 19.
- Humbach H., Ziegler S.* Ptolemy Geography. Book 6. Middle East, Central and North Asia, China. Pt. 1. Wiesbaden, 1998.
- Koshelenko G.A., Bader A.N., Gaibov V.A.* Materials for archaeological Map of Merv oasis // Mesopotamia. 1992. V. 27. Firenze, 1993.
- Martianus Capella.* Addenda et corrigenda iterum adiecit J. Preaux. Lipsiae, 1978.
- The Parthian stations by Isidore of Charax. An account of the overland trade route between the Levant and India in the first century B.C. The Greek text, with translation and commentary by W.H. Scoff. Chicago, 1976.
- Pédech P.* La géographie des grecs. Paris, 1976.
- Pline l'ancienne Histoire naturelle. Texte établie et traduite par J. Andre et J. Fillozat. Paris, 1980.
- Pliny.* Natural history in ten volumes. With an English translation by H. Rackham. L.; Cambridge, 1969.
- Ptolemaios.* Geographie 6.9–21. Ostiran und Zentralasien. Griechischer Text neu herausgegeben und ins Deutsche übertragen von Italo Ronca. Rom, 1971.
- Rapin C.* L'incompréhensible Asie Centrale de la carte de Ptolémée: proposition pour un décodage // Bulletin of the Asia Institute. N.S. 1998. V. 12.

On the location of the towns of Margiana (On the potential of some GIS-technologies)

V. A. Gaibov, G. V. Trebeleva

S u m m a r y

One of the most important sources on historical geography of antique Central Asia is the composition of “the Geographical Guide” by Claudius Ptolemaeus (the 2nd c. AD). But its use is confronted with great difficulties, because Ptolemaeus united the data from sources of different times and plans in his work. The discussions of the last years showed how it is difficult to distinguish between separate information “layers” which the composition of Ptolemaeus contains. The authors proceed from the fact that Ptolemaeus joined into a unified picture “blocks” borrowed from different sources and not separate points. On the basis of the Ptolemaeus’s description of the Merv oasis (Margiana) the authors make an attempt to mark out such information block with help of itinerary data and materials of the archaeological map of Margiana made with use of geoinformation system (GIS) technologies. It turned out that one can identify exactly enough three archaeological sites (Gyaur-kala, Dingli Kishman and Koine Kishman) with three towns presented on the Ptolemaeus’ map (Antiochia Margiana, Sena and Aratkha).